КОНСТАНТИН АНИКИН
НУЛЬТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Странная эпидемия превратила почти всех жителей В8 в агрессивных зомби. Героям приходится драться, чтобы выжить. Кто виноват, и при чем здесь старинная видеоигра Pac-man?

- Константин Аникин
  - 012: Салют Победы / Трансформация
  - 013: Без надежды
  - 014: Бойня N8
  - 015: Осколки
  - 016: Вампиры vs. Зомби
  - 017: Знакомый почерк
  - 018: Паутина
  - 019: Красная ртуть
  - 020: Ножи наружу
  - 021: Момент тишины

Константин Аникин
Нульт: 02: Неспящие в Воркуйске

012: Салют Победы / Трансформация

Стальная молния рассекает воздух и время меняется.

Нет ничего до, нет ничего после. Есть только сейчас.

Лезвие натыкается на преграду, входя в тело врага у основания шеи. Косой росчерк древней стали мгновенно перечеркивает жизнь. Враг падает. Это мужчина, высокий, усы, черный, как раз для похорон, костюм. Кровь, вырвавшись на свободу из плена кровеносной системы, взмывает вверх фонтаном, на какое-то мгновение, вспыхивая красным огнем наткнувшись на свет фонаря. Закрытые, теперь навечно, глаза, медленно тающая, как снег на солнце, улыбка.

Группировка, возвращение в стойку.

Замах, удар. Что-то мокрое, скользкое, бесформенное лезет наружу из его живота. Надо же, почти ребенок. Но голове кустик из пружинок со светодиодами. Телекс искрит белым шумом. Зиро отпихивает ногой от себя одного из них, который подобрался слишком быстро и выставляет перед собой Меч. Тот тупо прет на пролом и сам себя насаживает на клинок. Это даже не интересно. Стряхнуть кровь с клинка, стойка, замах удар!

Это похоже на танец. Зиро танцует с Мечом. И с каждым па этого фанаданго, Зиро чувствует, как сливается с острым куском металла в своих руках, превращается с ним в единое целое. Ему кажется, что наконец-то он нашел ту недостающую часть своего тела, о пропаже которой он и не подозревал. Выпад! На этот раз двоих, двоих одним уколом. Меч застревает в их телах, Зиро упирается ногой в грудь той телке, что была ближе к гарде, и вызволяет клинок. Как же все они похожи. Почти не различить. Неужели так просто? Неужели, закрыв глаза все люди становяться одинаковыми? Их образы моментально вымывает из памяти.

Удар, еще, удар, на этот раз ниже, по ногам. Разрезанные сухожилия, раздробленные кости. Двое падают. Те, что напирают сзади, цепляются за них него и тоже падают, ряд тех нападавших, к которым Зиро стоит лицом, смят. Но те сомнамбулы, что сзади и сбоку приближаются.

Девушка выходит из ступора, рогатка выскакивает из ее ладони. Она все понимает без слов. Она занимает правильную позицию. Ее губы сжаты в нить, а большие глаза пылают отраженным светом.

Она стреляет. Она стреляет настолько быстро, что Зиро не успевает заметить, как она оттягивает тетиву — все превращается в единое, размазанное в блёр, движение. Она даже не поднимает рогатку до уровня глаз. Кажется, она даже не целится, кажется,

она почти не смотрит в сторону своей цели, но, тем не менее, враги падают один за другим.

Один из них закован в черную броню, он из тех военных, что стояли в оцеплении. Сквозь транспарантное забрало его интерфейса видно бледно-желтый неполный круг, тень Пакмана лежит на его лице. Его гелиевая броня, титановый шлем слишком прочны для Меча. Проблема.

Девушка стреляет в солдата, оттянув тетиву на максимум.

Броня выдерживает, но силой удара солдата поднимает в воздух и относит на несколько метров назад прямо в гущу нападавших. Страйк!

Размеренное дыхание, напряженные мышцы.

Сосредоточие силы в точки ки.

Замах, удар, смена позиции.

Их враг смешон. Нелеп. Он лишен индивидуальности. Одного удара, одного выстрела, достаточно чтобы вывести их из строя. Никакое искусство тут не нужно. Просто колоть. Просто рубить. Они берут только массой. Зомби. Тупая агрессивная биомасса. У них одна тактика — подобраться поближе, повалить на землю и загрызть, забить, затоптать. Не дать себя схватить. Главное, не дать себя схватить.

Блок, выпад.

Они умирают без единого звука. Не открывая глаз. С улыбкой на лицах. Это придает всему оттенок фарса.

И если бы, как в его симуляторе кендо, с каждым ударом Меча от тел его врагов отлетали бы цифры нанесенного урона, Зиро бы не удивился.

Один из них хватается за лезвие и теряет пальцы.

Разворот, оценка ситуации.

Атака!

И остывающий в воздухе след метеора.

Контролируемая агрессия. Контролируемая ярость. Отсутствие самоконтроля в схватке равно поражению. Каждое движение Зиро, каждый взмах Меча, продиктовано лишь суровой необходимостью выживания. Однако, где-то далеко, где-то почти на другом конце Вселенной, Зиро чувствует на себе взгляд своего прежнего «Я», того «Я» что он считал собой, до тех пор, пока не поднял Меч. И это, его прежнее «Я», смотрит на него со страхом. Его прежнее «Я» поражено, в насколько жестокой форме, выходит его недовольство порядком вещей, недовольство людьми и тем миром, который они создали. Это недовольство всегда было в нем, но до поры, оно не имело выхода, оно дремало, придавленное спудом поведенческих паттернов, заложенных в его сознание кем-то другим для каких-то своих целей. Но мораль и

совесть существуют до тех пор, пока твоей жизни ничего не угрожает. До того момента, как Меч впился в плоть первого врага. Это меняет все. С этого момента все становится просто и честно. Или ты — или тебя. Крещение кровью. И голос того, прежнего, «Я» уже почти не слышен, он медленно угасает в непроглядной тьме.

Кто-то прорывается сквозь круг обороны, девушка высоко вскидывает ногу, настолько высоко, что Зиро успевает заметить треугольничек ее трусиков, размашистый удар в челюсть, зомби падает. Зиро прикалывает его к земле, а рыжая девчонка уже снова поливает дробью. Или чем там она стреляет.

Но они прибывают. Туман непрерывно выдавливает из себя новые тела, в маячках светодиодов. Сколько же их?! Не все так просто. Их слишком много. Зиро не хватает времени. Скользкая змейка страха зашевелилась где-то внизу его живота. Их же сотни! Ему не хватит времени. Ему не хватит сил. И в этот момент…

БАБАХ!

Салют.

На воздух взлетает годовой бюджет страны третьего мира. В небе одновременно распускаются десятки разноцветных огненных бутонов, и отблески цветных искр хаотично мечутся по лезвию. Пушки стоят где-то рядом, грохот залпов практически нестерпим. Бой внезапно прекращается. Сомнамбулы замирают, словно внезапно иссяк их источник энергии. Стоят и рассеянно ворочают головами.

Зиро опускает Меч.

Они их потеряли? Их дезориентирует громкий звук? Они ориентируются на слух?

Дыхание Зиро нормализируется. Волна расслабления проходит по телу, медленно возвращается привычное восприятие времени. Бледные, дымчатые языки тумана лижут кровавые следы схватки. Вокруг него тела. У его ног, словно выеденная устрица, лежит заляпанный кровью раскрытый мобильник. На его экране Пакман. Зиро подходит к ближайшему лунатику. Он никак не реагирует. Зиро толкает его и он падает. Потом другого, еще одного, они падают как куклы и даже не пытаются встать.

Огненная вакханалия над головой нарастает, пиротехническое шоу приближается к своей кульминации, кажется, еще чуть-чуть и от этих взрывов Небо рухнет на землю.

Этот салют в их честь.

Это их Победа.

Победа Зиро.

Победа этой девушки.

Пока они вырублены, надо бежать. Зиро, расталкивая стоящих столбом зомби, бежит к выходу парка.

Девушка следует за ним.

013: Без надежды

— Теперь нас точно посадят в тюрьму, — Сказала девушка, прислонившись к стене и переводя дух.

Они стояли в арке пронзающий насквозь один из старых домов возле парка. Тусклое освещение. Черные кабеля змеятся по стене. Затегованные стены.

— Пусть попробуют…. Зоя, — сказал Зиро.

— Зоя? — Девушка, повернулась к Зиро лицом. — Я не Зоя! Это она Зоя, — из ее ладони выпрыгнула рогатка. — Я — Инфинити.

— Инфинити? ОК. А я — Зиро.

— Зиро? — Инфинити сглотнула, — То есть, ноль?

— Ну да. А что? Тебе не нравиться мой ник?

— Я…. — Она отвернулась. — Я немного побаиваюсь нулей.

— То есть — нулей? В каком смысле?

— В прямом. В смысле — число ноль.

Девица, похоже, с прибабахом, подумал Зиро

— Не бойся. — Сказал он — Нули не страшные. Я видел их целую кучу.

— Да я знаю. — Инфинити нервно передернула плечами. — Просто иногда… на меня находит.

— Понятно, — кивнул Зиро. Хотя ничего ему было не понятно.

В арку, треща винтами, медленно, словно крадучись, влетела летающая патрульная камера на вертолетной платформе. ЛПК зависла в метре над землей, и уставилась бесстрастными линзами в их сторону.

Некоторое время они играли с дроном в гляделки, потом Инфинити крикнула в его круглые тонированные линзы.

— Почему вы ничего не делаете?! Вы что, не видите, что происходит?!

Камера слегка развернулась в воздухе, и в ее черном брюхе, злым глазом загорелся красный огонек. Инстинкт опять сработал быстрее сознания; Зиро схватил Инфинити за руку и резко сорвал с места. Дрон выстрелил красным лазерным лучом, который впился в стену, туда, где мгновение назад стояла Инфинити.

Мощная вспышка голубого электрического света на миллисекунду осветила все вокруг. Стена задымилась — 50 тысяч вольт оставили на ней черный ожог.

Лазерный тазер. Тазеры последней модификации, доставляющие электрический заряд по лазерному лучу. Последние модели дронов были оборудованы такими.

Инфинити, не раздумывая, ответила выстрелом, и впечатала дрона в стену. Камера грудой искрящих обломков осыпалась на землю, осколок несущего винта просвистел над головой и вонзился в штукатурку, как сюрикэн. Почти сразу же вслед за этим они увидели зомби, они шли в арку, со стороны парка. Зиро и Инфинити побежали в противоположную сторону, и оказались в дворике, практически не отличимым от того, в котором Зиро не так давно восстанавливал софт своих, ныне дохлых, агментов — те же детская площадка, скамейки, клумбы. Они ворвались во двор и замерли. Все входы, со двора были перекрыты. Лунатики наступали сразу по всем направлениям, их было много, темные силуэты сливались во тьме в монолитную массу. Авангард наступавших сомнамбул не ломился в атаку, они растягивались по территории двора, обходя их издали, словно раскормленная компьютерная «змейка» пыталась уместить свое тело в тесном лабиринте.

— Оттуда они взялись? — Инфинити нервно теребила тетиву.

Зиро огляделся.

— В подъезд! — скомандовал он.

Зиро рванулся к ближайшей двери и тут сообразил что, черт, она закрыта, там, как всегда, электронный замок, который чужого не пустит. Однако, у Инфинити было средство, одно средство от всех проблем; она вскинула свою чудо-рогатку и влепила заряд прямо в сенсорную панель домофона. Замок лопнул, внутри коротнуло, лапша проводов вперемешку с осколками плат вылезла наружу, как кишки из живота, и тяжелая металлическая дверь со щелчком приоткрылась. Они забежали в подъезд, и Зиро закрыл дверь на аналоговую задвижку.

Внутри никого не было. Это была девятиэтажка советской постройки, по четыре квартиры на этаж. Тесный холл, выкрашенный салатовой краской. Одна из ламп дневного освещения нервно моргала. Лифт. Ковровая дорожка. Стенка, шелушащаяся черными рядами рудиментарных почтовых ящиков.

— Фу, — сказала Инфинити, приложив растопыренную ладонь к груди — Пронесло.

Хорошо бы, подумал Зиро и сказал:

— У меня такое чувство, что они нас целенаправленно загоняют. Как они узнали, что мы были там? Предположим, те, что появились первыми, могли услышать, как ты кричишь в камеру, но те, другие? Они же явно действуют слаженно! Они зашли сразу со всех сторон. И при этом сами по себе они явно ни хрена не соображают!

— Может это случайность? — Инфинити присела на

ступеньку, ее светлокарие глаза смотрел на Зиро в упор.

— А в парке? Мы же пока метались туда-сюда, они же на самом деле нас окружали! Это признак разумного поведения. Группового, во всяком случае. Они что соображают только всей массой? Типа как муравьи?

— Почему в меня выстрелил дрон?

— Да, фак, еще и дрон. — Зиро потер лоб. — С дроном не понятно.

— Может они решили, что мы одни из них? Может, оператор запаниковал?

— Да, что, черт подери, так трудно отличить нас от них? Да и вообще — ты видела, сколько камер было над площадью? Они все должны были видеть! Они все видели и до сих пор ничего не сделали!

С той стороны двери начали дергать ручку, потом в дверь забарабанили десятки рук. Дверь был крепкая, но все равно это действовало на нервы.

— Давай в квартиры позвоним, — предложила Инфинити. — Может, заснули только те, кто был на улице? Не может же быть, чтобы ВСЕ спали?

— Давай, — согласился он, хотя подумал, что «не может быть» больше не аргумент.

Они поднялась на первый этаж, и позвонили во все двери. Никто не отозвался.

— Похоже, никого нет дома, — сказала Инфинити.

Похоже, никого не было дома и на втором этаже. И на третьем и на четвертом.

Инфинити молчала, но Зиро даже кожей чувствовал ее беспокойство.

На седьмом этаже, когда они уже совсем отчаялись, дверь квартиры номер 58 вдруг открылась.

На пороге стоял всклокоченный мужчина в очках, одетый по-домашнему: майка, спортивные штаны и тапочки. Лицо у него было поцарапано, свежие царапины набухли кровью.

Мужчина широко распахнул дверь и уставился на них обеспокоенным взглядом.

— Здравствуйте. Извините за беспокойство. Мы хотели… — начала Инфинити.

— У вас есть телефон? — прервал ее мужчина. Его трясло. — Мне надо позвонить в скорую! У меня что-то с женой случилось…. — Он быстро оглянулся — Она как будто спит, но при этом двигается, и… — он, поморщившись, потер поцарапанную щеку. — А телефоны не работают и все компьютеры тоже. И соседей никого нет дома!

— Похоже, связи нигде нет, — сказал Зиро Инфинити — Пакман все сожрал. — И тут же понял, что почти повторил последние слова Дэдлайна. Неужели в них был смысл?

— Что? — переспросил его мужчина.

— Пакман. Вирус. Из-за него сеть в дауне. Вы видели Пакмана?

Что-то большое упало у него в квартире.

Мужчина обвел их сумасшедшим взглядом и закричал срывающимся голосом:

— У вас есть телефон или нет?!

— Нет, — сказала Инфинити. — То есть да, есть, конечно, но он тоже не работает.

— Что же мне делать?! — всплеснул руками мужчина — Ей нужна помощь! Срочно!

— Насчет вашей жены, — Зиро старался, чтобы его голос звучал успокаивающе, — Будет лучше, если вы ее свяжете.

— Связать?! — Мужчина с ужасом посмотрел на Зиро.

Дальнейшее произошло так быстро, что ни Зиро, ни Инфинити не успели ничего сделать. Звон разбитого стекла. Внезапно за спиной мужчины появилась женщина в белой ночной рубашке, ее глаза закрыты, длинные черные волосы распущены, а руки в кровавых порезах. Она бросилась на своего мужа, обхватила руками его грудь и вцепилась зубами в шею. Мужчина заорал диким криком, и, пытаясь ее сбросить, оторвал от земли. Жена у него была женщина крупная, мужчину повело под ее весом к лестнице, он споткнулся на ступеньке и они кубарем скатились через пролет, размашисто влетев в стену напоследок. Женщина выпустила своего мужа из объятий. Его голова была повернута набок под неприятным углом, он сломал себе шею. Женщина тоже лежала без движения, голова вся в крови. Либо в глубокой отключке, либо тоже мертва.

— Вот дерьмище, — ошарашено произнес Зиро, смотря на разбитые очки, валяющиеся на полу, мощенном серой плиткой.

Двери квартиры напротив медленно отворилась, и на лестничную площадку вышел волосатый мужик в одних трусах. Мужик спал. Зомби обвел их, этим, своим невидящим взглядом, и, выставив руки, пошел на перехват. Зиро схватился, было, за рукоять Меча, но понял, что здесь слишком тесно и ему не размахнуться. Инфинити резво отскочила ему за спину, и забежала в квартиру 58. Зиро последовал за ней и закрыл дверь. Досчитал про себя до пяти и со всей силы ударил в дверь ногой. Тяжелая железная дверь резко распахнулась, и лунатик упал с разбитой головой.

Замки щелкнули почти одновременно на всех этажах. Двери

распахнулись. Звук приближающихся шагов. Зиро свесился через перила и посмотрел вниз. Сомнамбулы вышли из своих квартир и поднимались вверх по лестнице.

Зиро обнажил Меч, выставил клинок вперед, как копье, и рванул наверх. На восьмом этаже стояла толстая старуха с распушенными седыми волосами, она блокировала проход, расставив руки. Зиро сомневался лишь мгновение, затем резко выбросил руку, и молниеносным уколом пронзил ей горло. Вырвал Меч и ударом ноги отбросил труп назад. Звук шагов сверху, Инфинити глянула вверх через перила, и выстрелила. Тело скатилось вниз по ступеням. Зиро перепрыгнул через него и взлетел на последний этаж. Одна дверь открыта настежь, еще одна медленно открывалась. Зиро в два прыжка миновал еще один лестничный пролет, и оказался перед дверью, ведущей на крышу дома. Дверь была хоть и закрыта, но хлипкая, и Зиро с третьего удара вынес ее плечом. Инфинити следовал за ним как тень. Они выскочили на крышу. Зиро осмотрелся — дома здесь стояли плотно, и до ближайшей крыши было всего пару метров.

— Туда! — махнул Зиро и с разбегу перемахнул через пустоту. Не говоря ни слова, Инфинити последовала за ним, — она приземлилась, на немного пружинящую, залитую гудроном поверхность, так изящно, как гимнастка, закончившая выступление.

Едва они успели перевести дух, как на крыше, один за другим, стали появляться зомби из подъезда. Многие из них были в пижамах, ночных рубашках, двое мужчина и женщина, абсолютно голые. Сомнамбулы, выставив руки, брели к краю крыши, по кратчайшему к ним вектору. Инфинити взялась за тетиву, но Зиро жестом остановил ее.

Первый лунатик подошел краю крыши.

Зиро напрягся: неужели прыгнет? Но лунатик, не меняя темпа, сделал шаг в пустоту и камнем рухнул вниз. Его судьбу разделили остальные — застыв, Зиро и Инфинити, смотрели как сомнамбулы, не переставая улыбаться, один за другим падают в пропасть.

— Они как лемминги. Безмозглые долбанные лемминги, — прошептал Зиро.

Крыша опустела.

Зиро тянуло подойти к тому краю и посмотреть вниз. Но он остановил себя. Той картины, что нарисовало его воображение, было вполне достаточно.

— Боже мой, какой кошмар, — устало сказала Инфинити. — Меня сейчас вырвет.

Она, обходя металлические кусты антенн, медленно

побрела к противоположному краю крыши, тому, что выходила на главную улицу. Осторожно выглянула вниз. Обернулась, и на ее лице Зиро прочитал полнейшее смятение.

Зиро подошел к ней и вот что увидел: улица под ними была запружена сомнамбулами. Сонное море выплеснулось с площади и теперь медленно разливалось по улицам. Было темно, фонари почему-то горели в пол накала, и толпа зомби виделась единой темной шевелящейся массой, присыпанной суетно мигающими огоньками. светодиодов. Над их головами, совсем невысоко, сновали дроны.

Невдалеке торчал комплекс недавно построенных офисных многоэтажек; бок одной из них превратили в медиафасад, и на телеэкране, на всю высоту здания, горел огромный Пакман. Пакман был везде, на растяжках из телекса, на телебилбордах по обочине шоссе, на головывесках магазинов, он был на каждом мониторе, выставленном в витрину электронного мегамолла — все, что могло показывать компьютерную графику, теперь показывало Пакмана. Казалось, город заболел, все его тело побило желтой сыпью.

— Нежели мы одни нормальные остались? — Инфинити, не отрываясь, смотрела на кишащую толпу.

Они подошли к другому краю крыши. Те, что загнали их в подъезд, расходились, они цепочкой выходили на главную улицу и смешивались с толпой. Двери всех подъездов были открыты, из них выходили спящие люди. Этих новых легко было опознать — они были одеты по-домашнему, если вообще одеты. Босые, большей частью.

Инфинити присела на парапет, и с мрачным видом уставилась в сторону Иглы, нервно теребя пояс. Зиро только сейчас заметил на нем гирлянду из лав-пейджеров. Ни фига за ней хвост, подумал он.

Инфинити, поджав губы, буравила взглядом Иглу.

— Они должны что-то сделать!

Словно в ответ на ее мольбу, они увидели, как со стороны антенного острова в город летит черная тень, мигающая воздушными маяками. Вертолет стремительно приближался, черная грациозная махина кружила над центром города, на небольшой высоте, почти касаясь брюхом крыш. Штурмовой вертолет Ка-50, убийца танков, известный под кличкой Черная Акула. Несколько этих гениальных машин остались Воркуйску в наследство после развала Союза; собственно, эти вертолеты и составляли все воркуйские ВВС. Один раз «Акула» прошла совсем близко от них, так что в них ударила плотная воздушная волна от ее двухосного винта, и можно было разглядеть богатый

ассортимент орудий уничтожения, висевших на пилонах.

Воспрявшая духом Инфинити металась по крыше и махала вертолету руками.

Зиро, хоть и тоже обрадовался, был более сдержан в проявлении эмоций.

— Проснулись, красавцы, — лишь пробурчал он и чуть не прикусил себе язык осознав, что «проснулись» теперь *не то* слово.

Вертолет описал еще несколько кругов над площадью, резко развернулся, и полетел в сторону промсектора.

Почти вслед за этим они услышали рев мощных моторов. К перекрестку подъехали три крытых армейских грузовика и пару джипов. Из кузовов грузовиков, как горох, посыпались бойцы в шлемах и черной броне, с прозрачными щитами наперевес. Грузовики перегородили выход на перекресток, на их крышах зажглись мощные прожектора, лучи слепящего света вонзились в толпу. Силы правопорядка молниеносно построились в цепь, сомкнув щиты.

Прогремел голос:

— Решением Информационного Комитета в городе объявлено чрезвычайное положение! Приказываю всем разойтись! В противном случае будут применены методы силового воздействия!

Команды отдавал человек в камуфляже, он стоял в открытом армейском джипе. Правая рука его была металлическая, командир был вооружен боевым экзоскелетом типа Молот, усиливающим силу удара в сотни раз. В другой руке он держал мегафон.

На зомби его угрозы произвели обратный эффект. Они почуяли цель и двинулись в сторону милиции.

Командир еще раз поднес мегафон ко рту.

— Повторяю последний раз! Очистить улицу! — Человек-Молот выждал некоторое время, упершись взглядом в толпу, и начал отдавать неслышные отсюда приказы.

Милиция начала забрасывать толпу грантами со слезоточивым газом. Гранаты, оставляя длинные дымные хвосты, взлетали в воздух: по улице расползались белесые клубы едкого тумана.

— Есть чем лицо укрыть? — Спросил Зиро, заматывая лицо воротником куртки.

Инфинити открыла сумочку, достала шейный платок, и закрыла лицо, так что от него остались лишь одни ее большие глазищи. Но сомнамбулам было плевать на газ. Никакого видимого действия он на них не оказал. Они продолжали движение в прежнем темпе и ритме — неуклонно, неутомимо,

неотвратимо.

Газовые гранаты больше не летели в толпу.

Человек-Молот взмахнул металлическим кулаком, он вдруг ярко блеснул в темноте.

Менты, плотной цепью, выставив щиты наружу, в два ряда двинулись навстречу толпе. Они ритмично молотили дубинками по щитам — традиционный прием устрашения.

Когда до соприкосновения двух волн основалось несколько десятков метров, боевой порядок милиции рассыпался, словно вдребезги разбитое стекло. Около половины бойцов замерли на месте, щиты и дубинки выпали их из рук. А потом они и сами осели на мостовую, медленно, почти картинно, словно у них постепенно отказывали ноги. Оставшиеся повели себя стандартно: сначала удивление, граничащее с полным остолбенением, потом бросились к лежащим на земле товарищам и стали их тормошить. Те стали подниматься на ноги, быстрее, чем, тогда, на площади. Руки их были вытянуты перед собой. Со стороны казалось, что менты вдруг полезли обниматься друг с другом. Но Зиро знал цену этим объятиям.

Началась свалка.

— Не поняла, — Инфинити замотала головой, — Они, что, тоже заснули и стали зомби? Просто оттого, что подошли к ним близко? Как так? Это что? Как-то заразно?

Зиро молча наблюдал за происходящим. Если она права дела совсем плохи, думал он.

— Назад! Всем отступить! — проревел Человек-Молот.

Бодрствующие кое-как сбрасывали с себя спящих, используя щиты и дубинки; они по одному и небольшими группами, бегом отступали к грузовикам, превращаясь в свете прожекторов в абстрактные черные силуэты, отбрасывающие нереально длинные узкие тени.

Заснувшие бойцы не преследовали их, они спокойно стояли на месте, провожая невидящими взглядами.

Менты были явно ошеломлены. Кто-то потрясенно застыл на месте, бессильно опустив щит, кто-то наоборот суетился и кричал, обильно жестикулируя. Командир метался между своих подчиненных и пытался привести их в чувство. Судя по всему, слова плохо действовали, поэтому Человек-Молот схватил за грудки одного из паникеров механической клешней, поднял его вверх на вытянутой руке и пару раз сильно встряхнул. Это подействовало.

Милиция медленно и неуверенно начала построение. От их былой слаженности не осталось и следа.

Толпа сомнамбул подхватила заснувших спецназовцев, и

понесла вперед, и теперь фигуры, закованные в броню, двигались в ее авангарде.

Первый ряд прикрывал своих товарищей щитами, а те, что за ними ощетинились тупыми рылами пятизарядных полицейских тазеров-ганов. Милицейская версия лазерного шоу: лазер впивается в толпу — падающее в судорогах тело. Те, что сзади шли прямо по ним. Совершенно спокойно, безучастно, они давили друг друга, не сбавляя темпа движения.

Среди оборонявшихся опять возникла заминка, а потом они начали стрелять — злой треск очередей в клочья рвал тишину. Оружие их было заряжено резиновыми пулями, очереди косили нападавших, но те из них, кому повезло не быть раздавленным, вновь поднимались на ноги. Сомнамбулы приближалась, милиции не удавалось даже сколько-нибудь их затормозить. Бойцы начали отступать за грузовики, и тут Зиро увидел, что им в тыл заходит еще один отряд зомби, и эта новая, появившаяся из ниоткуда, сомнамбулическая волна, не уступала по численности предыдущей. Лунатики брали ментов в клещи.

Опять начался хаос. Бойцы забыли о дисциплине, они просто стреляли во все стороны, мешая друг другу. А потом, один за другим, стали падать. Постепенно выстрелы стихли и два потока лунатиков соединились, поглотив очаг сопротивления. Человек-Молот куда пропал, Зиро потерял его из виду, когда началась свалка.

Внезапно силы покинули Зиро. Бессильно опустив руки, он смотрел на Меч в бурых пятнах подсохшей крови.

Надеяться больше не на кого.

014: Бойня N8

Улица опустела. После схватки с милицией, зомби разделись на перекрестке на три потока, и побрели в глубь города. Бессильно светя фарами, стояли покинутые военные грузовики. Ветер разогнал клубы газа, словно сдернул белое полотнище, обнажив лежащие на асфальте покалеченные тела. После стрельбы казалось, что стало тихо, но то было обманчивое впечатление, в городе что-то происходило. Что-то плохое. Из разных мест до них долетали то отзвуки выстрелов, то вой сирен, то какой-то металлический скрежет. Несколько раз что-то грохнуло. Над городом, то тут, то там поднимались черные столбы дыма. Горизонт залило дрожащим мертвенно-зеленым заревом, болото сегодня светилось ярче обычного.

На наручных часах Зиро было 00:12.

Он курил и старался собраться с мыслями.

Надо было что-то решать.

Инфинити сидела рядом, так близко, что Зиро чувствовал тепло ее тела. Она вынула обойму из рогатки.

— Всего три шарика осталось, — объявила она.

— Плохо.

— У меня еще есть в машине.

— Машина далеко?

— Да нет. Через пару дворов.

— Ты здорово стреляешь, — сказал Зиро после паузы, рассматривая рогатку. — Со стороны, кажется, что ты вообще не целишься. А попадаешь. Никогда не видел такого.

Улыбка медленно расцвела на лице Инфинити.

— А я и не целюсь. Если я начинаю целиться, я мажу. Это главный закон: хочешь попасть — прекращай целиться. Я с разворота могу сбить монету на лету. Хочешь, покажу?

— Я верю, — улыбнулся Зиро. — Побереги шарики.

Зоя спряталась под руку Инфинити и ее улыбка увяла.

— Мама… — сказала она, смотря себе под ноги. — Что с ней? Я все время об этом думаю. Мы как-то так поговорили в последний раз…. Я была зла на нее…. А теперь… Я как подумаю…. Ох, — она передернула плечами.

А Пипетка, подумал Зиро. С что с ним? А все остальные? Те, кого он знал? Те, кто ему не безразличен? Что теперь? Еще совсем недавно ему казалось, что ничего хуже с ним случиться не может. А вот, гляди-ка… Поглощение более тяжким менее тяжкого.

И вы будете удивлены масштабом тяжкого.

— Они вроде все ушли, — сказала Инфинити — Я думаю,

нам надо спускаться. Сначала надо добраться до моей машины. А потом я должна узнать, что с мамой.

— А где она живет?

— На Второй Аккумуляторной.

— Это, которая, в промсекторе? Там, где Битый Кластер?

— Да, он там рядом.

Зиро решительно поднялся на ноги.

— Хорошо. Пошли

Осторожно, старясь не шуметь, они спускались вниз по лестнице. Двери большинства квартир были открыты настежь, Зиро против воли заглядывал туда, он словно заглядывал в чужие жизни. В чужие, брошенные жизни. Они все бросили. Все бросили и ушли.

Зиро осторожно приоткрыл подъездную дверь и выглянул во двор. Пусто, если не считать нескольких лягушек.

На углу дома стоял городской сетевой терминал — железная вандалоустойчивая тумба с сенсорным экраном. Насколько знал Зиро, все общественные терминалы были связаны своей субсетью на проводах, сделано это было на случай чрезвычайных ситуаций — терминалы должны были работать даже в случае отказа всей городской Сети. Так может, хоть она устояла? Зиро подошел к терминалу. Но на его экране был Пакман.

— Как же ты достал! — Зиро с досады, ударил кулаком по экрану, прямо в эту желтую самодовольную рожу. Неожиданно экран моргнул, Пакман пропал, и терминал вышел в основное меню, пропустив при этом окно для ввода логина. Зиро хмыкнул, надо же, повезло, и быстро-быстро застучал по клавишам. Он хотел найти Аи, она могла успеть записать то, что случилось на площади. Зиро нажал секретную комбинацию клавиш, и вошел в системную консоль, пустое черное окно с мигающим курсором. Одну за одной он лупил команды, ввел числовой адрес сервера, где лежал код Аи, задержка, коннект, пусто: директория Аи опустела — исчезло все дерево каталогов, от его Тени не осталось ни единого файла. Зиро, не особо, веря в успех, открыл окно с поисковиком, ввел туда сигнатуру кода Аи, и запустил поиск. Есть небольшой шанс, что ее код просто по каким-то причинам перелили в другое место. Пока шел поиск, Зиро переключился на карту города. Включил общий план в реальном времени, отключил все маркеры и текстуры, так что от трехмерной модели города осталась лишь плоская карта, и отвел виртуальную камеру подальше. В таком режиме, люди, находившиеся на улицах, отображались на карте зелеными точками. Зиро торопливо скролировал карту туда-сюда, осматривая примыкавшие к

площади Революции районы. Зомби шли во все стороны сразу, зеленой рекой растекаясь по карте. Возле домов, мимо которых они проходили, появлялись новые зеленые пиксели — люди выходили из домов и сливались с толпой. Все зеленые точки двигались с примерно равной скоростью, и в этом движении чудился какой-то неявный ритм. Часть точек вдруг замирала, другая продолжала движение, потом они менялись местами, словно волны проходили. Но может всему виной, была задержка сервера, обновлявшего данные. Зиро бегло проверил ближайшие к ним улицы. Кое-где мелькали зеленые точки, но в целом чисто — зомби, раздавившие милицию, ушли на два квартала вперед. Зиро снял телефонную трубку, и набрал мобильный Пипетки. Ничего. Даже гудка нет.

— Дай я маме наберу, — попросила Инфинити.

— Сота лежит.

— А если на домашний?

Зиро пожал плечами и пропустил ее к экрану.

Инфинити прижала трубку к уху, отстучала на кейпаде номер и начала напряженно вслушиваться, поджав губы. Ее лоб пропахали несколько морщинок.

— Ну?

— Какой-то странный звук, послушай, — Инфинити протянула трубку Зиро.

Гудков не было. Сквозь спорадический треск и какие-то аналоговые шумы, где-то, очень далеко, слышалось какое-то ритмичное тарахтение, похожее на металлическое чавканье. Звук был знакомый. И Зиро вспомнил.

— Пака-пака.

— Чего?

— Тот звук, с которым Пакман жрет точки в игре. Помнишь?

Инфинити вновь прижала трубку к уху.

— Действительно. Надо же, какой крутой вирус. Со спецэффектами. Я и не знала, что такие бывают.

Зиро сморщился.

— Не ты одна.

Он переключился в окно с поиском, и увидел то, во что отказывался верить: ни одного совпадения с запросом. Поиск завершен. Все. Сайонара, Аи.

Зиро прислонился лбом к холодному стеклу экрана и прошептал:

— Прощай, девочка моя. Спасибо тебе за все.

Он опять положил руки на клавиатуру. Надо признать, он отвык от этого, во всем полагаясь на свою Тень. Все, кончилась

халява. Теперь все сам, как в старые-недобрые времена. Зиро вернулся в окно с картой города, вернул ей первоначальный вид, и вышел по метке «ночные клубы» на Битый Кластер. Там он переключился на реал-тайм обзор вэб-камеры, она висела как раз напротив клуба. Людей в поле зрения не было, только несколько мигалок прыгали по улице и из-за низкой частоты кадров, казалось, что по улице рваными скачками перемещаются размазанные зеленые пятна. Болотная, мать ее, светоживопись. В окнах танцевали яркие вспышки света, было ясно, что в клубе ревет музыка: картинка слегка подрагивала от вибрации мощных басов.

— Надо же. Отжигают, как ни в чем не бывало, — удивленно сказала Инфинити, — Зачем тебе «Кластер»?

— У меня там друг. Он музыкант, сейчас как раз должен выступать. Группа Хеллблендер. Может, слышала?

— Не-а. Я местную музыку как-то не очень…

Зиро перескочил на сайт клуба, он намеревался включиться в прямую трансляцию концерта, но тут экран терминала подернуло рябью, и на экране вновь появился Пакман. Терминал завис, никак не реагируя на ввод.

Зиро еще раз двинул в рожу Пакману, но второй раз это не сработало. Что, в общем-то, было вполне естественно. Он положил ладонь на корпус, туда, где спрятаны кремниевые потроха терминала. Горячо. Процы, похоже, херачат по полной. Что эта желтая глотка делает с компами?

— Пошли, пошли, — Инфинити потянула Зиро за рукав, оттягивая от компьютера.

Они вышли на улицу Радиоразведчиков, небольшую узкую улочку, по обеим сторонам жилые дома, на первых этажах которых россыпь разных магазинчиков. Зомби здесь были, — на дороги валялись мелкие личные вещи: мобильник, раздавленная косметичка, ключи, кроссовок…

Инфинити шагала впереди. Зиро, держа руку на рукояти катаны, внимательно поглядывал по сторонам.

Они проходили мимо небольшой аптеки, когда услышали выстрел. Стреляли внутри. Переглянувшись, они замерли. В дверях аптеки проявилась черная фигура, с белым пакетиком в руках. Военный, в шлеме и черной броне. Он увидел их, выронил пакет, и резко припав на колено, прицелился из карабина. Красная метка смерти скользнула по груди Зиро.

— Эй! — Инфинити замахала руками. — Не стреляй! Мы свои!

Солдат опустил ствол.

— Нормальные, что ли? — Он поднялся, подхватил свой

пакет и подошел к ним. Это был рядовой, высокий молодой человек, забрало его шлема было поднято, обнажая худое лицо, с мелкими чертами лица. Водянистые, близко посаженные глаза, внимательно обшарили Зиро и Инфинити, задержавшись ненадолго на Мече.

— Бля, — сказал он, закидывая карабин за спину, — а я уж думал только мы втроем не спим в этом городе.

— Что случилось? Почему все это? — Сбивчиво заговорила Инфинити, размахивая руками от избытка чувств.

— Что случилось… — повторил за ней солдат. — А я ебу, птичка, что случилась? Пиздец какой-то сложносочиненный случился. Все что я могу тебе сказать.

— Ну вы же власть! Вы же за все отвечаете! — глаза Инфинити горели праведным гневом.

— Власть… — Солдат хмыкнул и косо взглянул на Иглу. — Власть, походу, обосралась, птичка. Теперь каждый сам за себя.

В этот момент из темного переулка, появился лунатик. Этот, из новых, босой, в пижаме. Он повернул голову и пошел к ним.

Солдат выматерился в полголоса, и пошел ему на встречу. Когда их разделяло всего несколько шагов, он резко вскинул оружие, приблизил дуло почти ко лбу и прострелил ему голову.

— Вот сука, — Сказал солдат, глядя на труп. — Были бы нормальные пули, совсем бы другой разговор был. Нам же резиновые выдали. Весь боекомплект. Причем, сука, резиновые облегченные. Мы ж должны чтоб, сука, все нежно было. У нас же, блять, демократия. А этим ебанатам похуй резиновые пули. Им вообще все похуй. Выродки.

— Это вы были там? — Зиро махнул в сторону улицы Заболоцкого.

— Ну. Мы сначала патрулировали промсектор, типа ментам помогали. Стандартная байда. Потом, хуяк, тревога, все в ружье. Сказали, что, типа, в центре беспорядки, по случаю отрицания Дня Победы. А по дороге, бля, на всех Пакман напал, — он хлопнул ладонью по своему черному, набитому электроникой титановому шлему. — Нихуя теперь не работает. Ни связи, ни координат. А потом вся эта поебень началась. Я такого, бля, дерьма даже представить себе не мог. Как подошли к ним, пацаны начали зевать и все, пиздец. Как переродились. Они же жрут нормальных! Блять, только мы втроем и остались, я, Вентиль и Яков. Ох, сука, ели съебались… — Он, видимо, что-то вспомнил и непроизвольно встряхнул головой. — Не, ну нах. Ебал я в рот такую службу, — и он смачно сплюнул.

Раздался глухой удар, и земля ощутимо ударила Зиро в

ступни. Казалось, мир слегка покачнулся. Неужели, землетрясение?! — промелькнуло у него в голове.

— Бля, — сказал солдат. — Якову совсем херово.

Он торопливо подхватил свой пакетик, в котором, как сейчас увидел Зиро, были какие-то лекарства.

— Внимание, внимание! — сказал ровный женский голос из громкоговорителя на ближайшем столбе, — Департамент Экологического Контроля предупреждает о начале сезонной миграций лягушек. Уровень экологической опасности повышен до красного. Службы ДЭК незамедлительно приступают к санобработке улиц. Убедительно просим горожан воздержаться от передвижения по городу. Помните, во время миграции лягушек вероятность дорожно-транспортных происшествий и уличного травматизма повышается более чем в десять раз. Так же, просим обеспечивать свободный подъезд бригад деануризации во все дворы. Карта миграции, в реальном времени, доступна на сайте Департамента Экологического Контроля. Спасибо за внимание. Внимание, внимание! Департамент Экологического Контроля…. - запись пошла на второй круг.

Скорее всего, сработала автоматика, следящая за активностью лягушек.

Зиро хотел выругаться, но солдат его опередил,

— Блять, нашли время! Только вас сейчас не хватало! — Коротко и емко озвучил он общее мнение.

— Что-то рано в этом году, — сказала Инфинити.

— Может оттого, что весна ранняя? — предположил Зиро.

— Да, блять, давить их сук надо — сказал солдат. — Вы куда, кстати, такие красивые?

— Туда. — Инфинити махнула в конец улицы. — Машину забрать

— И я туда, — сказал солдат. — Свалить решили? Правильно. Мы тоже. Хотели взять тачку и к Южному Терминалу. Но тут, блять, у Якова нервный срыв случился.

Инфинити отрицательно помотала головой.

— Нет, нет. Мы не бежим. Мы же не можем просто так все бросить!

— Как хочешь, птичка, — ухмыльнулся солдат. По нему было видно, что он все решил.

Громкоговорители продолжали стращать лягушками. Зиро это совсем не нравилось. Ему не нравилось и сама новость, и то, что объявление может приманить зомби.

— Так что, ты совсем ничего не знаешь? Это же все явно не просто так. — Спросил Зиро у солдата. Они шли рядом.

— Ну… — боец поскреб щетину. — Вентиль слышал про

какую-то ебучую презентацию.

— Презентацию? — переспросил Зиро. — Кому? Что?

— Да хуй его знает! Мы то чё? Рядовой состав. У нас же, ебенамать, кругом секреты. Даже у Якова не было допуска. Но жопой чую, это как-то с этими долбанными москвичами связано. Какого хера они в Воркуйск приперлись? Бля, комитетчики их только что в жопу не целовали. Ненавижу, — он сплюнул.

— Москвичи, говоришь…. — Задумчиво проговорил Зиро.

— Да какая разница теперь! — Солдат передернул плечами, защищенными массивными наплечниками. — Давно понятно было, что все это каким-нибудь таким гавном и закончится. Довыебывались мы тут, ребятки. Нет, надо валить! Валить, пока целы!

Они дошли до конца улицы, свернули налево и вышли на магистральное шестиполосное шоссе. В центре автомобильное движение по случаю народных гуляний было перекрыто, и все те, кто с этой стороны приехал в центр, просто побросали здесь свои машины, устроив стихийную стоянку. Автомобили стояли очень плотно, как все эти люди собирались потом разъезжаться, было совершенно не понятно. Свихнувшиеся светофоры истерично перемигивались друг с другом. Вместо всех голознаков над шоссе, теперь был Пакман. Похоже, он сожрал и систему трафик-контроля.

— И где тут твоя машина? — Сказал Зиро

— Эээ… — Инфинити достала пульт сигнализации. Ее машина сдавлено пискнула где-то в середине автомесива.

— Да, не парься, птичка. Возьми любую. Власть не возражает, — солдат мрачно ухмыльнулся. — Накупили, суки, вёдер, не протолкнуться, — Пробурчал он себе под нос, и свернул на тротуар. Инфинити вертела головой, высматривая свою машину.

Из машин выскочил еще один солдат с оружием наготове.

— Вентиль, не стреляй! — Гаркнул их спутник. — Они нормальные!

— Так, значит, не все спят? — подойдя, сказал Вентиль удивленно.

Он был ниже своего товарища, у него было круглое лицо и нос картошкой.

— Колеса достал?

— Достал, достал.

Снова глухой удар в землю, на этот раз совсем рядом. Все они подпрыгнули на месте, вместе со стоящими рядом машинами.

— Скорее, чувак, — обеспокоено сказал Вентиль. — Яков

сейчас здесь все нахуй разнесет!

За большим синим джипом, который наполовину заехал на тротуар, они увидели Якова. Яков сидел на нижней ступеньке крыльца, ведущий в небольшой бутик эксклюзивного (как было заявлено на витрине) женского белья.

Тот самый Человек-Молот.

Это был высокий, здоровенный мужик, просто гора мяса в камуфляже, неимоверно широкий в плечах, с массивной головой, квадратной челюстью и густыми черными усами. Лихо сдвинутый на бок краповый берет, прочно, как приклеенный, сидел на его почти голом черепе. Над правым глазом Якова висел военный врд-интерфейс, проецирующий лазером картинку непосредственно в сетчатку. Правую руку целиком скрывала боевая часть экзоскелета. Между сочленениями Молота, превращающими руку в членистую лапку насекомого, просматривалось густое переплетение проводов и металлических стержней. От железной руки отходили металлические направляющие, уходившие в силовую часть установки, в ранце, за спиной. В левой, человеческой руке, Яков сжимал золотой православный крестик, висевший на шнурке на его бычьей шее.

Яков даже не повернул головы в их сторону. Рядом с ним, в асфальте, зияло несколько глубоких дыр и стало ясно, кто устроил недавнее землетрясение.

Инфинити высмотрела, наконец, свою машину.

— Я сейчас, — сказала она.

— Не задерживайся, — попросил Зиро.

Инфинити кивнула и свернула с тротуара.

— Они вернулись за мной, — медленно произнес Человек-Молот. — Я думал они ушли навсегда. Я молился. Много молился. Но они все равно вернулись. Я проклят. — Говоря, он медленно раскачивался из стороны в сторону.

— Ёпт, командир. Успокойся, Христа ради. Это я, бля, Отвертка. Узнаешь? — Отвертка осторожно присел на корточки рядом с командиром. — Это просто стресс. Бывает. Сейчас выпьем таблеточку, и все пройдет.

Отвертка вывалил на землю содержимое пакета, начал рыться в груде медикаментов.

Яков, не обращая на него внимания, вновь заговорил.

— Прямо из училища. На войну. В Афган. Боже, что я знал тогда, мальчишка? Разве я мог себе все это представить? Духи напали на наш караван. Засада в горах. Всех убили. Машины сожгли. Мы нашли их базу. Маленький кишлак в горах. Отутюжили вакуумными бомбами и вертушками. Потом зачистка. Мы окружили их. У них не было ни единого шанса. Но они не

сдавались. Они дрались, как сумасшедшие. Они шли на наши пулеметы в полный рост. И улыбались. Улыбались как эти! — вдруг закричал он. — Так же улыбались! — и он несколько раз истово перекрестился Молотом.

— А в кишлаке был бункер. Склад американского оружия. Бетонная дыра. Лестница вниз. Лестница в ад! Там, внизу, жил дьявол! В этих баллонах, он жил в этих синих баллонах! «Агент Базз», так они его звали. Те, что были в бункере, взорвали себя. И дьявол пришел за нами. Демоны вышли из стен, они сожрали наши души! — Яков обхватил голову руками. Его трясло. — Мы убили всех. Всех, кто мог дышать. Резали. Жгли огнеметами. А когда никого не остались, стали убивать друг друга. Красный песок. Кровь. Везде кровь… — Речь его превратилась в нечленораздельное мычание

— Ходили слухи, что Якова в Афгане какой-то дрянью траванули, — сказал Вентиль. — Газ какой-то, типа ЛСД в аэрозоле, шахиды таким долбятся, когда идут на дело. Говорили, что он потом в психушке лежал. Я, правда, думал, все это пиздеж. Всегда такой адекватный мужик был, кто бы мог подумать… Афганский синдром, хуле.

— Таблеточку, командир! — бодро сказал Отвертка, призывно встряхивая пластиковой баночкой с Валиумом. — И все пройдет! — он высыпал несколько таблеток себе на ладонь и сунул под нос Якову.

Яков отпрянул, и резко махнул Молотом в опасной близости от Отверткиного лица. Отвертка испуганно плюхнулся на задницу и рассыпал таблетки по асфальту.

— Аккуратней, браза, — обеспокоено сказал Вентиль, — Сейчас как переебет, мокрого места не останется!

— Спасибо, что предупредил, — процедил сквозь зубы Отвертка. — Командир — раздраженно сказал он. — Соберись, нах! Нет никаких демонов! Ну, улыбались… Ну и чё? Мало ли кто улыбается. — Он выдавил из себя улыбку. — Видишь? Я же не демон после этого! Это просто толпа ебанных в голову психов! И они нас порвут нахуй, если мы тут будем херней страдать! Очнись, ёпт! Это не Афган! Это Воркуйск! Трижды в горло долбанный Воркуйск-8! Надо бежать!

Инфинити возвращалась, лавируя между машин.

— Нашла? — спросил Зиро, когда она подошла

— Да все ОК. — Она расстегнула сумочку, и продемонстрировала Зиро объемистый пакет крупной дроби. Сверху пакета лежала жестяная коробочка из-под конфет. — Но выехать, конечно, нереально. А что с ним? — вполголоса спросила она, с опаской разглядывая Якова.

— Башню оторвало, — тихо отозвался Зиро. — Афганский синдром.

— Ну ладно, — сказал Отвертка. — Он отыскал в лекарствах упаковку ампул и шприц.

— Феназепам?

— Пойдет, — кивнул Вентиль.

— Один кубик или два?

Вентиль смерил Якова взглядом.

— Три. Смотри, какой конь!

В витрине магазина стоял манекен в «самых соблазнительных моделях сезона», поразительно похожий на Инфинити и в голове Зиро, против его воли, промелькнуло несколько XXX-сцен с ее участием. Роботизированный манекен почувствовал его взгляд, повернул к нему голову и улыбнулся. Гадкий рекламный трюк.

Отвертка разбил ампулу и приглушенно выматерился. Сломал еще одну, и начал наполнять шприц. Над улицей медленно, держа строй, проплыли три ЛПК. Зиро проводил дронов взглядом.

— А дроны? — спросил он у Вентиля.

— Что — дроны?

— Я к тому, что если вся сеть наебнулась, почему дроны летают?

— Хмм. Я об этом не подумал. Хуйня какая-то, — ответил Вентиль. — Аплинка на дронов нет. Вообще ни хера нет, только эта рожа. — Он опустил забрало шлема, и тень Пакмана легла на его лицо. — Черт! — Вдруг закричал он, глядя через плечо Зиро. — Они идут!

Зомби появились со всех сторон одновременно. Впереди, большая группа шла со стороны поворота на улицу Радиоразведчиков, другой отряд маршировал по магистральному шоссе. Они опять оказались в окружении.

— Быстрее, чувак! — Вентиль передернул затвор.

— Все из-за тебя, псих долбанный. Надо было тебя сразу бросить, нах! — Прошипел Отвертка и замахнулся шприцом. Он метил в левое плечо Якова. Но Яков, даже не смотря в его сторону, уверенно перехватил руку Отвертки неагментированной конечностью.

Отвертка охнул и выронил шприц. Он попытался высвободиться, но не мог даже сдвинуть руку Якова с места; он как в тиски попал, даже без Молота Яков был очень силен. Колоссальный бицепс горой вздулся на его руке, на левом предплечье Якова Зиро разглядел давнюю, выцветшую татуировку: эмблема советских ВДВ с подписью «Кандагар 1984».

Яков, не разжимая руки, медленно повернул голову к своему подчиненному:

— Рядовой, ты как с командиром разговариваешь? Совсем страх потерял?

— Прошу прощения, товарищ подполковник, — простонал Отвертка. На его лбу проступила испарина. — Больше не повторится!

Яков отбросил его, медленно поднялся на ноги и размял железную руку. В ранце взревела силовая установка, теплоотводящие трубки выпустили облачко белого пара.

— Убрать гражданских! Занять оборону! — гаркнул Человек-Молот.

— Есть! — нестройно отозвались Отвертка и Вентиль, со страхом взирающие на командира.

— Не возьмете, гады, — четко и ровно проговорил Яков и неожиданно обрушил Молот на капот ближайшей двухдверной «хонды». От страшного удара железного кулака машина перевернулась и грохнулась на крышу, брызнув в лицо осколками стекол. От переда «хонды» практически ничего не осталось. В воздухе запахло бензином.

— Ну все, — сказал Отвертка и попятился.

Яков резко сорвался с места, и почти бегом, напрямик, через ряды машины, помчался навстречу врагам. Он сметал все на своем пути, железным кулаком круша автомобили. С высоты это, наверное, выглядело как ударная волна от направленного взрыва, Яков расшвыривал многотонные махины так легко, что казалось, на самом деле они не настоящие, имитация из картона в натуральную величину. Безмолвное автомобильное стадо взорвалось воем растревоженных сигнализаций; истерике завывающих сирен аккомпанировал грохот ударов Молота, стон сминаемого металла, хлопки разбивающихся в пыль стекол, вся эта какофония разрушения оглушала. Человек-Молот надвигался на врага, и, казалось, ничего ни на этом, ни на том свете не могло его остановить. Это зрелище могло до икоты испугать любого. Любого, кто мог видеть. Но сомнамбулы с улыбкой спокойно шли навстречу своей гибели. Ударная волна в карповом берете дошла до края пробки, и Человек-Молот хлестким скользящим ударом швырнул в зомби черный хэджбэк. Автомобиль кувырком влетел в толпу, проделав широкую просеку. Яков вонзился в зомби как нож в масло. Первым ударом он, казалось, отбросил их всех на несколько метров назад. Через мгновение Яков исчез, растворился в сомнмбулическом месиве, видны были только последствия его ударов: он валил их рядами, перемалывал, крушил, рубил своей жуткой машиной. Из толпы высоко в небо

ракетой вылетали человеческие тела, и у одного из этих тел, это буквально вонзилось в матрицу памяти Зиро, ничего не было ниже пояса. Удар Молота разорвал его пополам.

За этот фланг можно было не беспокоится.

На другом все было значительно хуже. Зомби приближались. Вентиль начал стрелять, длинной очередью свалил первых, и они с Отверткой бросились в скопище машин. Замысел их был понятен: они стремились разделить нападавших — в промежутках между рядами машин и двум людям было не разойтись.

Зиро и Инфинити последовали за ними.

Зомби медленно растекались среди машин.

Солдаты работали профессионально, попеременно стреляя короткими, расчетливыми очередями. Они подпускали лунатиков как можно ближе, и потом расстреливали, метя в головы. Сомнамбулам не хватало ума лезть через машины, они, судя по всему, вообще не могли прыгать, бегать и лазить, они могли только ходить, и Отвертка с Вентилем этим пользовались — они прыгали по машинам, из ряда в ряд, постоянно меняли позицию, заманивая зомби в глубь автомесива, старясь разделить, запутать, разрезать нападавших на мелкие порции. Зиро и Инфинити держались на некотором отдалении от них. Временами Инфинити вскидывала Зойку, и кто-то из них падал. Зиро, с катаной наготове, был готов ее прикрыть, если кто-то подберется слишком близко.

Но они опять их переиграли. Как так вышло, Зиро не понял, но через некоторое время, оказалось, что зомби отрезали их от солдат. Они смогли окружить их, обойдя издали и теперь, набрав массу, расчетливо сдавливали кольцо. Как они делают? — в смятении подумал Зиро. Казалось, лунатики действуют на упреждение, предвидят их действия. Но как, как, если Зиро и сам не мог сказать, что будет делать в следующую секунду?! Солдаты бешено поливали огнем, наседавших врагов. Они держали дистанцию всего в несколько метров.

Зиро решил, пока не поздно, прорываться к солдатам. Он наметил путь, вскочил на капот, и приготовился к рывку.

И увидел, как резко спикировавший с неба черный дрон ужалил Отвертку красной нитью в спину. Отвертка упал и задергался в судорогах. Вентиль, проорал что-то злобно-нечленораздельное, расстрелял дрона, раскидал очередью насевших на друга лунатиков, и бросился на выручку. Но когда он подбежал к нему, один из раненых схватил его за ногу. Вентиль со всего размаху упал лицом в землю и выронил оружие.

Через мгновение на них обоих навались лунатики.

Зиро поднял голову — в небе был полно дронов. Откуда они взялись?

— Держи воздух! Черные с тазерами! Не подпускай их близко! — во всю глотку заорал Зиро, пытаясь переорать воющие сигнализации.

Инфинити запрыгнула на крышу машины. Двумя меткими выстрелами она распугала дронов, те свечкой взмыли высоко вверх, старясь держаться подальше от этой рыжей бестии с рогаткой.

Лунатики наседали, они теснили их туда, где продолжал ухать Молот. Инфинити ловко перепрыгивала с крыши на крышу, отстреливая лунатиков. Зиро прикрывал снизу, он бил через капоты, забирал по одному, в параллельном ряду, просто старясь свалить первого и таким образом создать давку, замедлить их движение. Худо-бедно это работало, но их было очень много, они постоянно прибывали, лезли со всех сторон.

— Перезарядка! — крикнула Инфинити, и, торопливо принялась нашпиговывать опустевшую обойму шариками.

Почти сразу же один из дронов упал с небес и пошел на таран. Зиро успел среагировать, вскочил на капот и рубанул летающего шпиона наотмашь. Меч неудачно зацепился за несущий винт, его вырвало из рук и отбросило довольно далеко, прямо под ноги приближающимся зомби. Поверженный дрон искрил и дергался, как сдыхающее насекомое. Сомнамбулы улыбаясь, наступали. Зиро бросился за Мечом, но не успел — его клинок уже потерялся в их ногах. Зиро ударил ближайшего ногой в живот, но это было все равно, что ударить в желе — они шли так плотно, что идущие сзади подержали собой первого.

Зиро попятился.

— В сторону!!! — страшно закричала Инфинити.

Зиро рефлекторно отпрыгнул назад и обернулся. Инфинити открыла коробку из-под леденцов и достала большой серебристый шарик. Вложила его в седло, и выстрелила. Сгусток огня пронзил насквозь всю линию надвигавшихся на Зиро зомби, все они мгновенно превратились в факелы, огонь охватил их с ног до головы. Ближайшая пылающая фигура сделала пару шагов по инерции и упала. Термит, сообразил Зиро. Она выстрелила термитом. Стрельба термитом — еще одно абсолютно запрещенное развлечение из детства. Брался военный термит, (термитовые запалы подходили идеально), и покрывался особым составом на основе белого фосфора. Фосфор загорался от трения о воздух, поджигал термит, превращая его в раскаленную в пару тысяч градусов соплю огня. Боже, она сумасшедшая, с нервным восторгом подумал Зиро. Носить с собой термит… Он вернул себе

Меч, хорошо никто из них не упал на него. Инфинити спрыгнула с крыши авто. В лице ее не было ни кровинки, оно превратилось в ледяную маску, она смотрела на тела, теряющие очертания в пламени, и огонь танцевал в ее глазах. Справа и сзади к ним пробежалась следующая порция упырей. Они опять методично их окружали. Трупы горели, чадя плотным черным дымом. Запах паленого мяса смешивался с запахом бензина, и….

— Ложись! — крикнул Зиро. Инфинити бросилась на землю. Зиро потянул шнур внизу куртки, и одним движением превратил ее в плащ. Он упал рядом с Инфинити и укрыл ее и себя термоустойчивой тканью.

Пары бензина детонировали; грохнуло со всех сторон сразу. По спине полоснуло жаром, от грохота заложило уши. Зиро лежал, упершись лбом в асфальт, зажмурив глаза. На своей щеке он чувствовал влажное дыхание девушки.

Когда немного стихло, Зиро поднялся на ноги и осмотрелся. Взрывом накрыло четверть стоянки. Горели машины, горела земля. Сомнамбул разметало взрывом, невдалеке маячили объятые пламенем силуэты. Они даже не чувствовали того, что они горят. Но к ним на подмогу шли все новые и новые. Черт, сколько же их?! Откуда они берутся? Взорвалась еще одна машина через три ряда от них. Пожар разрастался.

И они побежали, туда, в сторону фланга Якова. Все заволокло дымом, небо, землю, и только впереди, сквозь него пробивалось зеленое сияние. Они прыгали по машинам, Зиро широко размахивал Мечом, он впал в неистовство, почти не глядя рубил на скаку эту безмозглую лыбящуюся сволочь, которой не повезло оказаться на его пути.

Они выскочили к просеке, которую прорубил в пробке тяжелый кулак Якова. Искореженные машины горели.

Из густых клубов дыма навстречу им вышла массивная фигура.

И Зиро увидел демона.

Яков был с ног до головы в крови, даже не то, что в крови, он был в мясе, мелкие ошметки человеческой плоти прилипли к его одежде. Ветер дохнул в лицо Зиро, он ощутил соль на губах, и понял — это взбитая в мелкую взвесь кровь.

Яков вперился в Зиро тяжелым взглядом.

— Ты, — сказал он. — Все это из-за тебя. — Клочья пены висели на его губах

— Что? — растерялся Зиро. — Я? Яков, черт подери! Ты что, не помнишь нас?! Мы свои!

— Все из-за тебя! Ты демон! Ты должен умереть!

Инфинити, предчувствуя недоброе, запрыгнула на крышу

машины и взяла Якова на мушку.

— Яков, успокойся. Мы тебе не враги, — говорил Зиро, выставив вперед ладонь. — Мы заодно, командир!

Яков бросил взгляд на Инфинити и двинул в рыло ближайшему автомобилю. Машины по цепочке передали силу удара, и Инфинити упала с крыши.

И тогда демон с воплем бросился на Зиро.

Зиро смотрел на приближающуюся смерть, и внезапно на него вновь снизошло сатори. Он отдалился от мира, сделал шаг в сторону, мир превратился в картину за его спиной, фон, с приглушенными цветами. Дыхание Зиро успокоилось, время замедлило ход, взгляд его стал гораздо шире, и ни одна деталь не укрывалась от этого взгляда. В голове растаяли все мысли. Теперь его жизнь это четкая и ясная последовательность движений.

Яков яростно наступал, размахивая адской машиной, они были с ней едины, даже не понятно, кто на самом деле кем управляет: Молот человеком или человек Молотом. Враг двигался быстро, он разгонял себя экзоскелетом, с кривой ухмылкой, Яков надвигался на Зиро, толкая в него тачки, подвернувшиеся под руку. Зиро отступал к тротуару, где было больше пространства для маневра. Удар Человека-Молота невозможно было парировать: одно неверное движение и смерть. Зиро стал тенью, чтобы победить, необходимо было познать противника. Он повторял движения врага наоборот, пытаясь нащупать возможность удара. Зиро был травинкой на ветру, когда уклонялся от рассекающего воздух металлического кулака. Гибкой травинке не страшен даже самый лютый ураган. Зиро отступал, Яков почти прижал его к стене дома.

Человек-Молот победно взвыл, явно не сомневаясь, что сейчас сможет смешать Зиро с камнем.

Самонадеянность плохая подруга. Зиро не дрогнул. В последний момент он поднырнул под удар, и, перекатившись, отскочил Якову за спину. Яков разворотил стену. Из покореженных труб ударили плотные струи белого пара.

Если не можешь победить соперника обычным способом, придумай что-то другое. Преврати его силу в его слабость. Когда демон вновь атаковал, Зиро бросился ему под ноги. Человеку-Молоту трудно было управлять роботом внизу, он тянул его к земле. Яков ударил, но промазал и оставил еще одну дырку в земле. Инерцией его перебросило через голову, и он упал, ударившись затылком об асфальт. Берет сорвало с головы, он замер. Зиро в один прыжок подскочил к нему и ударил Мечом в сердце. Закаленная сотни лет назад сталь прошила грудную клетку насквозь, и попала в силовую установку экзоскелета. Там

что-то заклинило, металлическая рука с дикой скоростью замолотила по земле — Зиро едва успел отскочить. Молот бросал труп из стороны в сторону, трепал, как собака тряпку, бил об асфальт. Механистические судороги Молота превращали тело ветерана Афганистана в фарш.

Инфинити, прихрамывая, появилась среди машин. Вскинула Зою, и еще один дрон взорвался в воздухе, обрушившись с неба градом пластиковой требухи.

Сзади опять напирали зомби. Зеленое сияние впереди ширилось, вокруг стало ощутимо светлее. Они побежали на свет, и выбрались, наконец, из этой проклятой пробки.

И замерли, не в силах сделать и шага, скованные увиденным. Яков убил их всех. Всех, до единого. Истерзанные человеческие тела устилали землю далеко вперед. У Зиро встал дыбом каждый волосок на теле, в голове разом промелькнули картинки всех медиаужасов пропечатанных в сознании, но это было в невыразимое количество раз страшнее, потому что это было с ними, здесь и сейчас. Это не страница, которую можно пролистнуть. Не абзац, который можно пропустить.

Это был ад.

Кровь была везде. Она сочилась из растерзанных трупов и медленно стекала вниз по улице. Она заляпала стены домов. Останки машин. Столбы. Ни одного целого тела, все разорваны жутким роботом Якова. Размазанные по асфальту человеческие внутренности. Нога, оторванная у паха. Разбитая голова, вместе с куском позвоночника. А по трупам прыгали мигалки. Много тупых мигалок. Скользких болотных тварей измазанных в человеческой крови.

Инфинити вырвало.

Зиро обернулся. Из дыма входили зомби, их улыбки почернели от копоти. Они группировались, накапливая силы для последнего удара. На стоянке продолжали бухать взрывы.

Стрекот винтов над головой. Зиро обернулся и увидел зависшего в нескольких метрах черного дрона уже зажегшего красный глаз. Зиро даже не успел в голове сложить из слогов слово «прощай», как на тазерного дрона, как коршун, спикировал другой дрон, более ранней версии. Дроны упали, сцепившись винтами, они катались по земле, подпрыгивая, как дерущиеся воробьи.

Рвотные судороги Инфинити перешли в икоту.

Зиро потащил ее за собой, старясь как можно меньше ступать по останкам. Ноги его липли к кровавому асфальту, каждый их шаг сопровождался гадким хлюпаньем. Зиро и девушка медленно брели навстречу зеленому сиянию, широкой

рекой растекавшемуся впереди. И Зиро знал, что он сейчас увидит.

Громкоговорители не соврали — это была миграция. Те, первые мигалки, были разведчики, авангард, теперь подходила основная масса. Плотный поток скользкой плоти тек прямо на них, квакающая биомасса, которая, впрочем, передвигалась молча, только их влажные прыжки слились в одно влажное хлюпанье. Это случалось каждый год, в диапазоне от конца весны до средины лета, никто никогда не мог сказать точно когда — внутренний мир лягушек непостижим. Зачем-то в их жидкие мозги приходила идея перебраться на другой конец болота, и они перли напролом, через город. Это всегда парализовало движение в городе, дороги приходилось расчищать бульдозерами, но такой массовой миграции Зиро доселе не видел. Лягушки затопили всю улицу, они лезли друг другу по головам, это было сплошное многослойное лягушачье месиво, как будто это не множество отдельных особей, а единый организм, святящийся язык самого болота, которым оно хотело удушить город, почуяв, что он, наконец, дал слабину. Поток миграции дотек до ног Зиро и Инфинити и сомкнулся за ними. Зиро чувствовал через ткань джинсов их сырые холодные тела и волны омерзения проходил по его телу. Все, они не могли сделать и шагу, застыли, связанные лягушками.

От мигалок стало светло, почти как днем.

Зомби двинули вперед, но лягушки уже растеклись у них под ногами. Лунатики начали падать, один за другим. Они давили мигалок и тут же падали, поскальзываясь на влажной слизи. Вставали, снова падали, пока не ломали себе ноги, тогда они ползли, ползли против потока, цепляясь за истерзанные Молотом трупы скрюченными пальцами, ползли, измазываясь в кровавой мерзости, которая покрывала все вокруг, иногда скрываясь с головой в реке из лягушек.

— Твари, — сказал Зиро и достал из рюкзака Светоч.

От удивления Инфинити прекратила икать.

— Да, да, — торопливо подтвердил Зиро. Он нашел в карманах универсальную отвертку и раскрутил корпус фонаря. Энергия от аккумулятора подводилась к лампе через релейный блок, регулирующий мощность. Если лампу запитать напрямую, Светоч выплеснет все за одну короткую вспышку. И шанс, где-то 3 из 10, что ему при этом оторвет руки. Зиро выдрал провода из реле, торопливо зачистил от изоляции и подсоединил к клеммам лампы. Растянул рукава и взялся через них за рукоятку фонаря, чтобы не обжечься.

— Не смотри на луч, — сказал он и, прищурившись,

включил фонарь.

Светоч загудел, как рой рассерженных шершней, и красный луч пронзил болотный язык. Те ануры, что попадали непосредственно в луч, кажется, испарялись без остатка, те, что оказывались рядом, мгновенно вспыхивали синеватым пламенем, поджигая друг друга — огненные росчерки луча прожигали в зеленом ковре широкие прорехи. Зиро присел, старясь увеличить площадь поражения, добавляя к мощности лазера, всю свою застарелую ненависть к болоту. Маски сброшены, честная схватка, человек против болота, один на один. Мигалки сгорали десятками тысяч в долю секунды, но им было плевать, дремучий инстинкт гнал их вперед, прямо в огненную смерть, что сжимал Зиро в руках. Водя лучом из стороны в сторону, Зиро, как метлой, расчищал путь вперед. Один раз он случайно чиркнул лазером по дому слева, стекла окон лопнули, внутри сразу полыхнул огонь. Фонарь раскалился, вой лампы дошел до пронзительного визга, и Зиро, широко размахнувшись, метнул его как гранату, как можно дальше. Одна из легенд Воркуйска-8 взорвалась в воздухе.

Длинная проплешина в потоке анур быстро заполнялась свежими особями. Они побежали к повороту в переулок, что маячил неподалёку. Зиро плохо видел, красное марево застилало взор. Они свернули, едва успев проскочить перед новой волной миграционного потока.

В переулке лягушек было порядком, но по крайне мере можно было идти, они не закрывали собой все. Сомнамбул и дронов тоже не было видно. Они побежали вверх по улице, к станции монорельса зеленой ветки.

015: Осколки

— Думаю, лягушки их задержат.

Стоя на краю платформы, Зиро смотрел, как по городу расползается зеленое сияние.

Инфинити сидела на скамейке под прозрачной крышей станции, сдвинув коленки, и упершись руками в скамью. Она смотрела себе под ноги, закусив губу и слегка приподняв брови. В такой позе она была же минут десять.

Мимо станции со свистом пролетела «пуля». Пакман скоре всего сожрал и систему управления монорельсом. Пока они были здесь, несколько поездов промчалось мимо, и ни один не остановился.

Зиро подошел к девушке.

— Слышишь меня? Я говорю: лягушки их задержат.

— Мы животные, — медленно сказала Инфинити. — Зверье. Садисты. Отморозки. Убиваем, глазом не моргнув.

— Инфинити, послушай…

Но она не слушала.

— Так нельзя. Люди не должны убивать людей.

— Люди так себя не ведут. Они выглядят как люди, но они больше не люди.

— Это мы больше не люди! — взорвалась Инфинити — Мы! Не они! Мы гораздо хуже их! Они не ведают, что творят! А мы понимаем! Понимаем и убиваем их холодно и расчетливо, зная, что нам за это ничего не будет! Мы не должны их убивать! Мы должны спасти их! Всех! Никто, кроме нас не может этого сделать! Мы их единственная надежда! Мы! А что мы делаем вместо этого? Да нет людей хуже, чем мы!

Зиро начал злится. Чего она разоралась? Какой толк в ее словах? Зомби кругом, а она развела достоевщину. Сейчас они со всей округи сбегутся на ее вопли.

— Да пойми ты, — резко сказал он. — Все изменилось. Все, что было до, уже не важно! Теперь либо ты — либо тебя. Такой расклад. Надо это принять, слышишь, просто принять и все. Мы ни в чем не виноваты. Так получилось, слышишь?! Мы просто спасаем свою жизнь! Да любой бы на нашем месте поступил также! Или ты думаешь — мне это все нравится?!

Она будто плюнула ему в лицо:

— Думаю, нравится. Ты посмотри на себя — ты же просто прешься с того, какой ты крутой! Тебе же плевать на все! Ты только о себе думаешь! Да все вы такие! Убийца гребанный! Маньяк! Откуда ты взялся?! Все пошло к черту, как ты появился,

ноль хренов! Я тебя ненавижу! Ненавижу! Ненавижу, ненавижу, ненавижу….

— Да не ори ты! Ты нас выдашь! — закричал Зиро не понимая, что орет даже громче ее.

— Чтоб ты провалился! Нет, нет, я не хочу…

— Да, заткнись ты, черт побери! — он схватил ее за плечи и повернул к себе, пытаясь достучаться в эти бездонные глаза.

— НЕ ТРОГАЙ МЕНЯ!!! — завопила Инфинити.

Зоя прыгнула ей в ладонь, из ее рукоятки выскочил острый стилет, и нацелился Зиро в сердце. Инфинити прожигала его ненавидящим взглядом.

Зиро отпустил ее. Медленно выпрямился, опустил руки.

— Ну давай, — сказал он спокойно. — Бей. Нахер мне все это уперлось.

Стилет слегка подрагивал в ее руке, глаза наполнялись слезами. Лезвие вновь спряталось в рукоятке. Девушка отвернулась.

Мимо со свистом промчался еще один поезд.

Зиро постоял немного, потом сел на скамью, закурил, смотря на ряды торговых автоматов, инфицированных Пакманом. Он докурил до половины, и Инфинити, не поворачивая головы, протянула руку — пальцы в конфигурации для приема сигареты. Зиро исполнил ее требование.

Инфинити жадно затянулась.

На горизонте появилась еще одна «пуля», поезд мягко сбросил скорость и остановился на станции. Открыл двери.

Секунду они сомневались, потом бросились в первый вагон.

Вагон был абсолютно пуст, пуст был и следующий. Двери захлопнулись, и поезд тронулся. Судя по табло, он только что покинул депо, всего 17 минут на маршруте. Инфинити села, Зиро сел напротив. Поезд набрал скорость, стало невозможно разобрать, что за окном, оно превратилось в раму для безумного ломографического слайдшоу, от него голова шла кругом. Инфинити, молчала, с потерянным видом, Зиро смотрел на схему маршрутов, следя, как их поезд ползет по зеленой ветке карты.

«Станция имени Королева», прозвучало объявление, однако поезд не сбавляя скорости, промчался мимо станции.

Инфинити посмотрела на Зиро.

— Куда это мы едем, интересно?

— Хмм.

Зиро, цепляясь за поручни, дошел до кабины, заглянул в кабину автоматического поезда. На экранах мелькала привычная информация, Зиро собрался обратно, но тут поезд резко затормозил, и Зиро чуть не расшиб лоб о стекло. На всех экраны

кабины появился Пакман. Через мгновение он исчез, и «пуля» дернулась с места. Экраны моргали Пакманом, и поезд дергался в такт судорогам интерфейсов, словно внутри него шла какая-то борьба.

— Да что ж такое с Сетью твориться? — прошептал Зиро, вцепившись в поручни.

Внезапно болтанка прекратилась, Пакман отступил, и «пуля» вновь набрала расчетную скорость. Они проскочили еще одну станцию, на следующей, «Промышленной», они планировали выходить. И поезд словно прочитал их мысли, на подходе к станции он сбросил скорость, и, как полагается плавно, остановился возле перрона. Станция «Промышленная» прозвучало объявление. Открылись двери.

Зиро осторожно высунул голову наружу и огляделся. Все чисто.

Они вышли и направились к выходу. Двери закрылись, поезд зашипел, готовясь к отправлению. Когда они подходили к турникетам, охраняющим вход на станцию, резкий свист приближающего поезда заставил Зиро обернуться. К станции мчался еще один поезд. По тому же треку, но в противоположную сторону.

— Ммать! — воскликнул Зиро и резко рванул с места.

Со страшным, все поглощающим, грохотом поезда столкнулись. Головы обеих составов мгновенно смяло в гармошку, задние вагоны «пули», на которой они приехали, вынесло на станцию, они крушили все на своем пути, опоры крыши станции подломилась и она обрушилась. С протяжным металлическим стоном поезда стали заваливаться на бок. По их изувеченным вагонам били рваные разряды синей электрической плазмы.

Когда они прыжками скатились вниз по лестнице на улицу, поезда сорвались с трека вниз.

— Я думала, поезда могут двигаться только в одну сторону по одному треку, — сказала Инфинити, когда они немного успокоились.

— Ну, — сказал Зиро. Согнувшись, он пытался успокоить дыхание. — Я тоже. Наверное, все это из-за вируса. Все компы с ума посходили.

— Значит, нам повезло, — задумчиво произнесла Инфинити, смотря на пустынную улицу перед ними. Ни одной живой души, если не считать за души мигалок. Твари расползлись по всем городу.

— Вот видишь. Может мы не такие уж и плохие, если кто-то там, наверху, опять дал нам шанс.

Инфинити одарила его странным взглядом, значение которого Зиро затруднился идентифицировать.

— Где твоя мать живет?

— Тут недалеко, пойдем.

И она повела его дворами, засаженными липами и кленами. Это был непопулярный, один из самых дешевых районов, на стыке промышленного и жилого секторов города. Зиро казалось, что звук их шагов слышен издалека, настолько было тихо, ни голоса, ни бормотания телевизора, ни музыки, ни шума машин, ничего, все укутала мертвенная сонная тишина, и это нервировало их обоих. В некоторых окнах горел свет, и Зиро смотрел в них, желая увидеть, как где-то колыхнется занавеска, мелькнет силуэт, что-нибудь, что скажет ему: здесь все как прежде, здесь все хорошо, но ничего этого он не видел, он видел лишь светящиеся квадраты в прямоугольниках домов. Его пальцы нервно поглаживали кожу на рукояти Меча.

Инфинити быстро шагала впереди.

— А твои как? — тихо спросила она.

— Никого не осталось, — сказал Зиро.

Инфинити вздохнула.

— Ну вот. Второй подъезд.

Инфинити приложила к замку большой палец и дверь открылась.

Двери квартир на первом этаже были отрыты настежь, и Зиро все понял. Инфинити бегом вбежала на четвертый этаж, попутно ища в сумочке ключи. Но дверь квартиры ее матери тоже была открыта.

— Мама! Это я! — Инфинити ворвалась внутрь. — Мамочка, ты дома? — Она побежала проверять комнаты.

Зиро помялся немного и прошел в гостиную. Она была наполнена прошлым. Мебель, популярная в советский период, ковер, обои в цветочек. Много цветков в горшках. Книжные полки, заставленные всяким мелкими осколками воспоминаний: вазочки, фигурки, фото в рамках…. Одна из стен вся в фотографиях, на них больше всего было Инфинити, на разных стадиях развития. Вот она в коляске, вот идет в школу, бантики в косичках и цветы в руках, вот она на выпускном, в красном вечернем платье. Длинные волосы ее тоже шли. Мать ее в молодости была довольно красива, отец, сильный мужчина, с умным взглядом из-под густых бровей. Зиро показалась, что Инфинити как-то не очень похожа на родителей. Впрочем, фото дело такое… Зиро было неловко, он чувствовал себя лишним здесь. Откуда-то возник рыжий кот, он уселся на безопасном, по его мнению, расстоянии и подозрительно разглядывал Зиро.

— Значит, она тоже…. - сказала Инфинити, зайдя в гостиную.

— Мне жаль, — сказал Зиро, и сразу же проклял себя за это. Дерьмовенькая фраза. Зачем он ее сказал?

Инфинити, бессильно опустилась в мягкое кресло. Она смотрела на воспоминания, прибитые к стене, и Зиро знал, о чем она думает. Что будет, если она увидит лицо матери в толпе зомби?

Кот подошел к Инфинити и, поджав уши, начал тереться об ее ноги.

— Мотя, зайчик, — Инфинити потрепала кота по голове. — Проголодался, бедняжка?

Она взяла кота на руки и понесла на кухню. Сухой корм ударил об кошачью миску.

— Пойдем? — сказал Зиро девушке, когда та вернулась

— Пойдем, — как-то вяло отозвалась Инфинити.

Они вышли. Инфинити затормозила перед дверью.

— Закрыть дверь? — спрашивала она сама себя. — Или оставить открытой? Она же, наверное, без ключа ушла…. Или…

Некоторое время она никак не могла решиться, дергая дверь туда-сюда. Наконец она осторожно прикрыла ее, не захлопывая.

016: Вампиры vs. Зомби

От родительского гнезда Инфинити до Битого Кластера было рукой подать.

— Бывала в «Кластере»? — спросил Зиро.

Они подходили к клубу.

— Бывала. — После того, как они побывали в доме ее матери, что-то изменилось в ее лице — оно стало как-то жестче, что ли. — Но редко, — продолжила Инфинити — Там же одни нерды собираются. Обступят, и давай парить про архитектуру процессоров, пуская слюну. Скукотища.

— Да ладно! — обиженно сказал Зиро. — Там и нормальные чуваки есть.

Внутри «Кластера» гремела музыка, окна вспыхивали концертной иллюминацией. По пути они не встретили ни одного лунатика, но Зиро не позволял себе расслабиться, постоянно напоминая, что они где-то здесь и могут появиться в любую минуту.

На стенах клуба висели афиши Хеллблендера, где Пипетка делал «йоу» вместе со своими перцами.

Зиро остановился под неоновой вывеской клуба и решительно рванул на себя тяжелую дверь. Ему казалось, с того момента, когда он был здесь в последний раз, прошла целая жизнь. А ведь это было всего-то сутки назад.

Он миновали холл, и вышли на танцпол. Остановились возле барной стойки.

Шоу было в самом разгаре. Гремела музыка — рваный бит, скрэтчи, дистортированные гитары и ураганная читка. На танцполе, в стробоскопических вспышках цветомузыки, бесновалась толпа. Весь танцпол был плотно забит людьми, по субкультурной классификации здесь преобладали техноготы, молодые люди, разряженные под хай-енд вампиров, все в агментах, как один — Хеллблендер быстро приобрел у этой публики культовый статус. Техноготы танцевали какой-то странный танец, который даже и на танец-то не походил, Зиро такого никогда не видел — каждый на танцполе, не сходя с места, рвано, развинченно дергался всем телом, часто нагибаясь, и как-то попадая при этом в ритм речитатива. Не танец, а какой-то эпилептический припадок паралитика.

— И где тут твой друг? — перекрикивая музыку, спросила Инфинити

Зиро показал на сцену.

Пипетка развинченно двигался в разноцветных вспышках

прожекторов, на баннерах из хай-рез телекса мелькали агрессивные месседжи. Глаза его скрывали агменты, через которые он координировал виртуальную часть шоу. Бритва выгнувшись, зарубила финальное гитарное соло.

— All motherfuckin' vampires gonna die! — провозгласил Пип и победно взмахнул микрофоном, его ручка была исполнена в виде осинового кола.

— Love in vain! — провозгласил Пип новый номер, и драм-машина снова принялась утюжить клуб ядерным битом.

Хеллблендер был чрезвычайно концептуальный проект, на стыке жанров и медиумов, лучшее, что сделал Пип на сегодняшний момент. Согласно мифологии Хеллблендера, человечеством тайно управляли вампиры. Вампирские кланы в незапамятные времена инфильтрировались во все уровни человеческого социума, с начала истории, они манипулируют миром людей, превратив их в заложников своего ненасытного голода к человеческой крови. Когда-то они делали это при помощи религий, которые сами же и насадили огнем и мечом. Теперь их место заняли технологии и ресурсы. Сейчас вампирская закулиса контролирует все. Они истинная власть. Банки, корпорации, правительства, всё они. Мир крутиться вокруг упырей, для которых люди не более чем с контейнеры с питательной смесью. Человечество катится в ад, не осознавая этого.

Но не все потеряно! У мира есть надежда. И эта надежда — тайная организация антивампирского сопротивления Хеллблендер. Бесстрашные бойцы с упырями, засевшие в подземных коммуникациях мегаполисов, войны света, вооруженные серебряными пулями, осиновыми колами и нанотехнологиями, избранные, поклявшиеся отомстить, отомстить им всем! Да, вампиры обладают безграничной властью, они превосходят человека по всем статьям, они бессмертны, в конце концов, но их гораздо меньше людей. Вампиры вынуждены сами контролировать свою численность — они паразиты, больше ничего, и если они начнут бесконтрольно размножаться, они уничтожат человечество и исчезнут сами. И значит, их можно уничтожить, если методично убивать, убивать одного за другим. Этим и занимался Хеллблендер, об этом и рассказывал Пипетка, расстреливая публику пулеметным речитативом. Пип хорошо прокурил эту тему, он размахнулся аж на три лонгплея, рассказывающих всю историю Хеллблендера от начала сопротивления до последней битвы, в которой они покончат с вампирским игом раз и навсегда. Пока у него вышел первый альбом из серии с длинным названием «Hellblender: Cycle One.

Light at the end of the tunnel», повествующий о начале войны.

В своей группе Пипетка был единственный живой человек, остальные были Тенями — три голопроекции у него за спиной. Бритва, Слик, и Комбо, ядро сопротивления.

Гитару пилила Бритва, японская девчонка, из Осаки, всю ее семью убили вампиры, и она мстила им за это, и мстила максимально жестоко. Образ Бритвы Пипетка заказал у Зиро, почитая его большим специалистом в этой области. Бритва удалась на славу — резкая черная челка на вытянутом личике, синие анимешные глаза, озера смысла, сверкающий обтягивающий комбинезон из наноткани, усиливающий ее ловкость и силу. В барабаны молотил Комбо — мускулистая зверюга в камуфляже, с искусственными руками и зеленым электронным глазом. Бывший военный армии США, боец спецподразделения Дельта, ветеран многочисленных локальных конфликтов, на одном из которых он потерял обе руки. Комбо видел, что творят вампиры в этих необъявленных войнах, нужных только для того, чтобы кровососы могли безнаказанно отожраться. На клавишах играл Слик. Слик был холодно прекрасен; бледный, изящный денди в черном костюме, сын крупного европейского ученого, пошедший по дипломатической линии. Слик был из тех, кто убивает вампиров на светских раутах.

Параллельно шоу шло в формате виртуальной реальности, из-за этого все, насколько видел Зиро, были в агментах. Если смотреть через агменты Хеллблендер давал концерт в вампирском логове, одном из подземных бункеров вампирской элиты, отделанных с декадентским шиком. Мрамор, дуб, массивные хрустальные люстры. По прозрачным трубам насосы прокачивают человеческую кровь. Замученные люди на цепях. Все такое. Перед концертом публика проходила через трехмерный сканер, и каждый получал значок с персональной радиометкой. В виртуале, по модели, натягивался скин, превращая каждого зрителя концерта в шикарного вампира.

Весь этот маскарад несколько смутил Зиро. Ему показалось, что все в порядке, что волна сонного безумия обошла стороной «Кластер», просто фэны вошли в раж, а танец что, черт их знает этих техноготов, что у них сейчас в тренде.

«love in your vein
and all in vain
in vain in vain in vain in vain…»

Пипетка дошел до припева.

Это была история про вампира-наркомана, подсевшего на кровь со вкусом любовных гормонов, такое случалось. Этот упырь занялся сетевым сводничеством, он держал сайт знакомств, где был известен под ником LoveLess, или LL. LL искусно манипулировал людьми через Сеть, подбирал подходящие пары, влюблял друг в друга, а потом убивал на первом свидании. Резвился LL таким образом до тех пор, пока его не выследил Хеллблендер.

Текст песни был больше о бессмысленности и нелогичности любви как таковой, но сзади, на видеозаднике, шла история, стилизованная под аниме. Как Бритва и Слик зарегистрировались на сайте LL, как они мастерски изображали из себя влюбленных, перебрасываясь в чате сердечками и смайликами. И вот первое свидание. Кино, посиделки в кафе. Слик провожает Бритву домой, они бредут по пустынной улице ночного города, как бы не замечая LL, прыгающего по крышам домов. Слик наклоняется к лицу Бритвы, для поцелуя, и тут из темноты возникает скалящий клыки LL. Слик, не глядя, вскидывает руку, и косой очередью из портативного коломета в рукаве плаща, пришпиливает упыря к стене. Бритва завершает дело ударом ноги — ее острый каблучок пронзил черное сердце вампира-торчка, выпустив в его тело люминесцентные нанокапсулы. Ослепительная вспышка света взорвала LL изнутри, в мгновение превратив в горстку пепла. Одним упырем меньше.

Обычно, в этот момент (Зиро уже видел это шоу), толпа взрывалась восторженным ревом. Но сейчас, они просто продолжали свой дикий танец, не издав ни единого звука. И это, запоздало сообразил Зиро, было самое странное. Что это за концерт, где никто не подпевает, не свистит, не хлопает?

Зиро сорвал агменты с лица ближайшего техногота. Глаза его были закрыты. Он спал. Зиро быстро переглянулся с Инфинити, сорвал еще одни очки, еще. Все они спали. Этот концерт Пип давал для зомби. Сами сомнамбулы никак не отреагировали на Зиро, они продолжали корчиться в танцеподобных судорогах, словно эти звуковые волны со сцены для них как веревочки для марионеток.

Внезапно тишина ударила по ушам, музыка оборвалась на середине музыкальной фразы. На всех экранах клуба появился Пакман. Тени Хеллблендера исчезли. Вместо каждой из них в пустоте повис осточертевший желтый лик.

Сомнамбулы замерли на месте, вытянув руки по швам.

Пип сдвинул агменты на лоб.

— Это что, какой-то флешмоб? — неуверенно спросил он, смотря в зал.

— Беги!!! — заорал Зиро. — Они опасны!!!

— Кто опасен? — растеряно спросил Пипетка, вертя головой, он пытался определить местоположение Зиро. Его голова была как раз на уровне пасти Пакмана на видеозаднике, и оттого казалось, что Пакман сейчас откусит ему голову.

Толпа пришла в движение. Ближайшие к ним зомби-вампиры развернулись на голос. Зиро поднял Меч, и тут сильные, татуированные руки, обхватили его сзади, прижали к стойке. Это был Корень, он вдруг откуда-то взялся, как чертик из табакерки. Корень оскалился, собираясь впиться в шею. Но Инфинити не растерялась, схватила со стойки тяжелую металлическую пепельницу и ребром ее двинула Корню в рожу. Бармен упал, обрушив на себя полки с бутылками.

Вампиры из зала поднимались на сцену. Пипетка с открытым ртом взирал на происходящее.

— Беги! — опять крикнул Зиро. — Они убьют тебя!

Но Пипа словно столбняк хватил, он явно не врубался в ситуацию. Надо было его выручать. Зиро быстро оценил ситуацию. Напролом к сцене было не пробиться. Зиро посмотрел на балкон, в вип-ложу. Туда продавали самые дорогие билеты.

И он рванул в сторону лестницы. В стробоскопических вспышках дискотечного освещения все окружающее сильно напоминало раскадровку комикса: рваные, неряшливо прорисованные, сцены.

Путь в вип-ложу охранял один из клубных секьюрити, прикованный за лодыжку цепью к перилам, на шее нарисованы две красные точки, следы вампирского укуса. Что касается своего шоу, Пип уделял внимание даже мелочам. Зиро замахнулся, но Меч его разрезал пустоту: Инфинити его опередила. Зиро перепрыгнул через охранника и взлетел по крутой лестнице на второй этаж.

Там, вместе со своими прихлебалами и блядями, гулял Попозуда. Местный порнокороль, самый крупный игрок в этом сегменте воркуйского медиарынка. Самый крупный, во всех смыслах — Попозуда был чудовищно жирный тип, туша, объемом, наверное, в два с половиной Зиро, да еще и плюс Инфинити в придачу. На его сальном лице можно было насчитать, в зависимости от угла зрения, от трех до пяти подбородков, его жидкие, черные волосы блестели от геля. Он был в белых штанах и яркой, похабных цветов, гавайке; Попозуда тянул к Зиро пальцы, унизанные килограммами золота. Попозуда открыл пасть, в этот миг его осветил луч прожектора и Зиро чуть не ослеп от сияния из пасти порнокороля — у него были бриллиантовые зубы. Попозуда, тяжело ступая, надвигался,

переворачивая столики, ломившиеся от максимально дорогой еды и спиртного. Своей тушей он полностью загородил проход.

— Да гори ты в аду! — воскликнул Зиро и вогнал Меч почти по рукоять в его дряблое пузо. Сияние в пасти порнокороля померкло, он харкнул кровью. Попозуду повело к перилам, и он рухнул на толпу, забрав с собой в ад еще нескольких зомби. К Зиро, тем временем, приближался Алан, который тоже был здесь.

— Когда ж ты поймешь, наконец! — с досадой воскликнул Зиро, схватил стул и разбил его Алану об голову. Алан исчез.

На Инфинити, излучая похоть, наступали телки Попозуды. Станки на любой вкус: блондинки-брюнетки, белые, смуглые, куски мяса с минимум одежды для удовлетворения инстинкта воспроизводства в самых извращенных вариациях. Вшик-вшик-вшик: порнокуклы, одна за другой, падали навзничь, получив дробью в лоб. Инфинити лишь слегка оттягивала тетиву, и оттого казалось, что она кладет их простым щелчком пальцев.

— Лежать, сучки, — процедила она сквозь зубы. Губы ее скривились в брезгливой ухмылке.

Зиро рубанул какого-то скользкого типа и, свесившись через перила, посмотрел вниз.

Вампиры теснили Пипетку в угол сцены. Похоже, они намеревались раз и навсегда покончить Хеллблендером. Ближайший упырь уже хватал Пипетку за руки.

— Вы что заснули?! — Пип разглядел, наконец, с кем имеет дело. — Ей, проснись! Да проснись же, мать твою! — Пип сшиб с ног техногота, тот был уже готов вонзить в него свои искусственно удлиненные клыки.

— Сюда! — крикнул ему Зиро. Он свесился через перила и протянул руку вниз. — Инфи, прикрой его!

Инфинити вскинула Зойку и серией метких выстрелов расчистила путь Пипетке.

Пип одним прыжком забрался на стойку с аппаратурой, он тянул руки к Зиро, но было слишком высоко. Тогда Пипетка использовал микрофонную стойку.

Зиро вцепился металлический шест и потащил друга наверх.

Вампиры пытались поймать Пипа за ноги. Пипетка брыкался. Зиро напрягся, и вытащил друга на балкон.

— Какого хера здесь! — воскликнул тот, упав на пол.

На балкон поднимались сомнамбулы.

— Бежим, — сказал Зиро и бросился к двери с табличкой «для персонала». Они забежали внутрь. Зиро щелкнул замком. Никого, слава богу. Зиро толкнул первую попавшуюся дверь. Это была кладовка, мешки какие-то, банки, ведра, швабры. Зиро

закрыл дверь и усадил Пипа на стул.

Пипетку била нервная дрожь.

— Неужели я такой х-х-херовый артист? — спросил он, слегка заикаясь от шока. — Такой херовый, что люди просто хотят м-м-меня убить?!

— Это не люди. Это зомби, — сказал Зиро.

— Зомби? Не вампиры? — на лице Пипа царило полное смятение.

— Успокойся. Давай, глубоко вздохни. Вот так — раз, два, три…

Пипетка послушно задышал полной грудью.

— Послушай… — И Зиро вкратце, опустив особо кровавые подробности, рассказал, что случилось с ним с того момента, как он появился на площади Революции.

Когда Зиро закончил свой торопливый рассказ, Пип некоторое время переваривал услышанное, теребя золотую головку чеснока, висевшую на цепочке у него на груди.

— Я же всегда знал, что этим все и закончится, — сказал он сам себе. — Чего удивляться…

Пипетка был большой фанат зомби-кинематографа. В его коллекции было больше трехсот наименований фильмов о зомби, начиная с немых черно-белых мумий. В этом они немного расходились с Зиро во вкусах; Зиро к зомби-триллерам относился довольно ровно. Нет, он, конечно, понимал всю мощь зомби-идеи, но все равно никак не мог поверить в то, что трупы могут ходить. Это мешало сопереживать.

Инфинити перезарядила рогатку и подошла к окну. Отодвинув жалюзи, она выглянула наружу.

— Черт! — воскликнула она.

Зиро подошел к ней. Действительно, черт — улица перед клубом наполнялась лунатиками. И опять появились дроны.

Зиро обернулся и перехватил взгляд друга — Пип во все глаза разглядывал Инфинити. Та, в свою очередь, рассматривала Пипетку. С сомнением во взгляде

— Ах, да, — сказал Зиро. — Это, — Он указал рукоятью Меча, — мой друг Пип. Отец воркуйского хип-хопа. А это Инфинити, мы на площади познакомились. Она классно стреляет из рогатки. Ну, ты видел. Всем, я надеюсь, приятно. Хоть обстоятельства и не благоприятствуют.

— Инфинити? Чувак, а где ж твоя японочка?

— Япоооночка? — обернувшись к Зиро, протянула Инфинити с безмерным удивлением в голосе.

— Аи больше нет.

Пип криво улыбнулся.

— Ну, это ладно. Походу, ты научился их оживлять, — он постепенно приходил в себя.

Зомби барабанили в дверь.

— Надо уходить отсюда, — сказал Зиро. — Двери здесь хлипкие.

Они вышли из кладовой, прошли по коридору к двери, ведущей во внутренний двор.

Двор клуба был огорожен высокой изгородью из металлической сетки, натянутой между зданий. Лунатики окружили двор со всех сторон, стояли, вцепившись руками в сетку. Как всегда, они рассеяно улыбались, и медленно водили головами из стороны в сторону. Их становилась все больше с каждой минутой, они подходили со стороны улицы. Во дворе стояло несколько машин, в том числе и Пипеткин Соник-Танк, так он называл свой джип-пикап с мощной аудиосистемой смонтированной в кузове. Пип использовал его в опен-эирах.

Закурив, Пипетка подошел к сетке и начал рассматривать зомби.

— Осторожно, — сказал Зиро. — Не подходи слишком близко. Они очень цепкие.

— Их в голову валить надо?

— Ну, — ответил Зиро, — в голову, по-любому, лучше. Но это же не ожившие мертвецы. Все что смертельно для человека, смертельно и для них. Даже наоборот, они очень уязвимы. Даже небольшой раны достаточно, чтобы они умерли от кровопотери. Но это в далекой перспективе, конечно. Проблема в другом: у них отсутствует болевой шок. Поэтому, даже смертельно раненые, они некоторое время опасны. Вообще, что нам известно? — Зиро, как всякий, кто тесно связан с компьютерами, любил, чтобы все было по полочкам. — Началось это на площади, во время праздника. И, не понятно каким образом, но очень быстро распространилось по всему городу. Мы видели, как люди засыпают, просто приблизившись к ним.

— Они как будто… излучают сон, — сказала Инфинити. — Очень странное ощущение.

— Ты тоже это чувствовала? — Зиро повернулся к девушке — Я думал, мне показалось.

— Да, кстати, — сказал Пипетка, — Когда я начал работать, был один момент…. Меня вдруг начало клонить в сон, так сильно, что ноги стали заплетаться. Чуть не упал. Но все быстро прошло, я даже испугаться не успел. Вы об этом?

— Хмм. Может быть. Во всяком случае, чтобы это ни было, оно на нас не действует, иначе мы были бы как они. Так, что еще? — Зиро загибал пальцы. — Они медленные, не могут бегать

и прыгать, и походу, не способны на какие-то сложные действия, максимум — дверь открыть. По одному с ним легко справиться, но они всегда ходят большими группами, и у меня такое чувство, что это неспроста. Они всегда окружают, не могу понять, как они это делают. Несмотря на закрытые глаза, они как-то ориентируются в пространстве, и ориентируются неплохо. Еще, совершенно точно, они реагируют на речь. Если слышат человеческий голос — сразу атакуют. Так что надо говорить как можно тише. И их сбивает с толку громкий звук. Но звук реально громкий, как от пушек, от которого и сам-то глохнешь. Я вот все думаю, почему они так вели себя на концерте? Почему не нападали? Танец это нелепый…. Это из-за громкого звука? Но во время салюта ничего такого не было…. А может…. Слушай, может это из-за того, что это хип-хоп? В смысле, очень быстрая речь?

— Ну, это не сложно проверить, — сказал Пип, и пошел к Соник-Танку.

— Только в Сеть не выходи! — предупредил Зиро.

— Я понял, понял.

Пип открыл дверь машины, включил аудиосистему и запустил Хеллблендер с первого трека. Мощные колонки погнали бит. Когда Пип начал начитывать, зомби, все что были вокруг, одновременно пустились в свой странный пляс.

— Вау, — Инфинити широко улыбнулась и с уважением посмотрела на Пипетку.

Зиро повеселел. Первая хорошая новость за черт знает сколько времени.

— Ха, — сказал Пип, вернувшись. — Похоже, я сложился как артист. Ну чё, дурни, прёт? — сказал он сомнамбулам.

— Да, — сказал Зиро, не сводя глаз с танцующих зомби. Он только сейчас понял, как смешно выглядел их танец со стороны. — Это круто. Теперь мы, быть может, даже выживем.

— Музыка несет мир, хуле, — сказал Пипетка. — Но что дальше?

— Ну, — Зиро поскреб подбородок. — Думаю, надо двигать к Южному Терминалу.

Пип скривился.

— В РФ собрался?

Зиро помотал головой.

— Это только в крайнем случае. Если совсем припрет. Я просто думаю, что все неспящие, должен же быть еще кто-то кроме нас, в конце-концов соберутся на Южном Терминале. В нынешних обстоятельствах свалить из В8 это естественный ход мысли, а Южный Терминал единственная дорога из города.

Кроме того, это менее всего заселенный район города, там безопаснее всего. Опять же, там таможня. Надеюсь, пограничники вооружены чем-то посерьезней резиновых пуль.

— Логично, — кивнул Пип. — Главное, собрать всех нормальных в кучу. Может, что и сообразим тогда.

— Хороший план, — подтвердила Инфинити.

— ОК. Давай, садись в тачку….

— Погодите, — сказал Пипетка. — Перед смертью я должен знать наверняка.

Он залез в машину и сменил музыку. Заиграл какой-то модный в этом сезоне британский рок. Зомби замерли. Пип поставил поп. Ничего. Танцевальную электронщину. Фолк. Джаз. Индастриал. Фортепьянный концерт. Скользя по своей необъятной музыкальной библиотеке, он, один за другим перебирал музыкальные жанры, и не один из них не производил на лунатиков ни малейшего впечатления. По толпе зомби прошла волна, все они одновременно подались вперед и начали продавливать изгородь.

— Ей! — воскликнул Зиро. — Не увлекайся!

— Хе-хе, — Пипетка, высунувшись из окна, хитро улыбался во все лицо. — Поняли, что такое настоящая музыка, детишки?

— Поняли-поняли! — замахал руками Зиро. — Врубай читку! И погромче!

Пип вновь поставил Хеллблендер.

— У этого апокалипсиса будет мой саундтрек! — провозгласил он и погрозил кулаком небу.

— Базара нет. Никогда в тебе не сомневался. Так, — сказал Зиро. — Отъедь туда, — Он указал в глубь двора. — Я открою ворота. Когда я вернусь к машине, выключай музыку. Подождем, пока они рассосутся по двору. Тогда глуши их Хеллблендером. Я скажу когда. И мы спокойно выедем отсюда.

— Понял, — сказал Пип и сел за руль.

Зиро открыл ворота, и вернулся под защиту динамиков Соник-Танка. Пип выключил музыку, и сомнамбулы хлынули во двор, как всегда, он пытались окружить их издали. Когда большая часть оказалась во дворе, Пип вновь запустил свой парализующий хип-хоп. Зиро подошел к одному из них и толкнул грудь. Лунатик упал. Он не пытался встать, так и лежал на земле, дергаясь. Зиро свалил еще одного. К нему присоединился Пипетка, вдвоем они быстро расчистили дорогу. Все трое загрузились в Соник-Танк.

Их ждал Южный Терминал.

017: Знакомый почерк

— Так значит, это началось на празднике? Странное совпадение, — сказал Пипетка.

Он сбросил скорость, и осторожно объехал обугленный, еще слегка дымящийся, скелет легковушки, лежащий посреди шоссе, колесами в небо. Последствия аварий разного масштаба постоянно попадались им по пути, видимо, водители засыпали за рулем, но чем дальше они приближались к окраине городе, тем свободнее становилось шоссе, в зеленых пятнах лягушатины. Они мчались сквозь ночь к Южному Терминалу, и перед собой, как щит, Соник-Танк гнал звуковую волну парализующего хип-хопа.

— Не верю я в такие совпадения, — ответил Зиро, смотря в окно, где мелькали цеха воркуйских заводов. Один за другим, не разобрать, где кончается один, а начинается другой. Черт его знает, что в советское время производили в этих, похожих одно на другое, квадратных строениях с минимумом окон, но сейчас большинство этих предприятий поглотил конгломерат Главного Строительно-Монтажного Управления В8, которое занималось строительством мэйнфреймов и прокладкой инфомагистралей.

— Всегда так, — продолжил он, — думаешь — совпадение, а как начнешь разматывать ниточки, упрешься в кучку пидорасов, которые обделывают свои делишки и хотят, чтобы ты думал, что это простое совпадение.

— Думаешь, кто-то нажал кнопочку и превратил людей в зомби?

— Ну, кнопочку — не кнопочку…. Но они явно что-то сделали с людьми на площади.

— Но зачем?

— Как зачем? Чтобы уничтожить Воркуйск! Мы же всем мешаем! Мы как кость в горле у всего мира. Но больше всех мы мешаем… — внезапно, у Зиро в голове, словно собравшись из кусочков паззла, встала полная картина, — … Москве. Бля. Эти суки все-таки нас трахнули! Ты посмотри: все одно к одному. Сначала этот чертов праздник, спущенный сверху. Потом делегация из Кремля. Отвертка и Вентиль говорили про какую-то презентацию. Наверное, это и есть презентация. Смотрите, как мы перегрызем друг другу горло на вечеринке в честь Великой Победы. Нет, ребятки, это явно заговор. И заговор с участием Комитета.

— А Сигнатура Пакмана? — Спросил Пип.

— Ну это же ясно! Это заглушка. Медиаблокада, чтобы не сработала Директива 8.

В случае вооруженной агрессии против Воркуйска-8 в действие вступала Директива 8, Свода Правил Безопасности Гражданского Кодекса В8, известная в народе как «инофокалипсис». Директива 8 гласила: вся информация, находящаяся в собственности граждан В8 должна быть слита в публичный доступ. Это означало, что Интернет бомбардируется огромными объемами данных, что приводит к коллапсу инфотрафика во всемирном масштабе. Это означало, что тайнохранилища открывают шлюзы, начиная без разбора сливать по электронной почте зеттабайты компромата и секретных сведений. Это означало активацию троянов и захват ключевых серверов-маршрутизаторов. Это означало подавление жизненно важных компьютерных систем по всему миру, приоритет атак: сотовая и спутниковая связь, воздушный и наземный трафик-контроль, энергосети, военные сети, электронные СМИ. Это означало, что каждый гражданин Верхнего Регистра превращается в киберсолдата. Это означало, что Воркуйск-8 берет весь мир в заложники.

— Ты хочешь сказать, что Сигнатура Пакмана это наша разработка?

— Сто процентов. Как же он в нашей сети живет? Разработчики вируса должны были знать спецификации протокола и файловой системы В8. И это доказывает, что в заговоре участвует кто-то из своих, — чем больше Зиро говорил, тем больше проникался правотой своих слов. — Да, сука, чувствуется размах. Мы же тут последними верим во все. Для того чтобы мы не поверили во что-то, надо чтобы весь мир в это поверил. Гениально, мать их в тину! Запудрить Пакманом мозги всему миру, просто для того, чтобы в нужный момент повалить воркуйскую сеть. Совершенно ясно: кто-то в Игле сговорился с Кремлем, и они решил покончить с В8. Ты вспомни, это ведь все не вчера началось! Вся эта, блять, пиар-кооперация. И кто-то же управляет дронами! Тот, кто ими управляет, защищен от Сигнатуры Пакмана. Нас всех продали. Ненавижу.

— Какой-то очень уж изощренный план. — Инфинити в сомнении передернула плечами. — Не похоже на них. Не проще ли в нас бомбами кинуть?

— Или подавить ПВО с воздуха, а потом высадить десанты со всех сторон сразу, — вставил Пип.

— Так я же говорю! Директива 8. Кроме того, они хотят получить инфоструктуру Воркуйска нетронутой. Москве нужны наши вычислительные мощности. Им просто надо втихую избавиться от населения. От нас, то есть.

— Превратив всех в зомби-лунатиков? — недоверчиво

спросила Инфинити.

— Да! Неплохой способ, чтобы…

— Значит, ты думаешь, что это только с Воркуйском случилось? — Перебил его Пипетка.

Зиро осекся.

— Ну…. Да.

Он посмотрел на профиль друга. Забытая сигарета дымилась в уголке его рта.

— Мы же не знаем, что происходит во внешнем мире, — медленно проговорил Пипетка, не отрывая взгляда от дороги.

— Нет-нет, — отмахнулся Зиро. — Не может быть. Все это выглядит как чисто воркуйское дело. Знакомый почерк.

— Ну, дай бог, — мрачно произнес Пипетка.

Они проезжали мимо предприятия, где делали их уникальную плёночку, которая все-таки вышла В8 боком. Воркуйский Пленочный Завод больше смахивал на крепость — его окружали несколько рядов глухой высоченной бетонной стены с колючкой под напряжением наверху, камеры слежения через каждые пол метра. Входа в этой стене нигде не было, скоре всего он был под землей. За всю свою жизнь Зиро не то, что не видел человека, который бы работал на ВПЗ, он даже не знал человека, которой бы видел хоть одного из его работников, настолько плотная завеса секретности окружала воркуйскую пленку. Поговаривали, что полную технологию производства знают одновременно не более трех человека, и самоцветов в крышках их унитазов было больше чем в шапке Мономаха.

На горизонте встала поросль кранов, освещенная белыми лучами прожекторов, они напоминали стаю железных журавлей, поднявших клювы вверх. Южный Терминал. Пограничная зона. Ворота В8 во внешний мир. Территория складирования и сортировки грузов. По обе стороны шоссе широко раскинулись бесконечные склады, ангары, пакгаузы. Пип обогнул высокие трубы ТЭЦ, работавшей на болотном метане, и выехал на мост над железнодорожным полотном. На путях стояло несколько грузовых составов, длинные цепочки коричневых вагонов и серебристых цистерн, убегали в даль. Кроме автомобильного, между В8 и внешним миром (читай, Россией), существовало и железнодорожное сообщение. Его регламент определялся российско-воркуйскими межправительственными соглашениями; транзитные квоты и все такое прочее, однако, еще во время войны, в В8 взломали российскую систему управления железной дорогой, и с тех пор по РЖД совершенно свободно бегали неучтенные воркуйские поезда.

Пип выехал на верхнюю полосу трехуровневой развязки.

Прямо по курсу — пограничная зона, начало пути на большую землю.

Зиро огляделся. Они на возвышении, хороший обзор на все четыре стороны. Если кто-то решит покинуть B8, они перехватят его на этом перекрестке.

— Тормози здесь, — сказал он, и Пип остановил Соник-Танк у обочины.

— Ну, будем ждать, — сказал Зиро, хлопая по карманам в поисках пачки сигарет. — Музыку погромче сделай. Если здесь есть неспящие, они придут посмотреть, что тут за дискотека.

Зиро, а за ним и все остальные, вышли из машины.

Трасса на большую землю представляя собой длинный широкий мост, опиравшийся на высокие сваи. Прямо за городом она пересекала длинное узкое озеро формой напоминавшее лук, одно из сотен других на его пути. Зеркальная озерная гладь блестела в рассеянном свете, уже светлеющего, предрассветного неба. Где-то в полукилометре отсюда, немного под другим углом из города выходил железнодорожный мост. Чуть дальше, к дороге примыкал отстойник, большая стоянка, заполненная фурами. Готовящиеся к отправлению крупнотоннажные грузовики выстроились на шоссе в длинную очередь, упиравшуюся головой в полосатый шлагбаум пограничного поста. За этим шлагбаумом начиналась Россия, смурная болотная держава, чудовищно инертное царство абсурда, возведшее свою очевидную нелепость в принцип, страна немых, с удовольствием стоящих на коленях, трясина, в одну шестую часть суши, топь, в которой безнадежно утопало любое проявление мысли. Всегда, когда Зиро всматривался в эти ебанные бескрайние просторы, его захлестывало одно и тоже неприятное чувство, от него опускались руки, утекали силы, сосало под ложечкой. В этом чувстве превалировал страх, но кроме него, в нем было понамешано еще много всякого: смутная тоска по утраченной гордости, истерический какой-то смех, обида, много обиды, больше направленной на себя самого; обиды, за то, что он думает с этими идиотами на одном языке, за то, что он тоже является производной одного с ними генного пула, и от этого никуда, блять, не деться.

— Зараза! — Зиро убил комара у себя на шее. Болотный поцелуй.

Впереди приглушенно бухнуло, и дорога стала складываться. По мосту пошла волна, словно кто-то взял его за края и встряхнул, как простыню, и это была волна разрушения, трасса распадалась на прямоугольные блоки, которые с громким всплеском падали в озеро. В считанные мгновения вся дорога до

горизонта рассыпались, оставив после себя лишь длинную вереницу опор. Воруйск-8 постоянно жил под угрозой военного вторжения из России, в любой момент по этой трассе в В8 могли пойти российские танки. И поэтому эта трасса была одна большая ловушка. Дорога в РФ была составлена из блоков, которых удерживали вместе толстенные тяжи из эластики. Если ослабить натяжение, дорога рассыпалась в мгновение ока, отрезая В8 от внешнего мира, и топя в болоте захватчиков. А потом ее можно было достаточно быстро собрать, сматывая тросы, вытягивая блоки из болота и стыкуя вновь. В натяжении дорогу держало специальное инженерное сооружение на территории пограничного поста, именно там и произошел взрыв, оттуда поднимался столб дыма.

Впереди блеснул свет фар, за которым последовал рев мотора на предельных оборотах. Со стороны границы по дороге мчался массивный черный джип, на таких разъезжала Служба Безопасности. Джип пролетел мимо них, резко заложил крутой вираж, едва не перевернувшись, и виляя, погнал вверх в город. Внезапно, на его пути из темноты возник человек. Мужчина в черном плаще вступил в пятно света от фонаря, пистолет в правой руке. Человек выстрелил в воздух, и замахал рукой, приказывая джипу остановиться. Но машина, не сбавляя скорости, мчалась прямо на него. Тогда мужчина начал стрелять прицельно.

— Сукин сын! — прошептал Зиро.

Это был Казимир Крамольник.

Казимир, широко расставив ноги, держа пистолет обеими руками, расстреливал инфокомовский джип короткими очередями, по три патрона. Блики огня играли в очках Казимира, из ствола Пернача били короткие факелы, пули с искрами рикошетили от капота бронированного джипа — Казимир метил в колеса. Покрышка хлопнула, джип завертело юзом, он вылетел с дороги, протаранил ограждение и рухнул вниз.

Казимир топнул ногой, с досады.

— Казимир! — Обрадовался Пипетка. — Чувак, смотри, это же Казимир!

— Вижу.

— Казимир Крамольник? — спросила Инфинити, округлив глаза. — Тот самый? Герой Воркуйска?

— Тот самый, — передразнил ее Зиро. — Ждите тут. Я пойду у Крамольника автограф возьму. Тут, я вижу, поклонников до хрена.

Казимир стоял у пробитого ограждения и смотрел вниз. Зиро, обнажив Меч, крался к нему по темной стороне улице.

Крамольник заметил Зиро, только когда лезвие Меча уже рассекало воздух. Казимир резко развернулся и Зиро остановил лезвие всего в нескольких сантиметрах его от горла.

— Наверное, не ожидал меня увидеть?

Замешательство на лице Крамольника уступило место облегчению.

— Зиро. Не ожидал. Но все равно рад.

— Мне кажется, мы в последний раз не договорили, — сказал Зиро и пододвинул клинок еще чуть ближе к кадыку Казимира.

Неподалеку опять грохнуло, Зиро обернулся и увидел, как железнодорожный мост рушиться в болото.

— Ну, все, — сказал Казимир. — Все пути отрезаны. Дорогу на антенный остров они опустили первой. Теперь эти суки всех нас спокойно передавят.

Зиро буравил Крамольника взглядом, и Казимир ответил на его взгляд, открыто взглянув в глаза.

— Да, — сказал он. — Я, правда, сильно облажался. Я не успел. Они ударили первыми. Хочешь меня за это убить — давай, убивай. Повод достойный. Только не тяни, я ненавижу ждать.

— Братан, ты чего?! С ума сошел?! — крикнул Пипетка, приближаясь быстрым шагом. Инфинити семенила следом. — Убери меч! Здоровеньки булы, Казимир Янович! — У Пипетки были какие-то дела с Казимиром, кажется, он когда-то миксовал саундтреки для его революций

— Йо, — без улыбки поприветствовал его Казимир. — Рад, что ты не спишь.

— Он меня поимел, — сказал Зиро, не опуская Меч.

Пип обеспокоено смотрел на него.

— Ну что с тобой?! Посмотри вокруг! Даже если вы что-то раньше не поделили, какая теперь разница? Он же не спит! Тебе этого мало?

Зиро очень хотелось рубануть Казимира по горлу. Очень. Он с нарочито громким щелчком загнал Меч в ножны. И отвернулся, скрестив руки на груди,

Казимир сел на обочину. Скинул из пистолета пустую обойму, и вставил новую. Удлиненную, на 27 патронов, она целиком не помещалась в рукояти, и торчала наружу. Под плащом, грудь Казимира перечеркивали крест-накрест два патронташа с обоймами. Казимир передернул затвор Пернача.

— Ненавижу, — сказал он. — Боже, как я их ненавижу.

— Так значит, это правда, — медленно произнес Пип, смотря на развалины трассы, — Значит, это заговор. В Игле действительно нас продали. И теперь они взорвали дороги, чтобы

никто не сбежал. Хотят, чтобы мы все здесь сгинули. Гады.

— Думаю, скоро здесь будут русские войска, — сказал Казимир. — Да, — он, сморщившись, потер себе лоб, — я их недооценил. Какой план! Отрубить Сеть, чтобы не произошло утечки, и одновременно как-то усыпить население, чтобы никто не мог оказать сопротивление. Взять В8 без единого выстрела. Да, круто берете, мать вашу. А я, блять, идеалист сопливый. Как я, мог думать, что на москалей могут подействовать слова? Какая-то там абстрактная «правда»? Их надо мочить. Просто мочить! Я должен запустить Кинжал. Я должен отмстить им за В8! А вы, — он обвел всех троих взглядом, — должны мне помочь.

Зиро фыркнул.

— Здесь никто тебе ничего не должен, Казимир!

— Погоди, — сказал Пипетка. — Какой Кинжал? Этот, который, поезд что ли?

— Да.

— Ха, — усмехнулся Зиро. — Кинжал. Очередной безумный гон Казимира Яновича. Его не достроили, это все знают.

— Все и должны были так думать.

— Не поняла, что за Кинжал? — нетерпеливо спросила Инфинити.

— БЖЛК Кинжал, — пояснил Зиро. — Боевой Железнодорожный Лазерный Комплекс Кинжал. Такой секретный поезд с лазерной пушкой, который должен был ездить по железке туда-сюда и исподтишка сбивать натовские спутники. Советский ответ на американскую СОИ, Стратегическую Оборонную Инициативу, о выводе оружия массового поражения на орбиту. Хотя правильнее было бы ее называть Стратегической Пиар Инициативой, все это была большая ложь, чтобы еще больше измотать СССР в гонке вооружений. Но Партия тогда повелась, и заказала Кинжал. Это был последний крупный военный заказ Воркуйску. Но его не успели достроить. По причине развала СССР.

Казимир помотал головой.

— Кинжал довели до ума во время блокады, когда мы постоянно ожидали вооруженного вторжения русских. Кинжал превратили в оружие возмездия. Если бы Россия попыталась захватить город силой, Инфоком ответил ударом Кинжал. Кинжал на автопилоте прибывает на один из московских вокзалов, поднимает лампу, и начисто выжигает весь центр Москвы, в пределах первого транспортного кольца. Наша месть. Последний привет из Воркуйска. Молниеносный удар в самое сердце. Уничтожение всех ветвей власти на корню наверняка привело бы к коллапсу российской государственности. Скорее всего, это бы

В8 уже не помогло, но москали бы нас запомнили надолго.

— Круто, — сказал Пипетка

— Мы должен запустить Кинжал! — С жаром заговорил Казимир — Мы единственные, кто может это сделать, и мы имеем на это все основания. Это война! Черт, они всех моих хлопцев в лунатиков превратили! Мне пришлось стрелять в своих!

— Но, какой толк в поездах, если… — Инфинити показала на разрушенные пути.

— У девушки острый ум, — заметил Казимир.

— Инфинити, — Инфинити протянула Крамольнику руку.

Казимир аккуратно пожал ее ладонь.

— Казимир, рад знакомству. Для Кинжала была построена своя железнодорожная ветка через болото, так хорошо замаскированная, что никто не знает где она. И сейчас это единственная дорога из В8, город можно покинуть только на Кинжале. Если конечно, не идти через болото. Но я искренне не советую, — у Крамольника дернулась щека.

— Ну и где этот поезд? — Спросил Зиро.

— Я не знаю.

— Ах, вот как, — Зиро моментально потерял интерес к этой истории.

— Я знаю только, что он спрятан где-то здесь, на Южном Терминале. Это совершенно точно. Вы должны мне помочь его найти. Не зря же я вас здесь встретил! Поймите, все — с Воркуйском покончено. Мы все обречены: нас либо загрызут свои, либо постреляют москали. Единственный шанс спастись — найти Кинжал!

Казимир помолчал немного, и продолжил, на полтона ниже.

— Я понимаю, это не ваша война. До Москвы путь не близкий, успеете сойти. Но я, — Казимир оскалился, — я пойду до конца!

— Я за, — поднял правую руку Пип. — Долго мы цацкались с этим трубососами. Терпели все это дерьмо. Блять, да я из-за них два года водоросли жрал! Они же завидуют нам! Ненавидят нас за то, что мы так хорошо живем! Как они не могут жить, потому что они такие тупые, завистливые и жадные. Конечно, легче всего все просто отобрать. Задавить, как они всегда поступали с теми, кто отличался от них в лучшую сторону. Нет, сука, хватит. Надо им въебать. Въебать в полную силу. Так чтоб, сука, навек в мозгах отложилось. Каждому В8 на лбу выжечь! — Пипетка хлопнул себя по лбу.

— За маму, — кивнула Инфинити, поджав губы.

— Что скажешь, Зиро? — Казимир испытывающе смотрел

на Зиро.

— Я скажу, что все это бред. Нет никакого Кинжала.

Крамольник горестно вздохнул.

— Не могу понять, почему ты так ко мне относишься? Разве я давал тебе хоть один повод усомниться в своих словах?

Зиро чуть не задохнулся от возмущения. В их последнюю встречу, этот человек держал его на мушке, а теперь говорит о каком-то доверии.

— Ей, смотрите! — воскликнула Инфинити.

Пока они трепались с Казимиром, к Соник-Танку подкрались три тазерных дрона. Три красные нити концентрированного света одновременно впились в джип. Электрический разряд утроенный мощности мгновенно выжег стереосистему, музыка оборвалась, внутри кабины джипа полыхнуло пламя. Дроны свечкой взмыли вверх. Соник-Танк, их единственная защита, взорвался.

Зомби появились почти сразу же. Они шли со стоянки, словно они все это время специально прятались между рядами длинных фургонов, ожидая, когда стихнет мешающая им музыка. Зомби выглядели как делегаты народов мира собравшихся на фестиваль национальной самоидентичности: в основном это были сомнамбулированные воркуйские дальнобойщики, среди которой выделялись строгой униформой служащие таможни.

Одновременно, по всей округе погасли фонари. Но было уже достаточно светло, чтобы разглядеть, что со стороны города по шоссе в их сторону идут колонны зомби.

— Да откуда вы беретесь?! — воскликнул Зиро.

До ближайшей волны дальнобойщиков было пару сотен метров. Они всё выходили и выходили из-за грузовиков, такое впечатление, что там собрались все, кто был в тот момент на Южном Терминале.

Казимир открыл огонь. Пернач с бешенной скоростью конвертировал патроны в выстрелы, пистолеты системы Стечкина обладали такой невероятно скорострельностью, что в них даже приходилось встраивать специальные ограничители скорости выстрелов. Казимир описал пистолетом полукруг, скосив одной очередью весь авангард сомнамбул, и молниеносным движением сменил обойму. Инфинити сняла пару зомби, пытавшихся подобраться к ним под прикрытием фур, стоящих на шоссе.

— О, — сказал Казимир, покосившись на рогатку. — Хеллфаер Про с перчаткой. У девушки есть вкус.

Зиро, с обнаженным клинком наготове, ветрел головой, высматривая пути к отступлению. На их счастье, чуть дальше по шоссе, за ограждением, он увидел техническую лестницу.

— Туда!

— Погодите, — сказал Пип. — Прикройте меня! — Пригибаясь, он подбежал к телу таможенника, подстреленного Казимиром. Нагнулся, расстегнул кобуру на его ремне и забрал пистолет. Приближавшихся к нему лунатиков одиночными выстрелами свалил Крамольник. Пип вернулся, торопливо рассовывая обоймы по карманам. Зиро перемахнул через ограждение и полез по лестнице вниз. Он лез первый, Инфинити за ним. Зиро задрал голову, и против воли немного притормозил.

— Я всё вижу, — прошипела Инфинити и попыталась наступить Зиро на голову.

Они миновали два уровня развязки, и спустились на самый низ, по одному спрыгнув на железнодорожные пути. Здесь пока было тихо. На путях стоял длинный товарняк груженный песком и щебнем, который B8 закупал в неимоверных количествах для вечной борьбы с болотом. Поодаль, бесформенной грудой металла, валялся подстреленный Крамольником джип СБ. Семафоры горели красным, лягушки зеленым.

Пип проверил обойму, щелкнул затвором.

— Значит, они и про хип-хоп знали. Все у них, мать их, под контролем, — сказал он.

— Хип-хоп? — вскинул левую бровь Казимир.

— Хип-хоп парализует зомби, — пояснил Пипетка.

— Вот как? Хм. Интересно.

— Да уж пиздец как все это интересно, — устало сказал Зиро.

Солнце вставало из-за болота, первые лучи освещали город, который за эту ночь изменился до неузнаваемости. Сколько еще мы будем бегать? — думал Зиро, смотря на светлеющее небо, затянутое плотным пологом серых облаков. Насколько хватит сил?

Ему было не по себе стоять на открытом пространстве. Впереди, за рельсами и шпалами раскинулась большая складская площадка под открытым небом, заставленная рядами транспортных контейнеров, стандартными металлическими ящиками, в полтора человеческих роста высотой. Можно спрятаться.

Зиро пересек пути и съехал по насыпи из щебня вниз. Вверху, над рядами ящиков, стоявших друг на друге в несколько рядов, висели фермы погрузочных кранов, по которым бегали двупалые краны-манипуляторы, перемещавшие ящики. Система охватывала всю территорию склада, один из контейнеров, которой, видимо, операторы не успели передвинуть на нужное место до конца смены (если с ними не произошло чего похуже),

так и висел над землей, сжатый механической лапой.

Контейнеры образовывали довольно запутанный лабиринт. Ящики, ящики, ящики, одинаково безликие, настолько, что всегда помимо воли хотелось узнать, что же в каждом из них. Поплутав среди них, они вышли к складскому управлению, двухэтажному зданию, к которому примыкали полукруглые ангары гаражей. Насколько грузовиков с пустыми платформами, стояли под кранами, в ожидании погрузки.

Они подошли крыльцу управления. На стене табличка — склад такой-то, департамент грузоперевозок, отдел логистики. Двери открыты.

Казимир, подняв голову, смотрел прямо в стеклянный зрачок камеры наружного наблюдения.

— Странное дело, — сказал он — Раньше я вот так не мог стоять, лицом в камеру. Начинался приступ. А сейчас могу. Они все…, не знаю, теперь как-то *не так* смотрят.

— Подмигивают? — С сарказмом спросил Зиро.

— Я знаю, как это звучит, — обернулся Казимир. Лицо его было серьезно. — Ладно, черт с ним. Скорее всего, это просто нервы. Слушайте, давайте попробуем Кинжал по базе железки пробить? Мы, конечно, пробовали не раз, и хрен чего, но сейчас же с нами Зиро, компьютерный гений, который может выудить любую инфу откуда угодно. Правда, Зиро?

— Я повелся, — сообщил Зиро. — Услышал комплимент и мгновенно растаял.

— Ну какой ты упертый, — с вздохом сказал Казимир, — Правильно про тебя люди говорят. Если что не по нему, с места не сдвинешь. Я тебе говорю — Кинжал существует. Ну чем тебя поклясться?

Зиро раздраженно повел плечами, но, тем не менее, когда Казимир вошел в здание, последовал за ним, как и все остальные.

Они одну за другой открывали двери. Пустые офисы, заваленные бумагами. С мониторов на столах скалился Пакман.

— Хрена мы что тут посмотрим, — сказал Зиро. — Эта дрянь везде.

Но Казимир уже шел к лестнице на второй этаж. Там располагалась компьютерная система управления складом: просторный зал, порезанный на клетушки, в которых сидели диспетчеры, пялясь в свои мониторы. В центре стоял большой медиастол. Все машины были заражены Пакманом. Зиро открыл дверь в серверную. Серверная стойка мигала индикаторами, сервера пыхтели над неведомой задачей вируса. В серверной царил беспорядок, свойственный быту сисадминов, горы окурков в пепельницах, стены заляпанные липкими бумажками с

пометками, в немытых чашках пышным цветом расцвела плесень.

— Ты можешь что-нибудь сделать с этим вирусом? — спросил Казимир.

— Да что тут сделаешь… — Сказал Зиро и задумчиво провел рукой по клавиатуре. Неожиданно Пакман пропал. Как по цепочке, один за другим с мониторов исчезал Пакман, открывая десктопы.

— Ого, — сказал Казимир. — Гляди-ка. Повезло.

— Нам уже так везло, — заметила Инфинити и посмотрела Зиро в глаза.

Зиро, как всегда, с трудом отвел взгляд.

— Я уже ни хрена не понимаю, — растерянно сказал он. — Может антивирус сработал? — Зиро опустился в кресло, смахнул на пол следы сисадминской жизнедеятельности, и пододвинул к себе клавиатуру.

Он попытался выйти на внешние новостные сайты. Все окна в мир были заколочены наглухо, ни один из серверов не откликнулся, браузер выкидывал лишь пустые страницы с констатациями сетевых ошибок. Зиро пробежался по местным ресурсам — та же история. Его пальцы как бы сами по себе бегали по клавишам, и Зиро чувствовал их кончиками холод, эмоциональный холод, холод одиночества, и Зиро понял, почему так: с ним нет Аи. Именно она наполняла теплом взаимоотношения человек-машина.

Зиро заглянул в свой основной почтовый ящик, после некоторой задержки страница, хоть и криво, но загрузилась. Ящик был девственно чист — такого с Зиро еще не случалось. Он уже собирался закрыть окно, как мигнула иконка «новое письмо». Зиро открыл сообщение: адрес отправителя отсутствовал. В сабже, и в теле письма было одно слово: «кутузов».

— Что за фигня, — пробормотал себе под нос Зиро.

Железнодорожный интранет, напротив, работал целиком, причем у Зиро оказались админские права. Зиро некоторое время вникал в причуды местного документооборота. Разобрался с шифрованием, запустил глобальный контекстный поиск по общему динамическому бэкапу писем и сообщений, по словам «кинжал», «бжлк», «секретно». Нашел и запустил базу по поездам.

Пип присел за один из диспетчерских пультов, положил пистолет на стол, и начал осматривать территорию склада, переключаясь шариком трекбола между камерами.

— Парни! — Обеспокоено позвал он.

Зомби наступали. Сомнамбулы нескончаемым потоком шли по шоссе, ведущему к складу. Много, самых разнообразных анкетных и биометрических данных. Улыбки, закрытые глаза и

вытянутые вперед руки. Черт побери, с каждым разом их становилось все больше и больше. Там были не только местные с терминала, там были и те, что были на празднике, опознаваемые по светодиодам, и те, которых эта странная эпидемия застала в собственных постелях. Лунатики брали склад в клещи с двух противоположных сторон, передовая часть уже начала рассасываться между контейнерами.

— Откуда они знают, где мы? Ими как будто кто-то управляет! — воскликнул Пипетка.

— Надо торопиться, — сказал Казимир. — Зиро, на тебя вся надежда!

Зиро вернулся к базе. Хоть эта его «упертость» и мешала признаться в этом, но он был совсем не против того, чтобы Кинжал существовал. Чтобы оставалась хоть какая-то надежда убраться от этого безумия подальше. Зиро быстро перебирал учетные карточки воркуйских поездов, но ничего необычного не видел. Обычные товарняки. Контекстный поиск пока тоже не давал никаких результатов, кроме бесполезных отголосков каких-то местных офисных флеймов, в которых упоминалось холодное оружие.

Инфинити подошла к медиастолу. Стол отображал полную карту склада, вид сверху, лабиринт, составленный из прямоугольничков контейнеров. На карту наложена координатная сетка, на оси нанизана россыпь красных кружков. Один из кружочков мигал. Инфинити нажала на него пальцем. Открылось окно с реальным видео: механическая рука держала контейнер, тот самый, что они видели на входе в склад, камеры были установлены на манипуляторе. Инфинити два раза надавила на иконку крана, и от него потянулся вектор направления. Она выбрала точку на сетке (место, куда можно было поставить контейнер, подсвечивалось на карте зеленым полем), зафиксировала положением двойным щелчком, подтвердила, нажав «да» в выпавшем меню, и манипулятор потащил ящик на новое место. Проще простого. Зомби, блуждающие среди контейнеров, отображались на карте иконками, в виде строительных касок.

Инфинити разобралась со скроллингом, развернула виртуальную камеру на вид сверху-сбоку, выбрала удобный масштаб и принялась за дело.

Краны резво забегали по фермам.

Пипетка подошел к столу и коротко хохотнул.

Зиро и Казимир, услышав его смех, тоже подошли к столу. Некоторое время Зиро молча наблюдал за действиями Инфинити, потом сказал:

— Никогда не мог играть в такие игры. Все эти головоломки меня бесят.

— Ну да, — укоризненно сказала Инфинити, не отрываясь от процесса; ее пальчики быстро порхали по сенсорной поверхности стола. — У мальчиков другие игры. Все бы им бегать и стрелять. Одни рефлексы. Пустая трата времени. А вот от логических игр, действительно, польза. Они тренируют мышление.

Инфи городила преграды на пути зомби, разбивала их на группы и блокировала ящиками. Мужчины молча наблюдали за тем, как она загнала большую группу сомнамбул в длинный Г-образный коридор, и подогнала два контейнера сразу, готовясь перекрыть выходы. Едва она закрыла первый, все зомби сразу развернулись в обратную сторону, не смотря на то, что они не могли (черт с ними, с закрытыми глазами) видеть, как Инфи опустила ящик — это было за поворотом. Инфинити щелкнула по иконке, и опустил второй контейнер. Сомнамбулы сразу встали, как вкопанные. Они просто стояли и все.

— Они ведут себя как монстры в компьютерных играх, — задумчиво проговорил Зиро — Очень похоже. Всегда идут к цели кратчайшим путем. Вот только такой алгоритм работает потому, что монстры всегда знают весь уровень целиком. В отличие от игрока.

— И что это значит? — спросил Пип.

— Не знаю, — вздохнул Зиро.

Попутно, Инфинити возводила вокруг управления сплошную стену из ящиков. В качестве строительного материала она использовала контейнеры из дальнего левого угла склада, сплошь заставленного ими, один сплошной массив из ящиков. Она снимала их слоями, начиная с верхнего, и, один за другим, переправляла на периферию. Добралась до самого нижнего слоя. Внезапно, стол издал резкий предупреждающий сигнал, замигало сообщение ошибке. Один из контейнеров не хотел подниматься. Кран схватил его, но не мог оторвать от земли. Поле, в котором отображались идентификационные коды контейнера, было пустым.

Инфинити пожала плечами и нацелилась на другой.

— Погоди-ка, — остановил ее Казимир. — Увеличь масштаб. — Инфинити снова навела манипулятор на странный ящик. Увеличила изображение, резко раздвинув сведенные вместе указательный и большой пальцы.

Ящик был вмурован в бетонное покрытие.

Казимир просиял.

— Это не дивчина, это какой-то целый клад, — сказал он,

широко улыбаясь, — Молодчина, Инфинити! Это оно, черт его дери!

018: Паутина

Этот день Человека-Паука начался как обычно. Но был ли это день? Кругом была обычная непроглядная темень. Человек-Паук протянул руку, включил свет. Часы, скрученные им с какой-то приборной панели, показывали 8.30, но это была чисто умозрительная цифра — он просто подогнал часы под свои циркадные ритмы. Человек-Паук, кряхтя, вылез из гамака.

Подошел к столику из деревянных коробок. Оделся, в свое латаное-перелатанное тряпье. Перед треснувшим зеркалом расчесал волосы и бороду расческой, наполовину утратившей зубы. Совсем уже седой, грустно подумал Человек-Паук, созерцая свое отражение. Собрал свои длинные, почти до плеч, волосы в хвост и перехватил резинкой.

Отломил кусок от плитки сушеной прессованной спирулины и, без всякого выражения на лице, тщательно прожевывая и запивая водой, съел свои витамины. Пошел в спортзал. Такой же сырой бетонный мешок, как и все остальные комнаты его «квартиры» — там стояла самодельная штанга, гантели, висел турник и кольца. Человек-Паук размялся и начал зарядку. Подтягивания. Отжимания. Гантели на бицепс, жим штанги на пресс, и т. д. последовательно, на все группы мышц. Отработал программу по-полной. Выравнивая дыхание, Человек-Паук разглядывал свое мокрое от пота тело. Ни грамма жира, рельефная мускулатура, сплошные жилы. Превосходная форма, особенно учитывая его обстоятельства. И как часто бывало, в его голове возникала гаденькая мыслишка: зачем это все? Но Человек-Паук знал, что если он хоть немного начнет развивать эту мысль, она моментально загонит его трясину затяжной депрессии. И Человек-Паук ее решительно задавил.

Он включил электрокотел, нагрел воды, принял душ, используя в качестве мыла глицерин, который варил из лягушек. Трубный глас в его животе возвестил, что неплохо было бы поесть. Человек-Паук подождал, пока высохнут волосы, надел брезентовый плащ и резиновые сапоги-болотники, взял сачок с ведром, и пошел за завтраком. Или за обедом. Или за ужином.

Он шел по шпалам, и, размахивая сачком в такт, громко пел:

— There is! A house! In New Orleans! They call! The Rising! Sun! Па-пара-парарам!

Он пел старый хит группы The Animals, который у него крутился в голове, с самого пробуждения. Странное дело, эта музыка, приходящая из сна. Кто ставит пластинки? Почему,

например, именно «House Of The Rising Sun»? Это была не самая любимая песня Человека-Паука у «Энималз». Она казалась ему слишком пафосной, патетичной. Но сейчас она почему-то была самое то. Голос его отражался эхом от черных стен туннеля, освещенного разномастными лампами. То, что, он, вероятнее всего, никогда не увидит больше восходящего солнца, наполняло его голос дополнительными трагичными обертонами.

Когда-то в Воркуйске-8 пытались построить метро. Ничего, конечно, не получились. Слишком много воды, туннели обваливались. Успели построить коммуникации, соединяющие основные заводы с Южным Терминалом, начали, было, прокладывать туннель до Иглы, и тут до всех дошло, что метро под болотом не проложишь. Метро забросили, кое-кого из руководства посадили, чтобы знали, как в пустую расходовать народные средства. Человек-Паук был в этом подземелье совершенно один.

У заржавевшего в бурую пыль подземного бура, он свернул в боковую шахту. Она шла вниз и кончалась небольшим прудом, который образовался после его неудачной попытки докопаться до поверхности. Человек-Паук тогда напоролся на подземные воды, часть туннелей затопило, а сам он чуть не утонул. После этого он окончательно смирился с тем, что навечно заперт здесь.

Он подошел к берегу пруда, размотал сачок. Здесь Человек-Паук разводил рыбу. Он покормил рыбу мотылём, зачерпывая извивающихся красных червячков алюминиевой кружкой из корыта. Поверхность воды забурлила. Человек-Паук, подтянул сапоги, зашел в воду, и начала орудовать сачком, вытряхивая бьющиеся в агонии скользкие рыбьи тела в жестяное ведро. На обратном пути он зашел в еще одно место, там, на гнилых деревянных балках, росли грибы, мясистые серые плодовые тела без ножек, хрен знает, как они назвались, но есть можно. Рыба и грибы. Два его основных блюда. И единственных. Он вернулся домой, прошел на кухоньку. Доведенными до полного автоматизма движениями освежевал рыбу, почистил грибы, поджарил все это на электроплитке и толи позавтракал, толи пообедал, толи поужинал.

Всё. Все ритуалы исполнены. Теперь можно было начинать жить. Если это можно назвать жизнью. Нет, нет! Не думать об этом! Человек-Паук вытер губы, и пошел в аудио пещеру, большой зал со сферическим потолком. Он выбрал его, потому что здесь была практически идеальная акустика. Человек-Паук был тонким ценителем воздушных вибраций.

У дальней стены стояла его гордость, его смысл жизни — его хай-фай. Точно в аудиоцентре установлено старое,

продавленное, кресло, в котором он слушал музыку. Еще здесь был рабочий стол, весь заваленный радиодеталями, за этим столом Человек-Паук занимался бесконечной модернизацией своей аудиосистемы. Кроме этого ему здесь было нечем заняться. Раньше он еще много снимал, в пещере была небольшая ниша, вход в которую был завешен куском брезента, там была его фотолаборатория.

Человек-Паук откинул полотнище, заглянул внутрь. Все в пыли. Фотоувеличитель кюветы, пинцеты, красные лампы, посеревшие от времени пачки фотобумаги, пакеты с фотографическими химикатами — все это давно стояло без дела. Человек-Паук давно не фотографировал. Некого. Его специализация — женский портрет, ню, но у него давно не было модели. Но раньше…. Человек-Паук смотрел на стены пещеры, завешанные многочисленными фотографиями. Черно-белые отпечатки под стеклом, разного размера. Фотографии замученных им женщин. Отпечатки смерти. Тщательно задокументированная агония его жертв. Человек-Паук похищал женщин и здесь, в этой пещере, с наслаждением мучил их и насиловал, все тщательно фотографируя на память. Человек-Паук с удовольствием разглядывал свои снимки. Он очень гордился своими фотографиями. У него был, что называется, глаз. Всегда тщательно выверенная композиция, незатасканные ракурсы, игра света и тени — все на месте. В уголке каждой фотографии номер, написанный от руки, номер жертвы. Всего он успел убить семнадцать сучек. Все они были здесь, кроме сучки-номер-один. Ее он убил спонтанно.

Человек-Паук медленно шел вдоль стен, разглядывая фотографии, увитые паутиной. Человек-Паук специально вбивал в стены гвозди, чтобы паучкам было удобно вить свои тенты. Ему очень нравился этот эффект — таинственно мерцающая паутина, поверх изуродованных женских тел. Человек-Паук любил пауков, а пауки любили его. В его пещере их было множество. Человек-Паук пригладил бороду. Воспоминания…. Даже их у него почти не осталось. Время, неумолимо, как абразивный порошок, полирующий линзу, стирало его память, и теперь, когда он смотрел на поблекшие отпечатки прошлого, в его голове не возникало ничего, кроме руки с ножом и кровавых пятен. Человек-Паук почувствовал знакомое шевеление внутри головы, в районе затылка. Он всегда шевелился от этих мыслей. Шевелился. Это максимум. Паучок в его голове давно спал. Поджал лапки, окутал себя коконом, Иногда он не чувствовал его месяцами. И он очень скучал по нему. По тем славным временам когда, они были единым целым и охотились на ночных улицах

Воркуйска… Азарт, сладкий запах страха их жертв…. Человек-Паук поймал одного паучка, мелкого, бледного, почти лишенного пигментации. Паучок спокойно сидел на его ладони. Они его не боялись. Человек-Паук вздохнул, и посадил его обратно.

Мало кто любит пауков. Фобия, на уровне генов. А Человеку-Пауку они нравились. С детства. Они завораживали его своим совершенством. Идеальный организм, идеальная машина убийства. В голове его не укладывалось, как, эволюция, этот слепой механизм, могла создать такой шедевр? Как в этих крошечных ганглиях, умещаются сложные расчеты, необходимые при постройке паутины? Как возникли все эти чудеса приспособляемости? Все это видовое разнообразие?

Великое множество тайн, который он когда-то мечтал раскрыть. Ребенком он мог часам сидеть и наблюдать за крестовиком на паутине. Он читал про них, спиртовал в баночках, рисовал в дневнике наблюдений за природой. Позже, когда увлекся фотографией, стал фотографировать. Вообще, он был увлекающейся натурой. Родители, друзья, все думали, что после школы он будет поступать на биофак, но он пошел учиться на инженера. На самом деле ему хотелось повторить это биологическое совершенство в механике. И, плюс к тому, у него была склонность к техническим наукам. На вступительных экзаменах в политехнический, он встретил свою будущую жену. Как же её звали? Человек-Паук не мог вспомнить, ее имя было надежно похоронено под слоем паутины. Он влюбился в нее с первого взгляда. Сейчас он не помнил не только ее имени, но даже лица, на его месте было только какое-то смазанное пятно. Но она была красавицей, он помнил, что она была красавицей. Все так считали. Мужчины были от нее без ума. И она искренне считала, что все мужчины на свете существуют только ради нее. Человек-Паук любил ее без памяти, но они были, что называется, разные люди. Он, стеснительный интроверт, с невыразительной внешностью, имел мало шансов. К его увлечениям она была тоже равнодушна. Она зевала, когда он с жаром рассказывал ей об особенностях поведения тропических пауков-птицеедов. Мило, говорила она, равнодушно перебирая его фотографии. Он обожал ее фотографировать. Изводил на это прекрасное лицо, которое теперь не мог вспомнить, километры пленки. Она позировала неохотно. Жалко ей было своей красоты. Она засыпала во время прослушивания новых пластинок, которые Человек-Паук покупал на толкучках у, как говорили на комсомольских собраниях, зарубежных агентов влияния. Единственное увлечение, которое она признавала, была она сама.

Они были не пара, Человек-Паук это осознавал, но ничего

поделать с собой не мог. Сердцу не прикажешь. Он добивался ее методично, обреченно, как заключенный с пожизненным сроком, пилкой для ногтей роет подземный ход на свободу. И он все-таки добился своего. Его специальность была радиоэлектроника и он что, называется, подавал надежды. После политеха Человеку-Пауку предложили работу в В8. В те годы, путевка в закрытый город считалась удачей, там по крайне мере не надо было давиться в очередях. А у нее был тот момент в жизни, когда надо было что-то решать. И он оказался рядом в нужный момент. Она согласилась выйти за него. Как потом она неоднократно отмечала, это было главной ошибкой ее жизни. Они поженились и ухали в В8. Некоторое время Человек-Паук был абсолютно счастлив. У него была интересная работа, любимая женщина и его увлечения. Детей, правда, не было. Детей она не хотела. Не сейчас, говорила она. Рано. Подождем. Он был счастлив, но она все испортила. Блядь, ну как же ее звали? Человек-Паук потер лоб. Сейчас он спокойно понимал — она его никогда не любила. Ей нравились другие мужчины — большие, сильные самцы с волосатой грудью, способные изменить мир по своему усмотрению, одним волевым движением брови. Держа её при этом на руках. Как она потом говорила, в гневе выплевывая слова, она решила, что он сможет сделать карьеру, выбиться в генеральные конструкторы или что-то вроде того и осыпать ее бриллиантами. Может он, и правда, мог бы. Но ему больше нравилось лежать в траве с лупой, наблюдая за жизнью мелких тварей, снимать и слушать музыку. Бесконечной чередой пошли скандалы. Она назвала его пауком, говорила, что он высосал из нее все соки. Что он погубил ее молодость и красоту. Что он обманом заманил в свою паутину. Что он ничтожество, бездарь и ничего не может добиться в жизни. И все такое прочее. Причина скандалов, впрочем, быстро вскрылась. Как выяснилось, его жену трахает весь Воркуйск. Сам Человек-Паук, как водиться, узнал об этом последним. Еще один скандал, громче обычного, и она ушла. Человек-Паук остался один на один со своими арахнидами, пленками, пластинками. Один на один со своим одиночеством. Не смотря ни на что, он продолжал любить ее. Он ушел в длительный запой, заливая свое горе разбавленным техническим спиртом. Ища забытья, он упивался в тину и целыми днями слушал музыку.

Как-то поутру, находясь в привычной похмельной депрессии, он наблюдал за паучком, который свил паутину меж оконных рам. Смотришь на это, думал Человек-Паук, и всегда диву даешься, как же он туда забрался? Удивительно, хотя нечему тут удивляться. Человек-Паук, как инженер, это понимал.

Стандартное советское окно представляет собой бессмысленное сочетание бесполезных плоскостей, соединяющихся под самыми неожиданными углами, и состоит, в основном, из щелей. Он смотрел на паучка и думал, что они очень похожи. Он вот, тоже, ловил свое счастье в безнадежном месте. И теперь, тоже, живет бессмысленной надеждой. Что всё вернется, что всё будет как раньше. Ну, подумал он, ему-то я могу помочь. Он взял отвертку и развинтил раму. Поймал паучка, посадил на ладонь. Паучок не пытался убежать, спокойно сидел на ладони. Человек-Паук поднес ладонь к лицу, чтобы разглядеть его получше. И тут паучок прыгнул, прыгнул вертикально вверх, и попал в его левую ноздрю. Человек-Паук попытался вычихнуть его, но не тут то было. Паучок пролез через нос прямо в его мозг. И ему там, видимо, понравилось. Он поселился в его голове. Свил гнездо между полушарий, оплел извилины паутиной. Сначала Человек-Паук очень испугался. Но паучок не желал ему зла. Наоборот! Через некоторое время, они начали разговаривать друг с другом. Паучок говорил, что они станут друзьями. Что он любит его, и поможет ему. Что он такой же, как и он, паук, и он знает, что ему нужно. Он залатал его разбитое сердце своей липкой паутиной. Горе ушло. Медленно, но верно, Человек-Паук стал меняться. Все его чувства обострились. Его слух стал острее, раньше он носил очки, теперь они стали ему не нужны. Его мускулы налились силой, и кажется, он даже стал выше ростом. Вообще, он стал чувствовать мир по-другому, более глубоко, на более низком уровне. Словно он перешел с языка программирования на машинный код бытия. И однажды он прозрел. Он увидел, как он называл ее про себя, Великую Паутину.

Эта Великая Паутина была везде, и она была всегда. Это была особая паутина, нематериальная сила, поле, если угодно, которое связывало воедино весь сонм идей, вещей и событий. Это была сама основа Вселенной, та сила, что делала мир, таким как он есть. Человек-Паук чувствовал Великую Паутину каким-то непостижимым способом, он чувствовал, *как* все связано, он мог расшифровывать вибрации ее невидимых нитей, непрерывно передающих информацию. Это выглядело как спонтанные интуитивные озарения, образы, внезапно возникающие в его сознании. Он научился предугадывать события, предугадывать будущее. Он мог по своему желанию впадать в особый паучий транс, соединяться с Великой Паутиной, и анализировать последствия своих действий на глубинном, интуитивном уровне. Это давало ему огромные преимущества. Теперь он мог просчитать любую ситуацию на множество ходов вперед. Как такое возможно? У Человека-Паука была теория на этот счет. Он

не сомневался, что пауки чувствуют эту связь, что они живут в этой Великой Паутине. Они существа микромира, для них это проще. Он считал, что паучок своей паутиной закоротил по-особому его нейронные связи, наставил путинных перемычек, перепрограммировал его сознание. Паучок подарил ему свое паучье виденье.

Человек-Паук бросил пить, вернулся на работу. Общественное мнение отнеслось к его проблемам с пониманием. Снова стал чертить электронные схемы в своем КБ. Единственное, правда, о чем настойчиво просил паучок в его голове, чтобы он убивал женщин. Тут паучок был непоколебим. Ему нужны были жертвы. Поначалу Человек-Паук пытался бороться с внезапно накатывающим на него желанием насиловать и убивать. Пытался относиться к этому с юмором. Мол, ну и шутник ты, паучок, что поселился в моей голове. Но однажды… Поздний вечер, пустынная улица, стук каблучков…. Неожиданно для себя самого, он напал на нее. Повалил на землю, трахнул, перерезал горло резаком для бумаги. Рядом с трупом, нарисовал ее помадой путину на асфальте. Паучок в его голове показал кто тут, на самом деле, хозяин. Это бы поворотный момент. Трансформация окончилась. Он понял, кто он и чего ему нужно. Он стал Человеком-Пауком. Самым страшным кошмаром Воркуйска-8.

Началась более веселая жизнь. Больше никаких спонтанных убийств не было. Нет, только тщательный паутинный расчет. Он всегда выбирал красивых, уверенных в себе, самок. Таких было особенно приятно унижать. Унижать, трахать, мучить этих долбанных шлюх. Они ползали перед ним на коленях, моля о пощаде, забыв о своей гордости. Но паук глух к словам, для него не существует морали. Мораль это для двуногих, а не для восьминогих. Паук просто хищник, движимый инстинктом.

Он выточил себе два когтя и свил гнездо в заброшенном метро. Перетащил туда свою аудиосистему, оборудовал фотолабораторию, чтобы в мертвой тишине подземелий предаваться своим хобби. Он держал в страхе весь город, но никто и подумать на него не мог. Как же. Тихий, скромный инженер, мухи не обидит. Вы слышали, про его бывшую жену? Вот бедняга!

Паучок сделал его мастером мимикрии, и Великая Паутина всегда спасала его. Он так и не понял, как его вычислили. Эта тайна до сих пор не давала ему покоя. Это мог быть только какой-то другой паук, думал он. Который знал его тайну. Знал про Паутину. Система сломалась на номере 17. Он обманулся, клюнул на подсадную утку. Он выслеживал другую телку. Та, другая, была очень похожа на нее — рост, прическа, одета так же,

даже духи такие же — со спины один в один. Эта девка работала в органах и согласилась стать приманкой. Потом, под пытками, она рассказала ему, что в милицию пришло анонимное письмо с указанием места, времени и примет его следующей жертвы. Обычно Человек-Паук усыплял свою жертву хлороформом и тащил под землю. Так было и на этот раз, но оказалась, что его преследуют. Все. Гебисты, милиция, дружинники и солдаты. Его люто ненавидел весь город. Они спустились за ним в его подземелье. Но взять его было не так просто, он-то знал эти туннели как свои пять пальцев. В конце-концов, его стали забрасывать гранатами. Взрыв обрушил большой участок магистрального туннеля, навсегда отрезав его от выхода на поверхность. В бессильной злобе Человек-Паук так надругался над номером 17, как никогда. Труп потом съел. Поначалу-то жрать было нечего…. Жилистая была, тварь. Он сплюнул. Но что толку? Он оказался заживо погребен в этом чертовом метро. С тех пор прошло много лет. Сколько, он избегал считать. Но та примитивная тяга к жизни, которой наградил его паучок, помогла ему выжить. Не понятно только зачем.

Человек-Паук горестно вздохнул. Воспоминания, воспоминания…. А что теперь? Теперь у него остался только шкаф со старыми пластинками и пачка фотографий. Даже единственный друг, паучок в его голове, бросил его. Паучок поджал лапки, окутал себя коконом и заснул. Нет новых жертв — нет и дружбы. Человек-Паук остался совсем один. И если бы не музыка…

Человек-Паук смотрел на свой хай-фай. Ему хотелось его обнять. Если бы не музыка, он бы давно сошел с ума от тоски. Но с музыкой было легче. Все свое время он посвятил модернизации аудиосистемы, благо энергии и материалов у него было предостаточно. Человек-Паук с благоговением взирал на дело рук своих. Две колонки высотой почти в его рост, на каждую из них ушло по три сотни динамиков и несколько лет работы, не колонки, а целые аудиобашни. Но главное, конечно же, усилитель. Главный предмет гордости Человека-Паука. Бесконечные доработки превратили этот некогда простецкий аппарат в чудище по обработке звука, объемом в несколько кубических метров. У усилителя не было кожуха, и оттого казалось, что весь этот сонм ламп и проводов сам вырос из земли, как грибы. Проигрывателю тоже досталось — весь в дополнительных пружинах и подвесах.

Человек-Паук дернул рубильник, начал прогрев ламп. Открыл дверь высокого металлического шкафа, где он хранил коллекцию винила. Человек-Паук провел рукой по корешкам

конвертов. Он собирал пластинки всю жизнь, эти винилы, пожалуй, единственное, чем он по-настоящему дорожил. Каждая пластинка была бережно обложена пенопластом и завернута в полиэтилен, чтобы защитить от этой проклятой сырости. Сегодня будет Пинк Флойд, «Dark Side Of The Moon», решил Человек-Паук. В последнее время он переслушивал свою коллекцию прог-арт-рока. Начал с истоков и продолжал в хронологическом порядке. Он во всем любил систему. Человек-Паук осторожно извлек пластинку из конверта и придирчиво осмотрел поверхность винила под разными углами. Это было редкое японское издание на тяжелом виниле. Когда-то Человек-Паук отдал за эту пластинку половину зарплаты, но ни разу об этом не пожалел, потому что японский тяжелый винил — самый лучший тяжелый винил в мире. Стараясь не дышать на пластинку, Человек-Паук снял стеклянный колпак с проигрывателя, насадил пластинку на шпиндель и опустил головку на первую дорожку. Пластинка заскрипела.

Человек-Паук сел на кресло, снял обувь, поставил босые ноги на сырой цементный пол. На второй композиции он понял — что-то не так. С какого вдруг так вылезли барабаны? Барабаны забивали всю детальность. Да и общая звуковая картина стала как-то суше, что ли. Человек-Паук любил сочный, влажный звук. Последний раз, когда он слушал этот винил (а это было не так уж давно) он звучал совсем не так. Где глубина, где резкость? Музыка не раскрывала.

Человек-Паук вскочил и принялся нервно расхаживать взад-вперед. Почему? Что, что не так? Он сделал музыку громче. Деревянная ручка была, как и положено, у серьезных аппаратов, в самом низу, и для того, чтобы изменить громкость, надо было отвесить усилку глубокий поклон. Человек-Паук слушал звук с разных точек, так и сяк вращая головой. Та же ерунда. Глушняк какой-то. Болото мутное. Человек-Паук почесал в затылке отверткой. Так, сказал он сам себе. Спокойно, паучок. Последний раз я слушал «Темную Сторону» уже после того, как довел до конца твикинг нижнего спектра верхних частот, так? Так. После этого я вроде бы ничего не менял. Может, просто лампы не прогрелись? Он оглянулся на лампы. Да нет… Что же тогда? И тут Человека-Паука осенило. Провода! Конечно же.

Вчера он экспериментировал с кабелями. Человек-Паук обесточил усилитель, развинтил клеммы блока питания, извлек сетевой кабель, толщиной в пол его руки. Перевернул его наоборот, и вновь посадил на винты. Снова запустил пластинку, и на лице его расцвела улыбка. Надоедливые барабаны вновь заняли полагающееся им в звуковой картине место. Вернулась

глубина и резкость, вся муть рассосалась. Человек-Паук облегченно выдохнул и шутливо погрозил усилителю отверткой. Хотя, конечно, он сам был виноват. Сам перепутал. Стоило поменять полярность силового кабеля и все стало на свои места.

Человек-Паук снова устроился в кресле, намереваясь целиком отдаться прослушиванию, однако где-то на середине альбома его стало клонить в сон. Человек-Паук шумно зевнул. Конечно, «Темная Сторона» это гениальная работа, ведь в процессе ее записи Алан Парсон впервые применил четырехканальное сведение, а это установило новый стандарт звукозаписи на годы вперед. Ну и вообще, концептуально. Шедевр, кто бы спорил. Но он слушал этот шедевр тысячи раз. За время своего заточения, Человек-Паук растерял почти все желания, кроме двух — замучить еще какую-нибудь суку и послушать что-нибудь новое. Человек-Паук задремал на композиции «Большое шоу на небесах». Заснул, и ему приснился странный сон. Очень странный.

Ему приснилась Великая Паутина. Она висела в небе, и не было ей ни конца, ни края, многомерная, бесконечная, не одна паутина, а великое множество паутин, тесно переплетенных между собой. Человек-Паук прилип к ней крепко-накрепко. Он присмотрелся — нити Великой Паутины были не однородны, они стояли из малюсеньких, слегка мерцающих, ниточек, целых и разорванных. Человек-Паук пытался освободиться, дергался, как мог, но в результате, все больше увязал в ней; в конце концов, он запутался так, что не мог даже пошевелиться. Все, что ему осталось, это наблюдать, как сквозь белое ажурное кружево во тьме мерцают далекие звезды. Внезапно, Человек-Паук ощутил вибрацию. Нити паутины задрожали, кто-то приближался к нему. Он вытянул шею — по Паутине к нему ползла женщина. Женщина с восьмью ногами. Это Арахна, сразу понял Человек-Паук, она словно сошла с той картины, неизвестного художника эпохи Ренессанса, что так поразила его в детстве. Арахна, та самая гениальная ткачиха, из древнегреческих мифов, что превзошла в искусстве ткачества саму Афину. За это, эта старая склочница, превратила Арахну в паука, дав начало всему паучьему роду. Арахна подползла ближе. У нее было красивое восточное лицо, густые черные волосы водопадом падали на изящные плечи. Арахна нависла над Человеком-Пауком, сложила руки на груди и сказала:

— Ты отличаешься от других.

Человеку-пауку было очень страшно.

— О великая Арахна, мать всех пауков! Не убивай меня! Я ведь тоже паук! Такой же как ты! — залебезил он.

— Паук! — фыркнула Арахна. Волосы ее зашевелились. Они поднялись вверх, словно она висела вниз головой, словно гравитация для них ничего не значила. Черные волосы Арахны плавно колыхались, как колышется хлебное поле от легкого ветерка. Каждый ее волос оканчивался тонкой острой иглой. И все эти иглы разом вонзились в голову Человека-Паука.

Его захлестнул ужас предстоящей боли, но это был сон, и все было совсем не больно. Человек-Паук расслабился.

Арахна начала вить паутину. Из пальцев ее текли белые нити, руки ее двигались так быстро, что Человек-Паук не мог уследить за ними, он видел только последствие этих движений — белое кружево, которое стремительно расползалось вокруг Арахны во все стороны. Паутина, такая большая, что Человек-Паук моментально потерял из виду ее край. Пальцы Арахны замерли. Волосы ее опали, отпустили голову Человека-Паука. Арахна схватила свою паутину и встряхнула. Она наложила ее на Великую Паутину. Некоторые сегменты ее паутины поменяли цвет — те части, что совпадали с Великой Паутиной, стали светиться ярче, остальные, наоборот, как-то потускнели, посерели.

Арахна задумчиво смотрела на дело рук своих.

— Посмотрев на сломанное, легче понять, как работает целое, — сказала она сама себе.

Внезапно, Человек-Паук снова оказался в аудиопещере. Он был не один. На веревках висела девушка. Рыжеволосая, небольшого роста, и странно, на вкус Человека-Паука, одетая. Слезы текли из ее больших глаз, полные губы дрожали. Она была в его власти. Наконец-то, возликовал Человек-Паук, в руках он держал нож. Человек-Паук расстегнул брюки и…

Снова оказался в Великой Паутине. Арахна стояла рядом, слегка покачиваясь на четырех парах стройных ног.

— Ты хочешь этого? — спросила она.

— О да, — простонал Человек-Паук. — Очень хочу, моя богиня!

— Ну так сделай же что-нибудь для этого, бездарь! — плюнула гневом Арахна, обнажив длинные острые клыки.

Паутина стала отдаляться, и Человек-Паук вдруг понял, что это он не в Великой Паутине запутался, а в схеме своего усилителя. Он вдруг увидел ее целиком, четко и ясно и эта схема была…

Гениальна. Человек-Паук проснулся. Схема стояла перед глазами. Он подбежал к рабочему столу, схватил лист бумаги и торопливо начал рисовать, пока видение не растворилось в его памяти. Нда, подумал он, глядя на исписанный лист. Великая

Паутина. Мать моя Арахна. Неужели я дал такого маху? Надо все это проверить! Срочно! От возбуждения у него тряслись руки. Он сел за свой компьютер, старая советская Электроника, с монохромным монитором и с почти стертыми клавишами на клавиатуре. Человек-Паук включил компьютер, с третьего раза загрузился с огромной дискеты. Запустил программу, которую он написал для расчета электронных схем. Забил в нее новые данные и стартанул обсчет. Электроника глубоко призадумалась и через некоторое время, дырча дисководом, выдала результат. Да, признал Человек-Паук. Он бездарь.

В свое время он пошел не тем путем. Как говорится, свернул не туда. Долгое время он все больше и больше усложнял схему, а на деле получалось, что все его нововведения только снижали эффективность. А решение-то было на поверхности. Простое, изящное решение. Половину этой хрени, что он нагородил в последние годы, надо было выкинуть. Сделать несколько несложных перестановок, кое-что добавить и мощность усилителя возрастала раза в два. По меньшей мере. Человек-Паук распечатал результаты расчетов на гремящем матричном АЦПУ и составил список нужных деталей.

Детали он брал в мусорных туннелях. Единственное применение, которое нашли в Воркуйске-8 этому недоделанному метро — сбрасывать сюда мусор. И Ламповый завод и ВЗКА долгие годы сбрасывали сюда отходы производства, чем обеспечили Человека-Паука неиссякаемым источником деталей — из этого хлама Человек-Паук и построил здесь все. Ему нужны были лампы, и он отправился в мусорный туннель Лампового завода. За то время что он здесь пасся, он протоптал множество тропинкок, среди гор самых разнообразных радиоламп; свет фонаря множественно переломлялся в них, рисуя на потолоке и стенах чудные узоры. Вооруженный толстым томом определителя ламп, Человек-Паук без труда нашел все, что нужно. Он почти бегом вернулся домой. Ему не терпелось взяться за работу.

Он разогрел паяльник. Ну, Арахна мне помоги, пробормотал он и нырнул в нутро усилителя. Работа так увлекала его, что он совершенно потерял счет времени. Когда он закончил, то едва стоял на ногах от усталости. Но это не имело значения. Ну что ж, посмотрим. Точнее, послушаем, сказал себе Человек-Паук, довольно потирая руки. Пусть это будут «Цеппелины», решил он. Он выкрутил громкость на максимум, поставил пластинку, и опустил головку на винил. Скрип пластинки ударил по ушам как артиллерийский залп. Человек-Паук в панике зажал уши. Когда Джимми Пэйдж ударил по струнам, вся пещера заходила ходуном. Колонки источали тяжелые волны вибрации,

звуковая волна больно била Человека-Паука грудь, на голову с потолка сыпалась бетонная крошка, со стен падали фотографии. Как его выключить без рук? — в панике пытался сообразить Человек-Паук. Ему казалось, что если он отнимет руки, его голова взорвется от этого дикого рева. Внезапно, музыка стихла — в усилителе выстрелили предохранители. Человек-Паук, опустил руки. Ни хрена себе, просипел он. Некоторое время он просто стоял, наслаждаясь сладостной тишиной. Спину холодило. Человек-Паук обернулся. Дальнюю стену, напротив колонок, прорезала широкая трещина. И оттуда тянуло свежестью. Он взял фонарь, подошел к стене. Луч света проник наружу, и осветил начало неизвестного Человеку-Пауку туннеля. Оглушенному Человеку-Пауку понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это значит.

Он свободен.

019: Красная ртуть

Диск пилы, с наноалмазным напылением, рассыпая искры, с визгом вгрызся в металл — Казимир взрезал замок странного контейнера «болгаркой», которую он прихватил в гараже.

Где-то, за рядами ящиков, бродили сомнамбулы — напоследок Инфинити провела безопасный коридор прямо к этому месту. Иногда зомби зачем-то начинали молотить кулаками по железу.

Казимир выключил пилу и пнул дверь. Створки контейнера отворились.

Внутри не было ничего, кроме бетонированной дыры в полу и торчавшей из нее железной лестницы.

— Я знал, — сказал Казимир, и решительно шагнул внутрь.

Путь вниз освещали редкие светодиодные лампы. Гулко топая по железным степеням, держась за холодные сырые перила, они спускались вниз по узкой лестнице. Шахта была довольно глубока, они преодолели шесть или семь длинных пролетов, прежде чем ступили на землю.

И оказались в подземном туннеле, скоре всего, одно из ответвлений заброшенного воркуйского метро.

И в этом туннеле стоял поезд.

— Вот он! — торжествующе воскликнул Казимир. — Луч света в темном царстве! — Он косо глянул на Зиро, и ухмыльнулся.

БЖЛК Кинжал походил на поезда-пули с поверхности, только более хищный, острый, меньше этой аэродинамичной зализанности; он и, правда, смахивал на кинжал. Кинжал состоял из пяти округлых вагонов, соединенных эластичной гармошкой, и похожего на дротик локомотива. На локомотиве, с каждого боку, как два уха, висело по самолетному реактивному двигателю.

Они подошли ближе. Четыре задних вагона никак не отличались друг от друга, глухие, черные, без окон и дверей. Зиро провел рукой по его боку — металл был покрыт слоем высокомолекулярного полиэтилена. Первый вагон немного отличался, внизу, у платформы проглядывали мощные сочленения гидравлического подъемника, похожие на поджатые ноги кузнечика.

Кинжал был насажен на монорельс, темная лента из-под локомотива бежала вперед, в глубь сумрака туннеля.

— Они, что, втихаря до Москвы монорельс проложили? — Зиро почесал в затылке.

Казимир нагнулся и заглянул под днище поезда.

— Колеса есть, но они как бы, — он показал, повернув прямую ладонь, — поджаты внутрь.

— А не проще было к нему крылья приделать? Он бы полетел, — сказал Пипетка.

— Интересно, какой у него лазер? С ядерной накачкой? — Зиро в сомнении, покачал головой — Какой-то он слишком маленький. Реактор не влезет.

— Слушайте, вы мне такие вопросы задаете… — сказал Казимир, — Для меня все это тоже в первый раз.

Он подошел к двери локомотива, дернул за ручку. Дверь была заперта. Казимир внимательно изучил замок, завел «болгарку» и начал аккуратно пилить.

Пока Казимир пилил, Зиро думал. Он думал, что после этого, самого масштабного теракта в истории, затеряться будет проще простого. Что он, давно, как и многие в В8, обходя заперты, выводил кое-какие деньги за границу. И этих денег, со всеми этими смешными ценами во внешнем мире, ему хватит на спокойную сытую жизнь до старости. В каком-нибудь маленьком благополучном государстве, где ничего не происходит. И гори оно все красным лазером. Правда, на что похожа эта тихая-спокойная жизнь, Зиро представлял себе смутно: картинки этого вида будущего, напоминали глянцевые, рекламные развороты из журналов, в которых почему-то часто фигурировал Инфинити, которая, сейчас, скрестив руки на груди, наблюдала за Казимиром. Так что он будет делать в этом будущем, которое возможно скоро настанет?

— Книгу напишу, — пробурчал Зиро, неожиданно для себя, ответив вслух расхожим штампом.

— Чего? — Пип непонимающе взглянул на него.

— Да ничего, ничего, — смутился Зиро. — Я так просто.

Тоже мне, выдумал себе проблему. Не об этом надо думать сейчас!

Крамольник открыл дверь и полез внутрь. Зиро последовал за ним. Казимир включил фонарик: кабина Кинжала больше напоминала кабину самолета, чем поезда. Пульт в два ряда, мертвые ЭЛТ-мониторы, клавиатуры, ряды тумблеров и кнопок, — в духе советских инженерных традиций компьютерную систему управления дублировала электромеханика. Первые два кресла авиционного вида предназначались машинистам (или пилотам, черт знает, как в таком случае их называть), два позади второго пульта для стрелков. На втором пульте схема изображала лазерную пушку в боевом положении — лампа была в первом вагоне, подъемники поднимали его над составом. Пушка управлялась джойстиком. Еще Зиро разглядел кнопки системы

подавления радиосвязи. Значит, понял он, Кинжал должен был забивать помехами коммуникации противника, по пути следования. Типа передвигаться в некоем пузыре информационного вакуума. Умно.

Луч фонаря Крамольника остановился на ряде тумблеров с надписью «пуск».

Казимир заулыбался.

— Вот так меняется история, — провозгласил он, сбросил защитный колпачок и последовательно, щелкнул каждым из них. Под ногами что-то загудело, включилось освещение. Пульт ожил: замигали индикаторы, засветились дисплеи.

По дисплеям поползли строчки системных сообщений: «Загрузка…» «Проверка систем…» «Ведите пароль». На центральном дисплее появилось пустое поле.

— Пароль? — улыбка погасла на лице Казимира. — Пароль… Хмм…

Он что-то отстучал на клавиатуре, ввод закрывали звездочки.

«Пароль неверен»

Казимир попробовал еще.

«Пароль неверен, неверен, неверен, неверен» — один ответ на все попытки Крамольника.

Зиро присел в кресло второго пилота-машиниста.

Казимир убрал руки от клавиатуры, и с выражением глубочайшей задумчивости, принялся массировать подбородок.

Зиро, подался вперед и одной рукой быстро отстучал «кутузов».

«Пароль принят».

«Инициализация системы».

— Что ты написал? — пораженно спросил Казимир.

Зиро был поражен не меньше Казимира.

— Кутузов.

— Кутузов? Ха-ха-ха! — Казимир громко рассмеялся, запрокинув голову. — Джэкпот! Браво, Зиро! Кутузов! — Казимир вытер тыльной стороной ладони выступившие слезы. — «Чтобы спасти Россию, надо сжечь Москву». Да, у хлопцев все в порядке с юмором.

Зиро откинулся в кресле, хаос в голове. Хорошенький юмор. Кто прислал ему пароль?!

Мощные фары поезда осветили туннель.

«Автопилот включен», — сообщил бортовой компьютер. «Внимание! Пристегнуть ремни! Старт через 100 секунд!»

И пошел обратный отсчет.

Зиро торопливо завозился со сложной системой ремней.

Инфи и Пип занял места стрелков, и щелкнули пряжками.

«…3,2,1,0 „Старт“.

Кинжал тронулся. Поезд медленно пополз по туннелю, фары освещали серые стены, камеры обеспечивали круговой обзор. По левую руку Зиро располагались мониторы навигационной системы. На одном из них — схема воркуйской монорельса, по схеме, как челноки в прядильном станке, продолжали метаться электрички, на другом, Зиро не сразу сообразил что. Там, в реальном времени, прокладывался курс. Выглядело это так, словно Кинжал захватил управление всей Российской Железной Дорогой. Карта РЖД скролировалась вверх, на ней расставлялись навигационные метки, с непонятными аббревиатурами — Кинжал расчищал себе максимально короткий и прямой путь до столицы РФ — переводил стрелки, разводил поезда по маршрутам. Поверх уверенно ползла индикаторная полоска завершенности процесса.

Туннель плавно поднимался вверх, и они выскочили на поверхность. Некоторое время поезд ехал по узкому туннелю, образованному примыкающими к треку высокими стенами каких-то зданий без окон. Кинжал набирал скорость, и неожиданно они оказалась на кольце. На внешнем кольце монорельсовой дороги. Поезда по нему не ходили, Зиро считал, что это резервное кольцо, на всякий случай. Значит, оно было предназначено для Кинжала? Но зачем? Кинжал плавно пошел в разгон, за считанные минуты он набрал предельную для „пуль“, 330 км/ч, скорость. На пульте что-то замигало, и реактивные турбины взвыли диким воем. Поезд ракетой рванул вперед.

— Что за….! — воскликнул Пипетка.

Спидометр мгновенно сошел с ума. Перегрузка вдавила Зиро в кресло, грудь словно придавило толстенной свинцовой плитой. За какие-то неполные пять минут они сделали полный оборот вокруг города. Турбины включались и выключались через равные промежутки времени, поддерживая скорость больше 800 км/ч.

„Зарядка батарей“, — сигнализировали мониторы. Значит, вот оно как, понял Зиро, Кинжал заряжал аккумуляторы лазерной установки, которые занимали четыре последних вагона. Монорельсовая дорога города превратилась в гигантскую динамо-машину.

С громким воем, черная комета неслась вокруг города. Поезд пошел на четвертый круг. Перегрузки все усиливались, от одного взгляда в окно начинало тошнить. Позеленевший Крамольник, запрокинув голову и закатив глаза, вцепился в рукоятки кресла, так что костяшки пальцев побелели.

Адская центрифуга продолжала раскручиваться. С каждым витком дышать становилось все труднее и труднее. 34 %. Седьмой, восьмой виток…. несмотря на огромные скорости, время тянулось так же невыносимо медленно, как медленно ползла к концу индикаторная полоска зарядки батарей. Десятый, одиннадцатый… Желудок сжался до точки. Эта бешеная накрутка вытрясла все мысли из головы Зиро, не хватало сил даже на страх. Хотелось только одного — остановиться, остановиться немедленно и вздохнуть полной грудью. Еще один виток. 63 %. Еще. Голова сейчас оторвется. Еще один круг. Господи, когда же это кончится?! Еще. Навигационный компьютер рапортовал об успехе — курс до Москвы проложен. Ошибок нет. Еще виток. Господи, ну пожалуйста! 95 %. Последний виток турбины больше не включались. Зиро каждой клеточкой ощутил, что скорость Кинжала падает.

Волна расслабления пошла по его телу.

На карте монорейла подсветились ответвление от внешнего кольца, ветка упиралась в странную стрелку (на дисплее навигационного компа появилась картинка с местных камер), она напоминала секцию жд-моста лежащую на земле. В стрелку входил один рельс, а выходило два. Внезапно, в поле зрения камер попала быстро летящее темное пятно. Вертолет. Черная Акула, Может та самая, что они видели, когда все началось, а может другая. „Акула“ на малой высоте пролетела над стрелкой и исчезла с экранов.

Батареи поезда почти зарядились, скорость падала. Они сделали еще один круг. На экране радара замигала зеленая точка. „Акула“ зависла недалеко от съезда с кольца. Треугольник обозначающий поезд и точка, обозначающая вертолет, поравнялись. У Акулы под закрылками вспыхнуло пламя и от вертолета, в сторону Кинжала, начали разворачиваться две дымные полосы.

„Опасность! Ракетная атака!“ замигали сообщения, в сопровождении резкого звукового сигнала.

Понадобилось 15 миллисекунд, чтобы сигнал от зрительных нервов достиг того участка мозга, который на научном жаргоне зовется „ось страха“. Ось страха, один из самых примитивных участков мозга, переслала сигнал ужаса гипофизу, гипофиз впрыснул адреналин, и, только после этого, заработало сознание вместе со своей второй сигнальной системой.

Все пассажиры Кинжала завопили разом.

Кинжал выстрелил в небо букетами серебристых нитей, и ракеты взорвались где-то сверху и сбоку. Поезд так тряхнуло, так что он чуть не слетел с трека.

— Он отстрелил ловушки! — с каким-то сумасшедшим восторгом орал Пипетка. Сообщение об опасности исчезло, и Кинжал продолжил стремительный бег по кольцу. „Акула“ их не преследовала.

Зиро шумно выдохнул и стер пот со лба.

— Инфоком походу против сжигания Москвы, — сказал он.

— Мягко говоря, — сказал Пипетка.

— Испугались, гады, — сказал Казимир. — Ничего, хлопцы, прорвемся! Эту машинку так просто не возьмешь!

„Зарядка завершена“, — сообщил Кинжал. „Подготовка к перестыковке колесной базы“.

Они прошли почти полный круг, скорость упадала уже настолько, что взгляд мог выхватывать отдельные образы из световой круговерти за окном. Они опять приближались к развязке.

„Акула“ поджидала их на прежнем месте, подобравшись еще ближе к треку. Едва поезд поравнялся с вертолетом, тот открыл огонь из пушек. Обшивка над их головой полопалась дырами, длинная злая очередь прошила состав от головы до хвоста. Пульт взорвался россыпью красных светодиодов, „Отказ! Сбой! Отмена!“, кричали дисплеи.

Но Кинжал продолжал мчаться, мчатся по инерции.

— Пушку выбило! — кричал Пип.

— Сукасукасука! — Крамольник в бешенстве лупил кулаком по пульту. — Твари продажные!

В рваные дыры со свистом втягивало воздух.

— На следующем круге он нас достанет! — кричал Зиро. — Как его остановить?! Есть у него стоп-кран, блять? — взгляд его метался по пульту, спотыкаясь и путаясь в бесконечных кнопках. Раненый Кинжал заходил на свой последний виток.

— Я его сниму, — сказала Инфинити спокойно.

Зиро обернулся. Девушка рылась в сумочке.

— Из рогатки?! — воскликнул Пип.

— Да.

Инфинити открыла жестяную коробочку из-под конфет, которую Зиро уже видел. Достала оттуда клубок упаковочного полиэтилена с пупырышками. Развернула обертку, и Зиро рефлекторно вжался в кресло. На ладони Инфинити лежал прозрачный пластиковый шарик с красной ртутью. Такими заряжали кассетные бомбы. Шарик слегка перекатывался у нее на ладони.

— О боже мой, — проговорил Казимир. Лицо его вытянулось.

Зиро закрыл ладонями лицо.

— Ты все это время носила с собой красную ртуть? — полуутвердительно спросил он, смотря на Инфинити сквозь пальцы.

— Да. А что? Я ее хорошо замотала. — Ответила Инфи, с видом, " я не понимаю, почему столько внимания уделяется такому незначительному факту".

— За-за-замотала, — повторил за ней Пипетка и нервно хихикнул.

Красную ртуть синтезировали в В8 в конце семидесятых. Это была натурально ртуть, только красная, не столько даже красная, скорее рыжая какая-то, цвета, похожего на цвет волос Инфинити. Мощная взрывчатка, на шкале взрывной силы красная ртуть располагалась где-то посредине между ТНТ и атомной бомбой. При ударе она, как и обычная ртуть, распылялась на множество мельчайших капелек, и потом это красно-ртутное облако детонировало со страшной силой. Красной ртутью планировали начинять бомбы, но после нескольких крупных катастроф, от этой затеи отказались. Настолько отказались, что красная ртуть стала в В8 символом величественного проеба, невероятного по силе замаха без реального выхлопа, как часто случалось в советское время. Насколько красная ртуть обладала чудовищной взрывной силой, настолько же была нестабильна. Вибрация для нее была губительна, и чем больше ее было — тем нестабильнее она становилась, бомбы с красной ртутью иногда взрывались от простого толчка. Даже хранить ее было невероятно сложно и дорого, не говоря о том, чтобы поставить на вооружение. Как-то раз, в школе Зиро, несколько мальчиков из параллельного класса где-то раздобыли пузырек с красной ртутью, и пошли на болото взрывать. И этот взрыв слышал весь город. От них ничего не осталось, не нашли ни малейшего кусочка, пацанов порвало на молекулы. Хоронили ранцы с учебниками. У Зиро перед глазами стояло бешенное лицо отца, никогда до и никогда после Зиро его таким не видел. Отец прижал его к стене, и, потрясая ремнем, орал: "Если я! Когда-нибудь! Узнаю! Что ты! Хоть каким-то образом!". Тот урок ему удалось крепко вбить в голову Зиро — всю оставшуюся жизнь красная ртуть внушала ему панический ужас. Он думал, что красной ртуть больше нет, говорили, все оставшиеся запасы были распроданы из-под полы в смутное время после развала СССР. После продажи покупатель, как правило, исчезал навсегда. Зиро думал, что красная ртуть канула в лету. Навсегда перешла в разряд одной из легенд советского периода.

Инфинити размотала еще один клубок и извлекала еще один краснортутный шарик.

— Подержи-ка, — она вложила шарики Зиро в ладонь. Зиро покрылся холодным потом с головы до пят — ему казалась, что он держит в руках саму смерть. Шарики были парадоксально тяжелы для своего размера. Инфинити вытащила обойму из рогатки, что-то подкрутила в ней, и забрала шарики, спрятав в кулаке.

— Опусти лестницу, — Она указала взглядом на сложенную лестницу, которая вела к аварийному люку в потолке. Зиро стряхнул с себя оцепенение. Расстегнул ремни, встал на предательски дрожащих ногах. Опустил лестницу, зафиксировал. Полез вверх и открыл люк, ветер зашумел в ушах. Он пододвинулся — Инфинити лезла наверх.

— Держи меня, — сказала она. — Крепко. Один шарик она вложила в седло, другой продолжала сжимать в кулаке. Оттянула тетиву, и зафиксировала натяжение.

Зиро скрючился в неудобной позе, обхватив Инфинити за талию и изо всех сил прижимая к лестнице.

Инфинити высунулась в люк, ветер трепал ее волосы, в косых лучах восходящего солнца казалось, что вокруг ее головы пляшут языки рыжего пламени. Губы сжаты в струнку. Глаза чуть прищурены, блестят от встречного потока воздуха. Зиро чувствовал, как наряжены все ее мышцы, ее редкое, размеренное дыхание.

— Подъезжаем! — Крикнул Пип.

"Акула" ждала их на прежнем месте. Ее пушки сразу же начали сыпать трассерами.

Инфинити отпустила тетиву.

БАБАХ!!!

Грохнуло так, что заболели уши.

Заряд детонировал недолетая до вертолета, яркое облако желто-красной плазмы на мгновение скрыло вертолет, "Акулу" отбросило взрывной волной, но и все. Вертолет выровнял положение, и начал снова разворачивать дула пушек в их сторону. Инфинити молниеносно вложила второй шарик в седло и хлестко выстрелила. Еще один удар дикого грохота, еще одно рукотворное солнце взорвалось над Воркуйском. И этот заряд угодил в цель, в заднюю часть вертолета. "Акуле" оторвало хвост. Подбитый вертолет, дымя и крутясь волчком, падал. Пилот отстрелил лопасти и катапультировался. Черная Акула рухнула на землю и взорвалась. Вверх взметнулся высокий огненный гейзер.

— Получи, сукин ты сын! — орал Пипетка снизу.

Инфинити едва заметно улыбнулась, одними уголками рта.

И в этом момент Зиро внезапно понял, что он её любит. Что

она не просто ему "нравиться", что это именно любовь. Он влюбился. Запал. Втюрился в эту рыжую мелочь. Это поразило Зиро до самой глубины души, словно целая цистерна красной ртути взорвалась у него в мозгу, и этот взрыв перекроил все поведенческие схемы в одно мгновение. Крушение идеалов. Переоценка ценностей. Все эти сопливые штампы. Он полюбил ее, полюбил с первого взгляда, тогда, когда впервые увидел ее на площади, очнувшись от того странного сна. Это была любовь с первого взгляда, редкий шанс, один миллион, когда подсознание, непрерывно просеивающее перфокарты с данными кандидатур на воспроизводство генома, внезапно получает совпадение дырочка к дырочке. Он полюбил ее уже тогда, но у него не было времени осознать это, принять, прочувствовать. Слишком много всего и слишком мало времени. Слишком много и слишком мало. Она была как его счастливый сон, как какие-то его внезапно материализовавшиеся невысказанные желания. Она была как красная ртуть, что-то, чему нельзя противостоять, нечто безмерно опасное и от этого непреодолимо притягательное. Он понял, что после их встречи он живет только для того, чтобы защищать ее. И все, что было с ним до того неважно. Все это больше не считается. Мир сдвинулся, когда они встретились.

— Можно отпускать, — сказала ему Инфинити. — Мы победили.

Зиро все еще прижимал ее к себе.

Зиро медленно сполз с лестницы. Он избегал смотреть на нее. Ему казалось, что она, сразу поймет, что он…. А он…. А она…. Ох, черт подери, только этого сейчас не хватало!

— А это что такое? — спросил Пипетка, и дернул красный рычаг. Поезд дико дернуло назад, Зиро едва успел схватиться за лестницу. Кинжал отстрелил тормозной парашют.

И, наконец, остановился.

— Твою-в-бога-душу-мать, — на выдохе сказал Пипетка, расстегивая ремни. — Я чуть не обделался. Три, — он показал три пальца, — раза. Спасибо всем. Развлекли, пиздец. Надо рвать отсюда, пока подкрепление не пришло.

— Девочка моя, — сказал Казимир, натужно улыбаясь, — у тебя еще красная ртуть есть при себе?

— Нет, — Инфинити горестно вздохнула. — Это были последние два.

— Точно? — подозрительно переспросил Казимир.

— Точно.

— Ну, слава тебе господи.

Зиро немного оправился от потрясения.

Чтобы не произошло у него внутри, снаружи ничего не

изменилось.

Они по-прежнему в Воркуйске-8.

А Воркуйск-8 по-прежнему захвачен зомби.

Он крепко, до боли в пальцах, сжал рукоять Меча.

020: Ножи наружу

— Опять вам повезло, москали. — Сказал Крамольник, глядя на развороченные пушкой бока Кинжала. За поездом, трек укрывало белое полотнище тормозного парашюта.

— Ну ничего. Вечно везти не может. — Он резко развернулся, запахнув плащ, и быстро зашагал по узенькой тропинке, что шла мимо трека. Они спустились на поверхность у ближайшей опоры.

Зиро идентифицировал это место.

Это был парк в Научном Секторе, разбитый вокруг главной городской библиотеки, чтобы местным умникам было где подумать на свежем воздухе. Они шагали по аллее, обрамленной декоративным кустарником, было тихо, клены мягко шевелили зелеными шапками. Это была аллея Героев, (или как шутили "Мучеников"), Науки. По обеим сторонам асфальтовой дорожки стояли памятники, как говорили в В8, воркуйскому мужику. Какие-то мужчины в металле, на табличке только фамилия и инициалы, все остальное под грифом. Кто все эти люди? Что они сделали для Воркуйска? Кроме памятников и белок, прыгающих по веткам, никого наблюдалось.

Зиро вдруг почувствовал страшную усталость, словно сдохла каждая батарейка в каждой клеточке тела. Накатила волна апатии, накрыла с головой. Все что ему хотелось — лечь. Он еле переставлял ноги, плетясь в хвосте процессии.

Они вышли из парка. На месте библиотеки давно стоял торговый центр. Довольно крупный, в четыре этажа, с подземным паркингом, он стоял на небольшом холме, доминируя над окружающим пространством, к входу вела широкая мраморная лестница, оставшаяся в наследство от библиотеки. Витрины закрыты металлическими ставнями.

— Думаю, надо зайти. Сил уже никаких нет, — сказал Зиро.

— Классика жанра, — кивнул Пипетка.

Они обошли здание, зашли в тыл, во двор. Все входы закрыты, но Зиро приметил невысокое окно, под козырьком из потеющих кондиционеров, через которое они могли бы влезть внутрь. Инфинити вскинула рогатку и высадила стекло. Окно было с датчиком, но сигнализация не сработала. Зиро с Пипеткой подтащили под окно пустой мусорный бак, и по нему все забрались внутрь. Они оказались в широком зале, заставленном, до потолка, коробками с товарами. Вышли, прошли по коридору, заглядывая в двери складских помещений. Прошли мимо больших металлических дверей ровно гудящей холодильной

комнаты, и оказались прямо за прилавком мясных изделий: весь первый этаж занимал гастроном.

— Эй! — крикнул Пип, — Есть кто?! Распродажа! Скидки!

Некоторое время они вслушивались в тишину.

Они прошли мимо длинных рядов полок, миновали линию обороны выключенных касс и поднялись по мертвому эскалатору на второй этаж. На втором торговали преимущественно одеждой и обувью, один за другим фэшн-бутики за прозрачными стенами. Звук их шагов гулко разносился по этажу. И здесь никого, лишь манекены смотрели на них своими бельмами, их взгляд напоминал Зиро невидящий взгляд сомнамбул.

— Странное здесь место, — сказал Инфинити, — Вроде и культурно все, а не ходят сюда люди. Сколько здесь не бывала, всегда почти никого нет. С чего они живут?

— Да проклят он, конечно, — ухмыльнулся Пип. — Здесь же все пропитано духовностью. Столько лет здесь библиотека стояла, это ж не шутки. Наверное, по ночам здесь являются призраки литературных персонажей. Граф Монте-Кристо, там…. Горлум. Ходят и стенают, что книжки никто не читает. — Уууу… — он сложил губы в трубочку, — Умрите потребители….

— Скорее всего, люди левый трафик отмывают, — пожал плечами Казимир.

Они поднялись на третий этаж.

Там было электронное царство. Бытовая техника, компы, дивайсы, носители. Многие компьютерные экраны светились в витринах Пакманом, и сразу можно было понять, каким из них не повезло быть подключенным к Сети.

Неожиданно они услышали звуки. Где-то неподалеку играла музыка.

Пипетка прислушался, нацелившись левым ухом в направлении источника.

— Радиохэд, — определил он — Точно, Радиохэд

Звуки исходили из отдела, где торговали хай-фаем.

Музыка играла в демо-руме, там горел свет. Они прошли мимо ряда невероятно серьезного вида ящиков различных акустических систем, которые своим суровым видом, призваны были отмести всякие сомнения в адекватности многозначных ценников под ними. Они пересекли порог комнаты прослушивания.

На коричневом кожаном диване, склонившись над экраном ноутбука на коленях, сидел мужчина. Мужчина повернул голову и спокойно, ни один лицевой мускул не дрогнул, посмотрел на них. У него было какое-то малопримечательное, отвернешься, сразу забудешь, лицо. Он был в возрасте — все, что можно сказать —

лоб пропахали глубокие, как треснувшая от засухи земля, морщины, седые волосы, собранные в хвост на затылке, аккуратная, тоже седая бородка, очки в прямоугольной оправе. Он был очень бледен. Одет в новенький черный костюм, пиджак казался тесным для его широких плеч. Белая рубашка, лакированные черные туфли. Рядом с диваном, стояло две корзинки, набитые продуктами, на полу валялась пачка журналов, на совершенно разные темы, журналы для мужчин, для женщин, что-то про компьютеры, аудио-видео, политику…. Рядом с усилителем высилась стопка пластинок. В руке мужчина держал бокал, у его ног стояла открытая бутылка хорошего португальского портвейна. Губы крепко сжимали дымящуюся сигарету.

Слух Пипа не подвел — незнакомец действительно слушал Radiohead. Если конкретно, альбом Amnesiac.

— Здравствуйте, — сказал мужчина, и сделал музыку тише.

Он посмотрел на Инфинити и бокал в его руке дрогнул. Он торопливо поднес его к губам и сделал глоток.

— Привет, — сказал Зиро. — Музыку слушаешь?

— Да, — ответил мужчина.

— И давно?

— Почти всю ночь.

— Ты знаешь, что происходит в городе? Зомби видел?

— Вы этих, которые спят на ходу имеете ввиду?

— Их.

— Это очень странно, — сказал мужчина, без признака каких-либо эмоций на лице.

Зиро хмыкнул.

— Мягко говоря.

— Это болезнь какая-то? — спросил мужчина.

— Мы не знаем, — сказал Зиро. — Мы знаем, что они опасны.

— Да, — сказал мужчина. — Очень опасны.

Он потушил окурок в стаканчике из-под йогурта, и, не глядя, вытащил новую пачку из магазинной корзинки. Зиро заметил несорванную этикетку, висевшую на его пиджаке.

Казимир обвел взглядом комнату.

— Ты тут, я смотрю, хорошо устроился, — сказал он. — Как тебя зовут?

Мужчина облизнул губы.

— Моя фамилия… Пауков.

— Чем занимаешься, Пауков? — спросил Казимир. Упрев руки в боки, и распахнув плащ так, чтобы было видно кобуру, он демонстративно внимательно рассматривал Паукова.

— Коллекционным винилом, — ответил тот. — Покупка, продажа, обмен.

— На Тракторной что ли? — спросил Пипетка.

— Да, — подтвердил Пауков. — На Тракторной.

— Как ты попал сюда? — продолжал допрос Казимир.

— Ну… — Пауков затянулся полной грудью, выдохнул и посмотрел на марку сигареты. — Тут мой товарищ работает. Мы собирались поаудировать. После работы пластиночки погонять на новых аппаратах. Но когда я пришел, здесь уже никого не было.

— И что, ты сел музыку слушать? — спросил Зиро.

— Да.

— Когда кругом зомби бродят?

— А что я должен был делать? — спросил Пауков.

Никто не нашелся, что ответить.

— I might be wrong… I might be wrong… — сквозь расхлябанный гитарный рифф, приговаривал Том Йорк в высоких колонках фирмы JBL. Тонкие стрелки на лице усилителя подрагивали в такт.

— Радиохэд любишь? — Пипетка, присев на корточки, перебирал конверты пластинок.

— Из новых групп мне эта больше всего понравилась, — кивнул Пауков.

— Разве это новая группа? — удивился Пипетка, смотря на Паукова снизу вверх — Мне уже кажется, что Радиохэд были всегда. И будут всегда.

Пауков слегка смутился — первая эмоция, которую Зиро смог явственно прочитать на его непроницаемом лице.

— Ну, понимаете… Я, конечно, слышал о них. Но я специализируюсь по другому временному периоду. Где-то от начала шестидесятых, до середины восьмидесятых. Иногда знаете, как со специалистами бывает… Трудно заставить себя слушать что-то новое. А сегодня вот поставил…. И очень понравилось. В общем, да, это мое упущение.

— Ладно, — снисходительно сказал Пип. — Лучше поздно, чем никогда. Я тебе даже немного завидую. Открыть Радиохэд с начала до конца…. Это же счастье. Мне поздний больше нравится.

— А мне ранний, — сказала Инфинити.

— А мне весь, — сказал Зиро.

— Том Йорк гений, что тут скажешь, — подытожил Пипетка.

— Да, — кивнул Пауков. — Очень может быть. Поразительной красоты голос. "Radiohead" это из Дэвида Бирна цитата? — он произносил английские слова с советским акцентом.

— Точно.

Закончилась "I might be wrong", началась "Knives out".

— Эта композиция совершенно меня завораживает, — сказал Пауков, откинувшись на спинку дивана. В ней просто… бездна какая-то.

— Да ты что! "Knives out" это референсный трек! Я по нему всегда систему колибрую, — сказал Пипетка.

— "Knives out" это "ножи наружу", да? — Пауков явно распознал в Пипетке родственную душу и заметно оттаял.

— Вроде того.

— Хорошая песня.

— Soooo kniiives oooout, caaaaatch the moooouse…. - надрывался Том Йорк, и было слышно, как в его уникальном горле дрожит каждая жилочка.

— И запись просто превосходная…, - Пауков закинул ногу на ногу — Хотя, конечно, все эти…. - слегка сморщившись, он указал дымящейся сигаретой на стойку с аппаратурой фирмы "Марк Левинсон", — транзисторы…. Слишком ими увлеклись, я считаю. Детальность, конечно, превосходная, все очень чистенько, но звук какой-то… — он пошевелил пальцами, подбирая определение, — холодный. Слишком сухой, на мой вкус.

— Транзисторы, ёпт, — сказал Пипетка. — В транзисторном звуке нет души. Только лампы, чувак! Лампы и винил!

Пауков улыбнулся. Зубы у него были плохие

— Да. Лампы и винил. Абсолютно с вами согласен.

Тёрки на эту тему, как знал Зиро из общения с аудиофилами, могли длиться бесконечно. Мир может катиться в ад, а они будут стоять на краю пропасти и спорить, что душевнее играет.

— Значит ты тут один? — перевел он тему.

— Кажется, да.

— И никого из персонала не видел?

— Нет.

— Ладно, — Зиро повернулся к своим. — Пойдем все же последний этаж осмотрим, на всякий случай.

Они развернулись к выходу. Пауков встал.

— Я очень рад, что вас встретил, — сказал он, кривовато улыбаясь — Я думал, я один тут не сплю. Его взгляд бегал по их лицам, но постоянно, как металлическая крошка к магниту, возвращался к Инфинити. Ну и не удивительно, подумал Зиро. Там есть на что посмотреть.

Инфинити скрестив руки на груди, хмуро смотрела Паукова.

— Не люблю я таких, — сказала она, когда они вышли. —

Всех этих тонких ценителей звучания. Гуща, блин, болотная. Вырядился, понимаешь, точь-в-точь как в последнем GQ. Сел, такой, слушает. Кругом черт знает что, а он жрёт себе и пластиночки крутит. И вид такой, будто ему плевать на все. Он даже, наверное, рад, что наконец-то никто не отрывает. Ну скажите, каким надо быть упертым, чтобы Радиохэд не слушать? Одна эта смурь старинная в голове…. Да их же на самом деле музыка не интересует! Они не музыку слушают, а аппаратуру свою! Спрятались от жизни за своими колонками, неудачники…. И пялится еще! — она гневно фыркнула и передернула плечами

— Ну чего ты злая такая? — сказал Пипетка. — Ну, неудачники. Ну, социопаты. Ну и что? Они же совершенно безобидные неудачники и социопаты. Мухи не обидят. Сидят себе тихонько, музыку слушают. Кому от этого плохо? Если не трогать их аудиофилию, все они милые люди. Да нормальный мужик! Чего-то, я, правда, не помню его в тусовке на Тракторной…. Но мало, ли. Главное, он не спит.

— И что? Я теперь любого, кто не спит, любить должна?

Пипетка ничего не ответил, только покачал головой.

— Что-то с ним не так, — задумчиво проговорил Казимир. — Не могу понять что.

Зиро казалось, что еще чуть-чуть, он упадет и заснет прямо на полу.

На последнем этаже располагалось пару кинозалов и несколько кафешек. Они заглянули во все двери, покричали, приманивая возможных зомби. Никого. Кроме них и Паукова в молле никого не было. И слава богу, подумал Зиро.

— Все, — сказал он. — К черту. Привал. — Он отцепил Меч от ремня и буквально рухнул на один из диванов, что стояли вдоль стены, за билетными кассами.

Снял обувь и вытянулся. Закрыл глаза.

— Боже, как страшно спать, — проговорил он. Некоторое время он лежал в абсолютной темноте, потом, внезапно из тьмы, как на только что отснятой поляроидной фотографии, проступила картинка из детства. Мамины руки плели косички из проводов. Она тогда брала подработку на ВЗКА, делала проводную проводку для приборов, 15 копеек штука. У мамы на коленях лежала дощечка с гвоздиками, маршрутная карта, повторяющая путь проводов внутри какого-то, наверняка военного, аппарата. Мама, ловко, как автомат, мотала провода по гвоздикам, периодически смазывая их о большой кусок желтого, как Пакман, воска. Потом сшивала разноцветные косички, толстой кривой иглой с черной ниткой. Это сцена стояла перед глазами у Зиро всего лишь мгновение, потом он провалился в бездонную угольную черноту.

.....

Его разбудил шум и запах кофе. Он открыл глаза, и некоторое время, соображал, где он, что он. Сознание подгрузило данные.

— Оооо…, - горестно простонал Зиро, закрыв глаза ладонью.

Прекрасный новый день. Лучше бы не просыпался.

— Привет, чувак, — услышал он голос друга.

Зиро сел, потер глаза.

— При. вет.

Все уже встали. Пипетка с Казимиром сидели за столиком кафе. Инфинити, с кухонным ножом в руках, хлопотала за стойкой. Рядом с ней стояло несколько корзинок с продуктами. Шумела кофеварка.

— Где тут туалет?

— Там.

Зиро встал, сделал шаг в указанном Пипеткой направлении, споткнулся о Меч и чуть не грохнулся.

— Реально, зомби, — сказал Пипетка.

Все заулыбались.

Зиро смыл, подошел к раковине, помыл руки и умылся, хмуро разглядывая в зеркало свое слегка опухшее со сна лицо. Пригладил мокрой ладонью всклокоченные волосы. Более-менее пришел в себя. Хотелось есть. Желудок словно прилип к позвоночнику.

Он вышел из туалета, пошел к друзьям, но тут взгляд его скользнул по окну. Зиро замер, лицо вытянулось.

— Вашу мать, — сказал он и подошел к окну.

Сомнамбулы заполнили почти весь холм, на котором стоял магазин. Толпа начиналась от самых стен здания, все они спокойно стояли, понурив головы, и опустив руки, стояли, почти плечом к плечу. И из парка выходили все новые и новые особи.

— Мы окружены. Они стоят по всему периметру здания, — сказал Казимир.

— Просто стоят?

— Просто стоят.

— Влезть они сюда не могут, стоят и ждут, наверное, когда мы высунемся, — сказал Пип.

— Вот дерьмо, — скривился Зиро.

— Садитесь есть, — сказала Инфинити. Она поставила на столик блюдо с бутербродами, она выкладывала из корзинки салаты, соки, соусы, фрукты и прочее, пока не заставила весь стол едой.

— Чай, кофе, — показала Инфинити. — В холодильнике тортики всякие. Приятного аппетита, — и села за стол.

Первые два бутерброда Зиро проглотил, почти не жуя. На бутерброды пошли хамончик, тунец, икорка, твердые сыры, овощи…. Продукты смешаны в необычных, но вкусных сочетаниях.

— А где этот… любитель винила? — спросил Зиро.

— Ушел, — ответил Казимир. — Я как проснулся, хотел с ним потолковать. Но его не было нигде. А на первом этаже окно во двор открыто и веревка вниз. Мутный тип.

— Ну и хрен с ним, — сказал Зиро, и продолжил работать челюстями.

Он жевал, и тайком поглядывал на женщину, в которую, он вроде как, влюбился. С утра он был в этом не так уж уверен. С утра (хотя какое это утро — вторая половина дня) он вообще был гораздо меньше уверен. По Инфинити было видно, что ночка была бурная. Помятая, бледная какая-то, одни глаза на лице, рыжие волосы прядями торчат в разные стороны, она просто перехватила их обручем, чтобы не лезли в глаза. Платье ее имело жалкий вид, — один погончик оторвался, сбоку разошелся шов…. Синяк на руке. Инфинити перехватила его взгляд и нахмурилась.

— Слушайте, — вдруг сказал Пипетка с набитым ртом. — А эти зомби едят?

— Хмм…. Вроде нет, — сказал Зиро, уплетая салат из пластиковой коробочки. — Я не видел, во всяком случае. Они кусают, но не жуют.

— И не пьют?

Зиро кивнул.

— Так, значит…. Если они не проснутся, они умрут от голода и жажды? Они же тоже должны что-то жрать?

Эта простая мысль Зиро в голову не приходила.

— Хмм… — он облизал губы. — Наверное. Да что, наверное — точно. Они же люди. Ну, в смысле, вы поняли.

— А сколько человек может прожить без еды?

— Думаю, недели три максимум. А если они и не пьют так и того меньше.

— Значит, нам достаточно просто подождать? — спросила Инфинити. Она задумчиво гоняла ложкой хлопья в молоке.

— Смотря чего мы хотим, — со значением произнес Казимир.

Зиро вперил взгляд в блюдо с едой. Он не мог понять, как относиться к этой мысли. С одной стороны — это надежда на спасение, с другой стороны — вид В8, устланного истощенными трупами… Его передернуло.

— Я не вижу во всем этом логики, — медленно сказал он. — Все это какой-то бред.

— Это заговор, — сказал Казимир.

— Да не клеится что-то заговор! — Зиро бросил вилку. — Если это война, российские войска уже должны были быть здесь. Почему они так себя ведут? Лунатики, я имею в виду? Почему они нападают на тех, кто не спит? Какой в этом смысл? Да и вообще…. Может, опустив дороги, Инфоком наоборот хотел не допустить вторжения из России? Может это все же совпадение, никак не связанное с Сигнатурой Пакмана? Может это, и правда, просто болезнь какая-то новая?

— Коматозная сомнамбулическая нарколепсия, — предположил Пип.

— Типа того.

— У всего должна быть причина, — Казимир откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди.

Зиро подошел к кофеварке и налил себе кофе.

— Я уже ни хрена не понимаю, — пробурчал он, отхлебывая.

— Думаю нам надо посмотреть телевизор, — сказал Пипетка. — Что там в мире творится? Не мог же Пакман заглушить воронку?

Зиро допил кофе, вытащил мятую пачку сигарет из кармана. Пустая. Пошел к стойке.

— "Лонг Бич" нету, — недовольно пробурчал, оглядев ассортимент. Выбрал другие и закурил. Опершись спиной на стойку, он разглядывал свою компанию, сквозь клубы дыма.

— Спасибо, — сказал Казимир Инфинити, вставая из-за стола. — Очень вкусно.

— Да, спасибо, — сказал Пип.

— Пожалуйста, — сказала Инфинити.

В электронном зале было полно телевизоров, на любой вкус и кошелек, от небольших панелей, до пафосных дорогих медиастен. Кабельное ТВ, конечно же, не работало. Зиро выбрал устаревшую модель, со стандартным антенным входом, и они с Пипеткой, покатили ее с подставкой ближе к окну. Зиро воткнул штеккер в разъем, развернул усы телескопической комнатной антенны на всю длину. Залез на подоконник. Глянул вниз — толпа зомби погустела. Зиро на миг представил, как он выпадает из окна, летит вниз, падает прямо им в лапы…. Встряхнул головой и зацепил антенну за карниз жалюзи, усами вниз. Спустился, запустил с пульта автопоиск. Телевизор защелкал каналами. Без фильтрации и разводки по частотам, которую

делала Игла, воронка представляла собой кошмарное месиво из волн, затянутых в воркуйскую магнитную ловушку — сигналов всегда было больше чем частот, они часто совпадали, забивали друг друга, в зависимости от того, какой в данную секунду был сильнее, накладывались и смешивались. Если смотреть телек через обычную эфирную антенну возникало полное ощущение, что телевизор сошел с ума — пережевал и отрыгнул тебе в лицо все мировое ТВ. С радио еще хуже, поговаривали, что если долго слушать воронку можно сойти с ума. Никаких фактов по этому поводу ни у кого на руках не было, но, без сомнения, это было крайне, до мороза по коже, неприятно — долго выдерживать эту многослойную мешанину эфира, состоящую из отголосков голосов, музыки и помех было невозможно.

Но сейчас телевизор показывал только белый шум. Зиро в некотором шоке смотрел на вердикт "no signal" — телевизор закончил перебор каналов. Такого никогда не было. Даже в дни сильных магнитных бурь, всегда что-то пробивалось. Даже если просто воткнуть кусок проволоки в антенный вход.

— Может ли это значить, что больше не вещает ни один телеканал в мире? — спросил Пипетка. Он стоял, засунув руки в карманы, незажженная сигарета во рту. Он был крайне серьезен.

— Ну…. Может, ионосфера сегодня разряжена? — нерешительно предположил Зиро

— Что-то я не припомню, чтобы ионосфера была разряжена до такой степени, — мрачно сказал Пип.

Инфинити явно нервничала, беспокойно ерзала на стуле. Она опять поймала взгляд Зиро.

— Я не могу, — сказал она, вскакивая с места. — Мне надо переодеться. Я хочу снять это платье и больше никогда, никогда, его не видеть! Я буду на втором этаже. А вы мне потом скажите, что вы решили, ладно? — и она, чуть ли не бегом, направилась к выходу.

— Женщины, — снисходительно сказал Казимир, проводив ее взглядом.

Зиро переключил телевизор на радио и опять запустил сканирование эфира. И опять ничего. Ничего, кроме ровного шипения по всем частотам.

— Это медиаблокада. Игла все глушит, — сказал Казимир. — Еще одно доказательство того, что за всем этим стоит Комитет. Нам надо идти в Иглу! Пора вывести этих сволочей на чистую воду!

— Казимир, ты видел сколько их? — отреагировал Зиро. — Мы их всех не перевалим. Или, может, ты пулемет припрятал под плащом?

— И что ты предлагаешь?

Зиро пожал плечами.

— Я не могу вот так просто сидеть, — сказал Крамольник. — Надо действовать!

— Я никуда не собираюсь, — сказал Зиро. — Выходить сейчас это чистое самоубийство. Здесь мы в безопасности.

— И ты будешь спокойно смотреть, как они медленно умирают от голода?

— Да, — ответил Зиро. — Буду спокойно смотреть, как они умирают и радоваться, что остался жив.

— Ты так не думаешь на самом деле, — покачал головой Казимир.

— Но может нас спасут? — сказал Пипетка.

— Спасут? Кто, Комитет? Они нас уже чуть не спасли, забыл? Никто, кроме нас самих, нас не спасет! Мы должны идти на антенный остров! — настаивал Крамольник.

— Слушай, Казимир Янович, — с вздохом сказал Зиро. — Тебя никто здесь не держит. Ты волен идти на все четыре стороны: хоть в Иглу, хоть в Москву. Но мне будет жаль, если они тебя замочат. Нам всем надо успокоиться. Мы не владеем информацией, и мы не должны поддаваться первому импульсу. Нам по-любому надо выждать. Понаблюдать за ними. Может быть, они ослабеют и станут не так опасны? Тогда и выйдем.

— Логично, кстати, — кивнул Пипетка. Ему тоже явно не хотелось на войну. — Подождем, пока они повалятся с ног от усталости.

Казимир отвернулся.

— Мы поступаем как трусы, — с горечью сказал он

— Трусы живут дольше, — сказал Зиро. — Ладно, — он хлопнул себя по коленям. — Пойду побреюсь.

Зиро слонялся по торговым залам, равнодушно разглядывая товары. Он намеревался спокойно все обдумать, но вместо этого, почему-то, вспоминал то время, когда здесь была библиотека. Вот здесь были читальные залы… Ряды столов… Настольные лампы с синими абажурами…. Запах старой бумаги… Деревянные каталожные ящички, полки, полки, полки, заставленные книгами, и тишина, тишина, тишина…

Наверное, причина этих внезапных воспоминаний в этой мертвой тишине, что была здесь сейчас, резкий контраст — магазины всегда полны звуков. Ребенком он много времени проводил здесь, читал как сумасшедший, что делать, книги единственный вид виртуальной реальности доступный в то время. В то время…. В то время, казалось, что для того, чтобы чего-то

достичь, достаточно просто захотеть. И казалось, что самое сложное выбрать — чего же хотеть? В детстве Зиро разрывался между двумя желаниями: стать космонавтом и полететь на Марс и стать писателем. Идеально, конечно, сначала на Марс, потом писателем. Ему тогда казалось это очень романтичным, быть писателем. Примерно так же романтично, как полет на Марс. И что? Кому сейчас нужны эти книжки? Кому сейчас нужен этот Марс?

Ноги сами принесли его в отдел женской одежды.

Он увидел Инфинити и обомлел. Она сняла платье, теперь на ней были короткие бриджи, чуть ниже колен, переходившие в какие-то умопомрачительные сапоги, каблук которых представлял собой прозрачный куб с узким металлический штырем, в ладонь длиной. Гардероб венчала короткая цветастая маечка, открывающая ее высокую грудь почти до сосков, они прямо-таки норовили прорвать тонкую ткань, и не прятавшая пупок, где притаился зеленый камушек. Инфинити гладко зачесала волосы назад, под мальчика, и зафиксировала лаком. Подкрасилась. Совсем чуть, так, расставила акценты, на глазах и губах.

— Тебе идет, — Сказал Зиро, сглотнув. Он показал на свою голову — Прическа.

— А? Это чтоб они за волосы не хватали, — пояснила Инфинити, и пригладила хвостик у шеи.

Она снова повернулась к зеркалу.

— Нафига я так вырядилась? — спросила она у своего отражения. — Это же совершенно не практично.

Она ловко развернулась на металлических штырях.

— Сапожки клевые, — пояснила она. Поджав одну ногу, он рассматривала каблук. — Захотелось примерить. И стучат прикольно, — она цокнула шпильками о каменную плитку. — Далеко, конечно в них не убежишь, — она вздохнула, — Ладно, сапожки. Если все будет хорошо, мы с вами еще встретимся.

Рядом, на скамейке лежала целая гора одежды и обуви.

— Что же надеть? Хммм…

Нагнувшись, она копалась в шмотках. Зиро покосившись, заглянул ей в декольте. Грудь Инфинити не выпадала из майки только каким-то чудом. Ее грудь противоречила закону всемирного тяготения.

— Платья отпадают, — размышляла Инфинити вслух — Задолбалась я уже сверкать. — она бросила взгляд на Зиро, поймав его на месте. Зиро смущенно отвернулся. — Хотя это вот ничего так платьице, — она подняла платье за плечики, рассматривая. — А может на джинсы?

И скрылась в примерочной. Зиро видел в щелочку ее голую спину. Инфинити отдернула штору и предстала в новом образе. Темное, деконструированное платье с намеренно нарушенными пропорциями, с мешковатым подлом, чуть выше колен. Облегающие джинсы. Летние, замшевые сапожки на мягкой подошве

— Очень хорошо, — сказал Зиро.

— Хорошо-то хорошо, — сказала Инфинити, вертясь перед зеркалом. — Но, — она схватила себя за подол, — они же будут за подол хватать. — А можно попробовать что-нибудь такое… гладкое и облегающее? Чтобы трудно было схватить?

— Да, — сразу согласился Зиро. — Облегающее это хорошо.

И Инфинити предстала перед Зиро в гладком и облегающем.

Это длилось некоторое время, Зиро совершенно расслабился, первый раз за все время. Инфинити наряжалась, так и сяк, а он смотрел, иногда коротко комментируя. В целом, ему нравилось все. Он смотрел на Инфинити и думал, что никуда не пойдет. Его куртка лежала на коленях, скрывая эрекцию. Стояло прямо до боли. И чтобы Инфинити не надевала, Зиро видел ее без одежды.

— Ладно, — сказала Инфинити. — Остановимся на этом. — Она взяла стопку одежды, лежащую чуть поодаль и опять переоделась. На этот раз, это был простой наряд, абсолютно адекватный обстоятельствам. Свободные, темно-зеленые урбан-брюки, с множеством карманов. Свит-шот с капюшоном, в тон. Сверху — курточка-жилет, из гладкого наногортекса. Высокие, прочные ботиночки на толстой подошве.

— И кепочка, — улыбаясь, сообщила Инфинити, и надела темно-зеленую квадратную кепку с козырьком.

Так значит, это спектакль, сообразил Зиро. Она сразу выбрала, что одеть и положила отдельно. А все остальное было персонально для него. А значит….

Зиро улыбнулся и встал.

— Ну, как? — спросила Инфинити

Зиро подобрался поближе

— Очень хорошо, — он зацепил пальцем петельку на ее брюках и потянул к себе.

Инфинити не упиралась.

— …хорошо, просто прекрасно, — приговаривал Зиро, подтягивая Инфинити все ближе и ближе к себе. Она закрыла глаза, запрокинула голову, ее кепка упала на пол. Зиро мгновенно опьянел от ее запаха, запаха ее волос, запаха ее кожи, какой-то простой запах, слегка цветочный что ли, очень, очень

приятный. Он положил руку ей на бедро, наклонил голову, прицелился в слегка разомкнутые губы, и когда, казалось, никакая сила во Вселенной не способна помешать поцелую, Инфинити вдруг отстранилась, открыла глаза и спросила:

— А кто такая Аи?

— Аи?

— Да, Аи. Японочка. Это твоя девушка?

— Ну…. Не совсем. — Зиро опять попытался прижать ее к себе, но она мягко не давалась.

— Не совсем твоя?

— Не совсем девушка.

— Как так? Девушка либо есть, либо нет. Тут мало вариантов.

— Аи это моя Тень.

— Ааа… — протянула Инфинити. — Эти, компьютерные мультяшки? Было бы из-за чего так расстраиваться.

Желание Зиро растаяло без следа. Он отступил на шаг назад.

— Мультяшки? Чтоб ты понимала.

— А что тут понимать? — Она повела плачами. — Все понятно.

— И что тебе понятно?

— Да всё!

— Что значит — всё?!

— Всё значит всё! Видала я таких… — в ее голосе неожиданно прорезалась сталь. — Таким как ты, компьютеры все заменяют. Вы в него от жизни сбегаете. Потому что жизнь, такая, как она есть, вас пугает. Раньше вы просто сутками пялились в свои мониторы, а теперь еще и спите с ними. Совсем забыли, что компьютеры были созданы для того, чтобы упростить жизнь, а не для того, чтобы ее целиком заменить! Компьютер это просто инструмент! Спать с компом, это все равно, что крестьянину спать с мотыгой!

— Что ты передергиваешь?! Да все совсем не так! Ты просто ничего не знаешь!

— Да что ты заладил: "не знаешь — не понимаешь"… Хочешь выгадать время, чтобы аргументы подобрать? Да нет у тебя аргументов! Нет! Потому что это правда!

— Да пошла ты! — неожиданно для себя рявкнул Зиро.

— Да пошел ты сам! Тоже мне… ноль без палочки! Тебе очень идет эта кличка!

Зиро, не помня себя от бешенства, пошел к выходу, по пути своротив несколько стоек с одеждой.

— Иди-иди, ага! — уперев руки в бедра, кричала ему в

спину Инфинити. — Тоже мне!

Зиро сидел на подоконнике возле эскалатора. Он выкурил две сигареты подряд, прежде чем волна ярости слегка схлынула.

— Вот ведь стерва какая, — сказал он и хлопнул ладонью по подоконнику.

Почему-то он вспомнил один эпизод. Аи была тогда еще маленькая и схематичная, общаться с ней было тяжело, он только-только начал ее натаскивать. Зиро сидел за мониторами и вбивал в свою Тень базовые знания. Пополнял словарь.

— Жизнь. Жил. Живет. Будет жить, — четко проговаривая слоги, говорил Зиро в микрофон. — Живое. Живая. Живой. Живые. Конец ввода.

— Живая. Живой. Живые… — эхом повторяла Аи, записывая в память.

— "Жизнь" определение: команда/процесс/состояние/игнорировать? — спросила она.

— Процесс.

— Создаю новый процесс. ОК. Задача процесса "жизнь"?

Зиро почесал в затылке. Скользкий вопрос. Ну, в ее случае все проще.

— Задача процесса "жизнь" — успешное исполнение всех внутренних процессов. Маркировать процесс "жизнь" как метапроцесс. Объединить все активные процессы в метапроцесс "жизнь". Присвоить метапроцессу "жизнь" высший приоритет исполнения.

— Выполнено. Список процессов обновлен. Цель метапроцесса жизнь — выполнение активных процессов по обработке запросов администратора системы Зиро-сан. Настройки сохранены.

Аи призадумалась — было слышно, как трещат жесткие диски, кэшируя данные.

— Запрос: Администратор системы Зиро-сан исполняет определенные процессы генерирующие запросы для Аи. Администратор системы Зиро-сан исполняет метапроцесс "жизнь"?

Вопрос его удивил.

— Да, — ответил он.

— Требуется уточнение. Задача метапроцесса "жизнь" администратора системы Зиро-сан?

Оп-ля, подумал Зиро. Деточка желает знать, зачем он живет. Она, видимо, решила, если ее "жизнь" это исполнение его команд, то она сможет лучше исполнять их, разобравшись, чего он хочет. А во я знаю, чего я хочу? — думал он. Как же ей

объяснить?

— Цель метапроцесса "жизнь" администратора системы Зиро-сан — запуск процесса "счастье", — наконец ответил он.

Счастье они уже проходили. Для Аи процесс "счастье", значил успешное исполнение его команд, что влекло за собой подключение соответствующих анимационных библиотек — она имела счастливый вид.

— Отсутствие и/или полное исполнение команд администратора системы Зиро-сан означает запуск процесса "счастье".

Почему нет? — подумал Зиро. Пусть будет счастлива, когда нет ввода.

— Да.

— Настройки сохранены.

Аи опять затрещала дисками

— Загрузка словаря антонимов. Антоним для "жизнь" — "смерть". "Смерть" определение: команда/процесс/состояние/ игнорировать?

— Состояние.

— Характеристика состояния "смерть"?

— Остановка внутренних процессов. Полное прекращение обработки данных. Процесс "жизнь" — флаг 1. Состояние "смерть" — флаг 0, - пояснил он, на всякий случай.

— Принято. Обновление списка процессов: Состояние "смерть" означает отсутствие команд. Отсутствие команд запускает процесс "счастье". Задача процесса "жизнь" — состояние "смерть", — провозгласила Аи, разделила 1 на 0 и зависла. Ее хорошенькое личико исказил нервный тик зацикленной анимации.

Надо же, как она быстро сообразила, подумал тогда Зиро, качая головой. Цель жизни это смерть. Людям, для того, чтобы прийти к такому выводу, обычно надо не один год лупить башкой в бетонную стену. И он запустил дебаггер.

С Аи все было проще, думал Зиро сейчас. Не нравиться, стер память. Запустил отладчик и переписал по-новой. Проклятые бабы! Ведь знал, знал же, что всегда с ними так. Знал и, тем не менее, опять наступил на те же грабли. Ввод игнорирован.

Пипетка был там же, среди телевизоров. Подтащил панель к дивану, и укуренный смотрел "Рассвет Мертвецов" Джорджа Ромеро.

Зиро сел рядом.

— Ну что вы там? Трахнулись? — лениво осведомился Пип, не поворачивая головы.

— Чувак, какие же все бабы дуры! Это невыносимо.

— Понятно, — сказал Пип, подкурил косяк и передал Зиро.

На какое-то время Зиро оцепенел, уставившись в экран.

— Жизненное кино, — произнес он, наконец.

— Ну, — сказал Пипетка. — Я думал, пересмотрю классику, может чего почерпну… в плане тактики. Начал смотреть и вдруг понял, что меня совершенно не волнует, что вокруг меня. Что я сейчас, — он указал на экран, — живу их жизнью. И все остальное не важно. И когда я это кино раньше смотрел, было точно так же. Искусство, бля…. Так что вы там? Поругались?

— Ну.

— Чего?

— Да она к Аи приревновала.

— Так это же хорошо. Ревнует, значит любит.

— Да я понимаю… Просто, понимаешь…. с Аи все не так было. Отвык я от нормальных баб.

— Ничего-ничего. Привыкнешь. И устанешь еще, — успокоил Пипетка.

Обидные слова Инфинити еще звенели в ушах Зиро.

— Прикинь, она сказала, что я все это время дрочил в кулак!

— Есть и такая точка зрения, — рассудительно кивнул Пип, раскуривая сигарету. — Но, вообще, девки сильнее по поводу Теней параноят. Им же, как правило, мало просто потрахаться. У них программа на этот счет гораздо шире, ну ты понимаешь. Этого секс-симы им дать не могут. А мужикам-то че? Им в самый раз.

Печать глубокой задумчивости легла на чело Зиро.

— И ведь я не могу сказать, что я прямо "любил" Аи. Это не любовь. Это больше похоже на брак. Причем, — Зиро грустно улыбнулся, — брак по расчету. И не в сексе дело — секс вообще как-то отдельно в этих… отношениях. В другом модуле. Я же понимаю что это конструкт, созданный мною, для удовлетворения моих же желаний. Что она это, в принципе, я сам. Что у Аи нет личности…. — Он помолчал. — Или уже не понимаю? Перестал понимать? — он потер виски пальцами. — Чёрт…

— Влюбился, — покачал головой Пип. — Влюбился, наш самурай. Обалдеть. Я уж думал эта примитивная человеческая эмоция тебя не возьмет. Что ничто не пробьет твой кремниевый панцирь. Мне даже периодически кажется, что весь мир сошел с ума, именно потому, что ты, в конце концов, завел себе нормальную тёлку. Но, как бы там ни было, чувак — эта киска должна была дать тебе без всяких разговоров. По-любому. Я не

понял, что за, нах, сцены? В такое непростое время?

— Да даст. Куда денется, — пробурчал Зиро.

Пипетка сжал кулак.

— That's the spirit!

Они еще помолчали немного, наблюдая за бесчинствами банды байкеров, внезапно ворвавшихся в торговый центр, где прятались от живых трупов главные герои "Рассвета Мертвецов".

— Ну ладно. Пойду, — сказал Зиро.

— Иди, — величаво взмахнул рукой Пип. — Иди, сын мой, и будь настойчив! Они это любят.

Зиро шел медленно, он подбирал слова, которые скажет. Постоял у входа пару минут, собираясь с духом, и зашел внутрь.

Инфинити там не было. В отделе словно погулял небольшой вихрь, стойки повалены, одежда разбросана. Сумочка Инфинити валялась на полу. Рядом лежала ее рогатка. Резко воняло какой-то химией, эфиром что ли. На зеркале, красной помадой нарисована паутина. Рисунок был как раз на уровне головы Зиро, и ему показалось, что на его лицо набросили красную сеть.

Долю секунды Зиро соображал, почему это кажется ему знакомым. Шушукающиеся взрослые на кухне… Испуганная мать…. Он взвыл так, что окна затряслись.

— Что такое? Ты чего кричишь? — в зал вбежал Казимир. — Слушай, там, в дежурке два трупа. Охранники. У обоих перерезано горло… — Казимир остановился, обводя взглядом помещение, — … и выколоты глаза, — закончил он.

— Он забрал ее, — в ступоре проговорил Зиро.

Крамольник смотрел на зеркало.

— Не может быть, — прошептал он — Он же сдох!

— Он забрал ее, — повторил Зиро.

— Пауков! — Казимир хлопнул себя ладонью по лбу, — ПАУКОВ, блять! Ну, тварь!

Прибежал Пипетка.

— Парни, что за шум?

— Пауков это Человек-Паук, — сказал Казимир. — Он напал на девочку.

— Чтооо?! — глаза Пипетки округлились

Под ногами у Зиро валялся лав-пейджер с пояса Инфи. Сердечко вспыхивало короткими затухающими вспышками розового цвета. Зиро поднял его и крепко сжал в кулаке.

— Порву падаль, — проскрежетал он сквозь зубы.

— Он не мог далеко уйти, — Казимир озирался и нервно бил рукоятью пистолета в ладонь. — Он где-то здесь!

Зиро запихал рогатку в сумочку, перекинул ремешок через плечо. Они выбежали из бутика и услышали топот множества ног. Бросились к эскалатору. Зиро, свесившись через перила, заглянул вниз,

Зомби заходили в магазин, через главный вход.

— Сука, он впустил их! — воскликнул он.

Сомнамбулы заполняли холл. Выдавливались снаружи, как паста из тюбика. Передовая часть нацелилась на эскалатор. Зиро успел заметить, прежде чем мигающая точка на полу, потерялась в ногах лунатиков, еще один лав-пейджер, он валялся возле открытой двери, с надписью "для персонала".

— Он на первом этаже! — показал Зиро.

— Так, — сказал Казимир, протирая очки. — Я их отвлеку. Я спущусь на лифте, и оттяну на себя. А вы прорываетесь. Найдите и убейте эту мразь, — Казимир смотрел на Зиро. Зиро взглянул ему в глаза и увидел в них что-то такое, чего до этого момента не замечал.

Он кивнул.

Казимир побежал к лифту. Лифт находился рядом с центральным входом, эскалаторы дальше. Двери звякнули, Казимир вошел внутрь, нажал на кнопку. Зиро успел заметить выражение лица Крамольника, прежде чем створки дверей стерли его из поля зрения: Казимир улыбался.

— Эй, выродки! Все сюда! Сейчас я вас отоварю по-полной! — услышали они его голос снизу. Серия выстрелов.

Зомби медленно двинули в сторону Казимира. Но некоторые уже были на эскалаторе.

Пип вскинул пистолет.

— Не надо, — остановил его Зиро, положив руку на плечо. — Не шуми, — тихо сказал он.

Он поднял Меч. Линия стали перечеркнула правое плечо под углом 90 градусов.

Зомби медленно поднимались, развалисто раскачиваясь и шаркая по резиновым ступеням. В них все меньше и меньше оставалось человеческого: серые, землистые лица, волосы торчат, грязные, в рваной одежде. Их благостная полуулыбка теперь больше походила на гримасу, мертвую судорогу, которой свело рот. Зиро поморщился. От них воняло — они ходили под себя.

Зиро, резко, как разжавшаяся пружина, ринулся вниз по эскалатору, расшвыривая Мечом этих псевдолюдей в разные стороны. Зомби падали, не издавая ни единого звука, тела скатывались вниз, омывая ступени кровью.

Зиро, рукоять Меча у паха, стоял в холле.

Зомби теснили Казимира. Казимир, стреляя и ругаясь, на

чем свет стоит, отступал к открытому лифту.

— Чего ждешь? Беги! — крикнул он.

Внезапно, двери лифта захлопнулись, он поехал вверх.

Казимир выругался и забарабанил кулаком по кнопке. Зомби давили, приближаясь к Крамольнику полукругом. Все новые и новые лезли с улицы. Казимир, прижавшись спиной к дверям лифта, бил очередями. Но их было слишком много. В мгновение ока он высадил три обоймы, но они уже размахивали руками почти возле его лица.

— Казимир, держись! Я сейчас! — крикнул Зиро.

Ближние зомби повернули головы в его сторону.

— Да иди ты, черт тебя дери! Я справлюсь! — рычал Казимир. Он пытался перезарядиться, одновременно отмахиваясь от множества рук.

Один из них схватил Казимира за руку, и начал медленно заваливаться, увлекая за собой. Казимир упал. Через мгновение, на месте Крамольника вспух бурлящий пузырь из человеческих тел, он некоторое время содрогался от толчков изнутри. Потом они прекратились. Зиро смотрел туда, не веря. Лунатики вставали. Они поворачивали окровавленные лица в его сторону.

— Суки! — заорал Пипетка и начал беспорядочно стрелять.

Зиро развернулся и побежал к дверям служебных помещений.

Коридор, двери, двери… Лестница вниз. На ступеньке лежало еще одно сердечко — маньяк потащил Инфинити в подвал. Дверь котельной распахнута. По серым стенам бегут трубы, синее пламя струится в топках шумящих газовых котлов. Дыра в стене. Решетка выломана, открывая квадратный лаз в полчеловеческого роста высотой. Зиро вложил Меч в ножны и полез туда.

021: Момент тишины

Они проползли метров пятьдесят на карачках, и очутились в узком и сыром туннеле. Паук потащил ее под землю — в газетах тогда писали, что ублюдок прятался в заброшенном метро. Следов крови не было и это слегка обнадеживало. Пип стоял рядом с ним, сжимая обеими руками рукоять пистолета. Никогда прежде Зиро не видел такого лица у своего друга.

— Казимир, бедняга… — сказал Пип. — Я идиот. Как можно доверять человеку, который не знает про Радиохэд?!

Зиро мысленно кромсал себя на мелкие ломти тупым ножом. Если бы он тогда не повел, себя как мальчишка…. Если бы держал себя в руках…. Если бы не бросил ее…. Если бы присмотрелся к Паукову повнимательнее…. Если бы…. Черт.

— Это все из-за меня, — медленно сказал он.

— Брось, чувак, — вздохнул Пипетка. — Кто же знал, что он все еще жив? Да кто вообще, мать-перемать, мог все это безумие предвидеть?! — они шагали по этой бетонной норе, Пип светил под ноги экраном мобильника — все, на что он был способен, после заражения Сигнатурой Пакмана. Впереди, разгоняя толчками света окружающий полумрак, лежало еще одно электронное сердечко с пояса Инфинити. Зиро поднял его — пульсирующие внутри светодиоды окрасили красным его ладонь. Почему они светятся? — думал Зиро, держа сердце Инфинити на ладони. — Они мигают только, если кто-то звонит на номер сердечка. Как это? Кто это? Чертов город! — думал он. Все эти тайны. Все эти секреты. Он опутал их всех своим темным прошлым. Он не отпустит их, никогда не отпустит, он убьет их, но не отпустит. Они все принадлежат ему, только ему. Он может сделать с ними все, что хочет. Да будь он проклят!

Если бы не маячки любви, они бы заблудились в этом лабиринте — туннели почти ничем друг от друга не отличались. Серые стены, ржавые знаки, тусклые лампочки в грубых жестяных абажурах, кабели и трубы. По колодцам они спускались все глубже и глубже, крысы недовольно пищали под ногами. Чем дальше они углублялись в глубь лабиринта подземных коммуникаций города, тем сильнее становилась вонь. В конце концов, сердечки привели их к крупному канализационному коллектору. Дерьмо хлестало из труб, отсюда брала начало целая река помоев, она медленно стекала в болото. На поверхности коричневой жижи с влажными хлопками лопались пузыри зловонного газа, в сточных водах копошились какие-то кошмарные лягушки с заросшими глазами.

— Вот теперь мы в полной жопе, — сказал Пип, зажав нос. Он все еще пытался шутить. Ни Зиро видел, как ему на самом деле, невесело.

Они шли против течения этой дерьмореки, касаясь плечами слизких стен….

???

Инфинити очнулась от боли. Руки и ноги связаны, она висела, едва касаясь ступнями пола, от этого ныла каждая мышца тела. В голове гудело, нос и глотка обожжены какой-то химической дрянью. Инфинити очень хотелось сплюнуть, но никак — рот заклеен пластырем. Она где-то под землей, в просторной пещере, Инфинити прямо чувствовала, как на нее давит тяжелая масса грунта над головой.

К зрению медленно возвращалась четкость, зыбкие тени постепенно обрели очертания реальных предметов. В центре пещеры она увидела старое кресло с высокой спинкой, старое, продавленное, из обшивки выпирали пружины. У стены по левую руку, стояло два больших, что ли, шкафа, а между ними свалена, как показалось Инфинити, большая куча старинных радиоламп. Еще она разглядела стол, на нем всякие непонятные штуки, из них Инфинити угадала только настольную лампу и допотопный компьютер. Какое-то тряпье на полу. На стенах… картины? Инфинити напрягла зрение — это фотографии, много, они наслаивались друг на друга, Инфинити не могла разобрать, что на них, пока не наткнулась взглядом на снимок большого размера. У нее похолодело внутри. Это был портрет, можно сказать, красивой женщины, если бы, не сначала разорванный, а потом зашитый широкими стежками рот и широкий надрез на лбу, из которого хлестала кровь. Фотография пожелтела от времени, вся в паутине.

— Ммм! — замычала Инфинити и задергалась, пытаясь освободится.

— Очнулась, сучка? Хорошо, — услышала она мужской голос. Повернула голову. От кучи ламп отделилась тень. Это был Пауков. Он держал в руках портативную цифровую видеокамеру. Стал напротив и взял крупный план.

Он был без пиджака, рукава рубашки закатаны, брюки в известке.

— Сколько раньше было возни с этим, — сказал Пауков, смотря в экранчик камеры. — Все эти химикаты, красные лампы…. А сейчас нажал на кнопочку, и готово. Прогресс великая

штука, — говорил он, снимая Инфинити с разных ракурсов. — А это что за режим? Ага, ясно.

Еще секунда и Инфинити поняла, кто он. Самое страшное было принять то, что этот кошмар происходит с ней, здесь, сейчас, на самом деле. Ее захлестнуло целое цунами животного ужаса, каждая клеточка тела разбухла от страха, каждая мышца зазвенела. Сердце в груди бешено колотилось, как дикая птица в клетке, она от макушки до пяток покрылась холодным потом.

— Вспомнила, — удовлетворенно кивнул Пауков. — Приятно, что меня еще помнят.

Это невозможно, ты же мертв, думала Инфинити, ты должен быть мертв, тебя убили, ты прошлое, ты похоронен вместе с прошлым, тебя нет, тебя не может быть, ты….

Но он существовал, он стоял напротив, и смотрел на нее так, словно взглядом шурупы вкручивал. Человек-Паук подошел к ней и схватил ее за подбородок. Инфинити попытался вырваться.

— Не дергайся! — просипел он и достал из кармана маркер. Инфинити прочитала кожей, что он написал у нее на лбу цифру 18.

Не выпуская из рук камеру, он вышел из ее поля зрения, и через минуту Инфинити услышала металлическое громыхание: Человек-Паук подтащил к ней железный стол на колесиках, на котором были аккуратно разложены хирургические инструменты. От вида всех этих, сверкающих сталью в электрическом свете, ножей, пил и сверл, Инфинити чуть не потеряла сознание. За что? Боже, за что? — думала она. Почему я? Что я такого сделала? За что мне этот кошмар?!

— Ты же мне снилась. Представляешь, сучка? Какое странное совпадение. Чем же ты так Арахну разозлила? — Паук попробовал подушечкой пальца остроту лезвия одного из скальпелей — Это будет шедевр, — сказал он, облизнув губы. — У меня было достаточно времени, чтобы все досконально продумать. Более чем достаточно.

…нет, нет, Зиро спасает меня, он придет и спасет меня…

— Хорошо, что ты не спишь. Этих спящих убивать никакого удовольствия. Они же не чувствуют боли! Вы там, наверху, все с ума походили, — Человек-Паук покачал головой.

….нет, нет, не для этого ты, девочка, родилась на свет, чтобы сдохнуть в лапах этой мрази. Зиро придет. Придет и убьет эту мразь. Он не может не прийти. Ты же помнишь, как он на тебя смотрел? Ты же знаешь, что это значит, когда на тебя так смотрят? Слезы катились по ее щекам.

Человек-Паук словно прочитал ее мысли.

— Некому тебя спасти, сучка. Твои дружки мертвы. Ну

давай, рыдай, рыдай. Я люблю, когда бабы плачут. Для меня это как музыка. Я запустил внутрь всех этих снулых уродов, им не выбраться. Кого из них ты обслуживала? Или всех троих разом, а? Все вы одинаковы, шлюхи. Вас только собственная дырка волнует, больше ничего.

Нет, нет, он врет, убеждала себя Инфинити. Запугивает, сволочь. Не может этого быть. Зиро живой. И Казимир Янович живой и Пипетка живой, и они спасут ее, они придут, они уже идут сюда, и скоро будут здесь. Он закрыла глаза, с наслаждением представляя, как Зиро врывается в пещеру, как лезвие пронзает эту тварь…

Паук отвесил ее пощечину.

— Не смей закрывать глаза, сука! Смотри на меня! Еще раз закроешь глаза, я тебе их выколю! — он погрозил ей хромированным скальпелем с длинным, чуть изогнутым лезвием.

Черты лица маньяка исказились, человеческое обличье сползало с него, оплывало, как расплавленный воск, его лицо было не более чем маской, прячущей паучью морду. Лицо маньяка посерело, уплощилось, нос почти исчез, рот превратился в безгубую щель, над которой шевелились членистые усы-антенны. Инфинити обмякла от ужаса. Она поняла что *выпадает,* это с ней случалось иногда, в детстве, она выпадала вдруг в какой-то другой мир, измерение, сон наяву, назови, как хочешь, где все было не совсем так, как это ощущают люди, и там она видела… всякое. Инфинити боялась этого, ее *приучили* бояться этого. Нет, держись девочка, держись! — говорила она себе. Не сходи с ума! Любимый, ну где же ты?! Спаси меня!

Человек-Паук вдруг так посмотрел на Инфинити, что у нее все оборвалось в груди. Паучья морда взорвалась всеми возможными оттенками злобы.

— Ненавижу! — завизжал он. — Ненавижу вас всех! И резко взмахнул ножом.

Вот и всё, подумала Инфинити и зажмурилась, готовя себя к удару страшной боли.

Однако Человек-Паук не ударил. Инфинити опасливо открыла глаза и оцарапала веко кончиком лезвия. Он остановил лезвие буквально на паутинку от ее лица, и рукоять ножа сжимала не человеческая рука, а членистая хитиновая лапа, с двумя серповидными когтями на конце. Страх рвал душу Инфинити на части.

— Нет…. Подожди, — просипел Человек-Паук, он будто боролся с собой. Другой, еще человеческой рукой, он с трудом оторвал искаженную конечность от лица девушки. Человек-Паук отвернулся, и на его затылке Инфинити увидела две пары глаз.

Ничего не выражающие маленькие черные бусины без зрачков бесстрастно блестели в седых волосах.

— Я сказал, подожди! — кричал Паук, глаза его смотрели в разные стороны. — Сколько лет я даже тебя не слышал! Ты бросил меня, бросил! Я был совсем один! А теперь, гляди-ка, какие мы активные! Да ты просто эгоист! Ты думаешь только о себе! Как все эти сучки! Ничего, подождешь. Я СКАЗАЛ, ПОДОЖДЕШЬ! Ты получишь своё, но сначала я хочу послушать эту новую группу, понял?!

Он замер, лишь губы его шевелились. Наконец, он кивнул:

— Договорились.

Не глядя на Инфинити, он пошел к лампам, щелкнул рубильником. Куча радиоламп засветилась красноватыми огоньками, как угли большого костра и в пещере зазвучал Радиохэд. На краткое и одновременно бесконечно длинное мгновение, Инфинити забыла обо всем. Она не могла представить, что Радиохэд может звучать *так*. Звуковые волны затопили адскую пещеру, они несли Инфинити, она тонула в них, падала в бездонную пропасть звука, ей казалось, что Том Йорк здесь, с ней, он смотрел на неё, он плакал с ней, он обволакивал ее липким полиэтиленом своего голоса, словно хотел защитить ее, спрятать, вырвать отсюда и сердце Инфинити задыхалось от того, насколько невыносимо контрастировала эта красота с окружающим ее ужасом. Она смотрела на фото замученных Пауком женщин, слезы текли по ее щекам, ее глаза превратились в острова в океане слез.

So knives out
Catch the mouse
Don't look down
Shove it in your mouth…

Человек-Паук повернул голову и посмотрел на нее.

В глазах его стояли слезы.

???

— Что это? — удивленно спросил Пипетка. — Музыка? Здесь?

Они были в одном из туннелей заброшенного метро. Сердечки кончились, но в них уже не было необходимости, теперь путь был только один. Только вперед. Они пошли на звук, и, свернув, увидели яркий свет, пробивающийся через пролом в стене. Осторожно, по стеночке, они подобрались ближе. Заглянули внутрь и на пару мгновений замерли, шокированные этим, ни в какие ворота, зрелищем.

— Твою мать, — прошептал Пип.

Зиро поспешно приложил палец к губам. У него с души упал тяжеленный камень, Инфинити была жива и, вроде бы, невредима. Сейчас, милая моя, думал он. Это будет быстро. Человека-Паука они не заметили, его совершенно скрывала спинка кресла.

Зиро медленно обнажил Меч. "Ты" показывал он Пипетке. "Налево". "Я" показал он, направо. Им надо было разойтись подальше, Зиро боялся порезать друга. Если драться на мечах в помещении это проще простого. Пип кивнул и снял пистолет с предохранителя. Зиро бросился в дыру, Пип последовал за ним, но замер едва шагнув в внутрь пещеры.

— Какой звук, — прошептал он пораженно.

Человек-Паук резко вскочил с кресла и, не глядя, с разворота, метнул нож. Нож по рукоять вонзился Пипетке в живот, Пип упал, пистолет выпал из его рук и отлетел на пару метров. Человек-Паук метнулся к столу. Обернулся — из его рук словно выросли два серповидных зазубренных лезвия. Он оскалился и бросился на Зиро, в два прыжка оказавшись рядом. Замахнулся. Зиро поставил блок. Удар был силен, Зиро едва устоял на ногах. Человек-Паук ударил еще, Зиро снова блокировал. Человек-Паук отпрыгнул назад, и сделал то, чего Зиро никак не ожидал. Он сжался, как пружина и неожиданно подпрыгнул вертикально вверх. Он зацепился серпами за арматуру в потолке, ловко перевернулся вверх ногами, и, вися вниз головой, ударил. Зиро спас инстинкт, в последний момент он успел отшатнуться и лезвия всего лишь скользнули по куртке, разрезав ремешок сумочки Инфинити. Маньяк что-то прорычал, из-за музыки не разобрать что, спрыгнул с потолка и перегруппировался. Это был какой-то нечеловеческий стиль боя, Зиро никогда с таким не сталкивался. Человек-Паук двигался, и, правда, как членистоногое, на полусогнутых ногах, ловко, как краб, смещаясь влево — вправо. Он метил в ноги и нижнюю часть живота. Зиро с трудом блокировал его нижние атаки. Иногда он резко подпрыгивал вверх, и тогда уже в опасности были руки, плечи и горло. Зиро никак не мог подстроиться под врага, и Человек-Паук постепенно теснил Зиро к стене.

Инфинити пыталась раскачаться на веревке, отталкиваясь носками от пола.

Пип, вскрикнув от боли, вырвал нож из живота, и, оставляя кровавый след, пополз к пистолету. Человек-Паук наседал с бешеным напором, он рубил плотно, как машина, заканчивает удар правой, начинает удар левой, почти без пауз. Скрещенная сталь, фонтаны искр, удар-блок, удар-блок, бой шел за каждый

дюйм. Зиро потихоньку пятился. Наконец он дождался — машина дала сбой. Зиро увидел брешь в неистовых атаках, и, незамедлительно атаковал, вложив всю силу. Человек-Паук блокировал, скрестив серпы, но Зиро все же удалось отбросить его. Тогда он развернулся на месте, опасно открывая спину, и бросился к Инфинити. Он прыгнул и в прыжке перерубил толстую грубую веревку, на которой подвесил ее Паук. Девушка упала на пол, Зиро тоже не смог удержаться на ногах. Человек-Паук был тут как тут. Зиро едва успел перекатиться, когти врага вонзились в камень возле правого уха. Паук ударил еще раз. Зиро закрылся Мечом, но на этот раз Человек-Паук скрестил свои серпы наподобие клещей и вырывал Меч из его рук. Он ухмыльнулся, и занес правый серп для последнего удара, и тут Пип, сжимая пистолет окровавленными руками, выстрелил, раз, другой, третий, затвор щелкнул вхолостую: обойма опустела. Он промахнулся, пули угодили в паучий усилитель. Что-то замкнуло в его недрах, одна за другой с громким хлопком лопались лампы, голос Тома Йорка гулял вверх-вниз, от высокого режущего ухо визга, до почти беззвучного шепота.

— Ты сломал его! — взвыл Человек-Паук.

Дезориентированный, он вертел головой, не зная, на кого бросится. Настала очередь Инфинити. Она, прыгая на связанных ногах, бросилась на Человека-Паука сзади, повисла на его спине, пытаясь задушить куском веревки. Человек-Паук сбросил ее с себя, ударив локтем в живот. Инфинити согнулась напополам и упала на колени. Однако этой передышки хватило, чтобы Зиро вернул себе катану, и, когда Человек-Паук вновь развернулся к нему, он проткнул ему живот. Ножи впали из его рук, Человек-Паук с Мечом в животе, рухнул на пол. Зиро, не потрудившись извлечь Меч, бросился к другу, лежащему на полу в луже крови.

Пип дрожал всем телом, он зажимал рукой рану, безуспешно пытаясь остановить кровотечение. Зиро задрал его футболку и опешил, осознав серьезность ранения. Инфинити сорвала со рта пластырь, и закричала так, что на мгновение заглушила все звуки мира. Она освободила ноги, подобрала рогатку. Подошла к Человеку-Пауку. Тот был еще жив, вяло корчился, как наколотое на булавку насекомое. В его глазах было что-то похожее на мольбу.

— Что, гад, жить хочешь? — сказала Инфинити и, медленно проворачивая лезвие, вытащила из него Меч. Человек-Паук содрогнулся от боли.

Инфинити и оттянула тетиву на полную и выстрелила.

— На, тварь! НА, НА, НА!!! Получи! Сдохни! Сдохни, раз и навсегда!

Инфинити расстреливала его в упор, он стреляла и плакала, плакала по всем несчастным жертвам этого инфернального выродка, этой чудовищной ошибки природы, выстрел, еще один, все — обойма опустела, а она все оттягивала, и спускала тетиву. Ее трясло. Выстрелы буквально разорвали Человека-Паука на части, но Инфинити отказывалась верить своим глазам, ей все еще казалось, что он просто прикидывается мертвым, что это лишь еще один мерзкий паучий трюк. Но Паук лежал без движения, только что-то черное шевелилось внутри развороченной головы. Инфинити присмотрелась. Из дырки во лбу сначала показались длинные членистые лапки, потом за ними последовало черное, лоснящееся тельце. Паук. Здоровая тварь, размером с кольцо из большого и указательного пальцев. Паук неуверенно перебирал конечностями, видимо, ему очень не хотелось покидать эту голову, где столько лет ему было так сытно и уютно. Наконец, он решился и быстро-быстро побежал по полу.

Зиро обернулся — Инфинити, скривившись от омерзения, давила ногой пустоту.

В усилителе опять что-то взорвалось, на это раз так, что все подземелье содрогнулось, и девушка едва устояла на ногах. Музыка смолкала. Инфинити невольно замерла, наслаждаясь этим моментом тишины, который сейчас казался ей самой прекрасной мелодией, какую она слышала в жизни. Кап. Кап-Кап-Кап. Сверху капало. Потолок пещеры разрезали широкие трещины, из них сочилась влага. Редкий дождик в считанные мгновения обернулся ливнем. С посеревшего от влаги свода пещеры падали куски штукатурки, все крупнее и крупнее, трещины расширялись на глазах. Зиро взял Пипетку на руки и быстро пошел к выходу. Инфинити, с Мечом в руке, бросилась за ним. Последнее, что она видела — кусок каменной плиты падает на истерзанный труп Человека-Паука. И через минуту паучья пещера проливалась в ад, туда, где ей было самое место.

~ ~ ~

Если к данной ситуации можно применить слово "повезло", то им повезло. Они не утонули. Их не завалило многочисленными обвалами, которые (они слышали) сотрясали подземелье. И они не повторили судьбу Человека-Паука, оказавшись погребенными заживо. Серия обвалов открыла путь в туннель, который вывел их на поверхность.

Зиро нес друга на руках. Друг был плох. Они попытались впопыхах заткнуть его рану порванной футболкой, чтобы хоть

как-то замедлить кровотечение. Но где там. В голове Зиро вертелось гаденькое медицинское определение: рана, несовместимая с жизнью. Пипетка ничего не говорил, только иногда стонал, и этот тихий безнадежный стон, разрывал сердце Зиро на части. Ему казалось, что он теряет кровь вместе с ним.

Зиро вытолкнул из легких остатки спертого воздуха подземелья и осмотрелся. Кругом догнивали остатки одной из строек социализма. Ржавые остовы огромных экскаваторов, бульдозеров и земснарядов, напоминали скелеты динозавров. На щербатых сваях сидело несколько ворон, которые подозрительно разглядывали пришельцев. Картину полного запустения дополняли слежавшиеся горы песка, стопки потрескавшихся железобетонных плит, поросшие бурьяном и кучи другого мусора, который неизменно сопровождает все аспекты человеческой жизнедеятельности.

А вокруг всего этого — болото. Которое сразу принялось их жрать тучами гнуса.

Зиро постелил куртку и осторожно положил друга на землю. На лице Пипетки не было ни кровники. Он осторожно расстегнул змейку его кофты, побуревшей от крови.

— Ой! — Инфинити закрыла ладошкой рот. Глаза ее наполнились слезами.

Зиро лихорадочно соображал. Дело обстояло еще хуже, чем он думал. Он обернулся к Инфинити.

— Посмотри, в вагончиках, машинах, может, где есть медикаменты. Может аптечка осталась, короче, найди ХОТЬ ЧТО-НИБУДЬ, чтобы перевязку сделать. Быстрее!

— Да, да, — кивнула Инфинити и со всех ног метнулась в сторону вросших в землю темно-зеленых вагончиков строителей.

— Аптечка… — криво улыбнулся Пип. Ему даже улыбаться было больно — Желательно, такую, как в играх — съел и порядок.

Во рту у него было полно крови. У Зиро все оборвалось в груди. Это означало внутреннее кровотечение.

— Я всегда хотел, чтобы на моих похоронах играл Радиохэд, — прошептал Пип.

— Ну что ты такое говоришь? — быстро заговорил Зиро. — Какие похороны?! Все будет зашибись! Сейчас перевязку тебе сделаем нормальную, будешь у нас как новенький. Мы еще с тобой…ух!

— Брось, чувак. — Пип положил руку Зиро на плечо. — Не обманывай себя. Это… он закашлялся, — все… Я уже не чувствую ног. Боже мой, как холодно… Чертово болото добралось до меня…

Он дернулся и умер.

Зиро сначала не поверил. Это очень трудно — поверить в смерть близкого человека.

— Пип! Ей, дружище! Ты что?! Как же так? Ты же… Мы же…

Когда Инфинити вернулась с пустыми руками, Зиро, опустив уголки рта, тупо смотрел куда-то вдаль, сжимая в объятиях безжизненное тело лучшего друга.

+ + +

Инфинити, обхватив руками колени, сидела на плитах и молча наблюдала как осунувшийся и посеревший Зиро роет яму. Он копал ее уже полтора часа без перерыва. За это время он не сказал ни слова.

Зиро яростно вгрызался в болотный суглинок, стирая ладони в кровь черенком лопаты. Он должен вырыть хорошую яму. Хорошая яма это очень важно. Важнее всего на свете. Выживает сильнейший, вдруг вспомнил он. Это ты загнул, Чарльз, — мысленно возразил Зиро бородатому гению, навсегда избавившего человечество от иллюзии собственной исключительности. Выживает, как правило, всякая мразь. А клёвых парней молодыми закапывают в землю. Какое же грязное и кровавое дело эта твоя эволюция, Чарльз. Он копал и никак не мог остановиться. Ему очень хотелось плакать, но слезы застряли в горле.

Зиро присел на краю ямы. Дрожащими руками вставил в рот сигарету. Классная получилась яма, придирчиво осматривая дело рук своих, думал он. Просто загляденье. Широкая. Глубокая. Ровная. На лице Пипетки играла умиротворенная полуулыбка, почти такая же, как на лицах сомнамбул. Словно он не умер, а просто заснул и ему снится хороший сон. Так всегда бывает — спустя несколько часов после смерти, лицевые мышцы покойного размягчаются, навсегда стирая с лица маску предсмертных страданий. Может, из-за этого и возник миф о счастливой загробной жизни? Он завернул тело в кусок брезента, и при помощи Инфинити, аккуратно спустил труп в эту распрекрасную яму. Начал забрасывать ее землей. Закончив похороны, Зиро несколько минут молча стоял, никак не решаясь бросить лопату. Наконец он, буркнул куда-то вверх:

— Я не согласен.

Лопата выпала из его рук и он, наконец, расплакался, закрыв грязными ладонями лицо. Инфинити подошла к нему, положила руки на плечи. Так они и плакали, обнявшись, посреди

гнилого, холодного и равнодушного ко всему болота.

Конец второй части